

Предисловие от авторов

О войне не пишут для войны.

Для чего же пишут? В чем смысл человеческих свидетельств об обстоятельствах непреодолимой силы, современниками, невольными участниками, а то и заложниками которых становятся целые поколения человеческого рода?

Воспитать? Предотвратить? Увы, нет. Тысячи книг, миллионы страниц написаны до нас. Ничье слово не оставило тех, кто пытался утвердить свое право сильного за счет человеческого «сырья». Сколько будет написано после нас?

На что же надеемся мы, авторы этого небольшого сборника, решившиеся рассказать о «непризнанной» войне? На что рассчитываем?

На существование момента истины. По нашему убеждению, он есть. Благодаря ему писательские свидетельства могут превратиться в обвинения, которые будут заслушаны если не судом, то историей.

И если не мы, то кто же поможет утверждению момента истины в нашем времени? Во времени, пресыщенном агрессивными мифами — от продвижения либерализма любыми средствами и до реинкарнации нацизма под лозунгами интеграции в «цивилизованный» мир. Во времени, где человека-песчинку превращают в исполнителя чужой воли, где его ЖИВУТ по прихоти сильных мира сего.

К самосознанию человека, не забывшего под бременем обстоятельств, что он — человек, и имеющего мужество жить по собственному разумению, и обращены наши строки.

И как бы ты, читатель, ни оценил их, ты оценишь это документальное повествование по достоинству. Ты обязательно поймешь, почему эта «непризнанная» война — только пролог к разлому цивилизации, по одну сторону которого мы с тобой, по другую — те, кто возомнил себя «шоколадным королем» истории. И обязательно вспомнишь простую истину: не в силе Бог, а в правде.

Ал Алустон

ЧЕСТНЫЕ ЛЮДИ

Особую роль в гражданской войне выполняли хозяева и директора водочных магазинов. Войска хунты ради спиртного были готовы на риск и преступления. Ополченцы были готовы на многое ради сведений о войсках хунты. Поэтому водочные боссы регулярно становились посредниками в тайных переговорах сторон.

Однажды Ломтю позвонил по Скайпу хозяин магазинчика с водочным отделом, располагающегося в нейтральном городке. У одного из офицеров хунты, артиллериста, было дело к командованию ополчения. Особую важность сигналу придавало то, что этот офицер командовал дивизионом РСЗО 9К51 «Град».

Переговоры должны были пройти лично, и обязательно с участием представителя командования ополчения. Это означало, что на встречу должен был отправиться или Колун, или его заместитель Шинданд (позывной взят по названию афганского города, за бои в окрестностях которого имел медаль), или начальник разведки.

Ломоть решил отправиться на встречу сам. Наблюдатели тщательно изучили обстановку, ничего подозрительного обнаружено не было. Разведчик взял с собой двоих бойцов — пулеметчика и снайпера, — сел на «тачанку», проселками и степью доехал до окрестностей городка. Дальше добирались пешком. Разместив бойцов на позициях, Ломоть вошел в подсобку магазина.

Его визави появился минут через восемь на «уазике» с солдатом-водителем. В магазин артиллерист зашел один, попросил продавца вызвать хозяина. Тот проводил офицера в подсобку и удалился.

— Ломоть, начальник разведки отряда ополчения Ивановки, армия Новороссии, — представился ополченец.

— Зови меня просто — капитан, — ответил офицер.

— Слушаю тебя, капитан.

— Продаю установку «Град». Пять тысяч евро. Наличными.

— Это предложение нам интересно, — кивнул Ломоть, обуреваемый разнообразными чувствами. Такого грозного оружия никому из его отряда еще никто не предлагал. И еще — нужна была немалая сумма. Таких денег не было — но и упускать товар было нельзя. — Расскажи в деталях.

— Я команду дивизионом 9К51. Это по штату 18 установок. Фактически — 16. Завтра-послезавтра мы будем перебазироваться сюда. Я уже несколько дней здесь, готовлю расположение для приема машин. Я выведу одну из машин из строя, мы ее отбуксируем до ближайшего села и оставим ремонтироваться. С установкой будет расчет — четыре человека. Поломка будет легкая, но найти причину будет непросто.

Захватываете машину, ликвидируете расчет — свидетели исключены. По факту платите пять тысяч евро наличными. Мы честные люди, я доверяю вам, вы, надеюсь, поверите мне.

— Расчет требуется именно ликвидировать? Не нейтрализовать, не взять в плен?

— Именно ликвидировать. Такое мое обязательное условие. Опытный эксперт по признакам поломки установит ее причину, и я могу попасть под подозрение.

— Как починить машину, скажешь?

— Не скажу. Чтобы не было соблазна починить ее сра-

зу и уехать своим ходом. Машина должна быть уведена на буксире или трейлере при свидетелях. Я хочу остаться вне подозрений.

После уточнения остальных деталей собеседники расстались.

* * *

Колун принял решение обратиться за помощью к командованию. «Град» мог быть заминирован, мог быть поломан сильнее обещанного — а проверить это в отряде было некому. И еще — нужно было пять тысяч евро.

Командование одобрило операцию, прислало троих спецов — сапера, артиллериста и сопровождающего их стрелка. При артиллеристе находилась необходимая сумма.

* * *

Точное место «поломки» заранее указать было невозможно — из-за технических особенностей ее создания. Поэтому операция готовилась сразу в двух селах. Примерно на равном удалении от этих населенных пунктов были вырыты капониры для техники — БМП, трейлера, «тачанки». Позиции для техники замаскировали сетями, расставили по округе наблюдателей. В ночь перед операцией машины и бойцы заняли позиции.

Обещание артиллериста подтвердилось — в дальнейшем от Ивановки село на тягаче МТЛБ привели неисправную установку «Град». Оставив расчет при машине, тягач отцепил буксирный трос и уехал, догоняя колонну с остальными машинами дивизиона.

Когда колонна ушла на приличное расстояние, из капониров вывели «тачанку» и БМП, на скорости въехали в село. При установке нашли только одного солдата. Остальные были обнаружены в магазине, покупали перекусить.

Солдат оказалось пятеро.

— Я из отпуска, мотострелок, — пояснял пятый. — Вот, земляки подвезли... У вас условия какие в плену? Учтите, у меня гастрит!

— Учтем... — кивнул Ломоть.

Насчет постороннего солдата с капитаном договора не было, но оставлять свидетеля было нечестно.

— Из отпуска? Война только началась, а ты уже в отпуске побывал?

— Так причина же какая! Женился я! А откладывать нельзя, ребеночка ждем! Вот я и оформил наши отношения — как честный человек!

У Ломтя внезапно заломило в затылке, он покрутил шей.

— Оставался бы ты дома...

— Вот и супружница моя то же говорила! А как я останусь? За дезертирство срок суровый, как она будет дите растить, если я в тюрьме буду?

— А если на войне убьют?

— Так уже не убьют! Я теперь в плену!

— Еще не в плену... Это — нейтральная зона, а то и вообще — вражеский тыл.

Присланный командованием сапер осмотрел установку и пришел к выводу, что она не заминирована. Эксперт-артиллерист оценил техническое состояние и принял решение, что машина в годном состоянии. Нужна только запчасть, которой у него при себе не было.

Пора было решать вопрос со свидетелями и увозить установку.

Ломоть зашел за дома, к степи, дал четыре коротких очереди из автомата, отобранного у одного из солдат-артиллеристов. Мотострелок возвращался из отпуска и был без оружия.

— Чего там? — встревожились пленные.

— Пора закругляться, — пояснил разведчик.

Он достал две бутылки водки, стакан, налил до краев, протянул одному из пленных.

— Дорога тяжелая будет, пей.

— Нам раньше никто перед тяжелой дорогой выпить не давал, — пожаловался солдат. — Прямо странно как-то... — он выпил, скривился и занюхал водку рукавом.

Вот и вся водка выпита. Пленные пьянели на глазах. Тем временем подъехал трейлер, зацепил лебедкой «Град», втянул на платформу, медленно пополз в степь, к капониру, чтобы устроиться там до ночи. За трейлером, прикрывая его, двинулась БМП. На броне расположился пленный пьяный мотострелок.

Ломоть прикрутил к стволу автомата глушитель и четырьмя короткими очередями убил артиллеристов. Таким огнем ПБС был угроben, но разведчик лишь невидяще посмотрел на погибших, свинтил глушитель и убрал в кармашек разгрузочного жилета. Потом он сел на «тачанку», догнал БМП, остановил его и пересадил пленного мотострелка к себе. Довез его до капонира, где раньше стояла «тачанка», застрелил и уложил труп в яму. Машину оставлять здесь не стал, отправил сразу в Ивановку. Никто ее в степи, кроме вертолета, не засечет, а для вертолета машина интереса не представляет.

Ломоть инсценировал ситуацию пьяной ссоры между мотострелком и артиллеристами — с последующим взятием бесхозной техники и оружия подоспевшими ополченцами. По большому счету, инсценировка была излишней, просто разведчику хотелось хоть как-то облегчить смерть пленным, хотя бы стаканом водки. А не убивать их было нечестно. Слово есть слово, и ради страшного оружия, каким была РСЗО, нужно было выполнять условия капитана.

Разведчик еще несколько дней был угнетен этими событиями, а всего лишь через месяц, после уничтожения тысяч мирных домов, больниц и школ огнем РСЗО, орудий и минометов хунты — артиллеристов ВСУ повсюду будут расстреливать на месте.

* * *

Прикомандированные командованием специалисты остались в БМП и дожидались ночи в капонире неподалеку от трейлера с «Градом». Дважды над степью в том месте пролетал вертолет, но ничего не заметил. Ночью трейлер доковылял по бездорожью и проселкам до Ивановки.

За сутки прибыла необходимая запчасть, «Град» был введен в строй и следующей ночью отправился в сопровождении БМП и «тачанки» в распоряжение командования.

* * *

Ломоть и капитан встретились павильончике-кафе при магазине в одном из нейтральных городков. Здесь была тень, прохлада, работал телевизор. Из него негромко доносилось предвыборное выступление будущего президента Украины Порошенко. Хотя кандидатов в президенты было много, благословение западных хозяев было озвучено четко, и в исходе выборов никто не сомневался.

— Мы честные люди, — офицер, не считая, сунул пять тысяч евро за пазуху — и достал оттуда фотографию.

— Дочка моя, — на карточке была пухлощекая девушка с котенком на руках. — Выпускной у нее скоро, платье надо купить, подарок...

— Хорошая девочка, — сказал Ломоть. — Животных любит. А я по твоей просьбе пять человек положил.

— А пятый кто?

— Твои ребята подвозили земляка.

— Запрещено на установках посторонних возить... Ну, что поделаешь. Война.

Капитан присмотрелся к разведчику.

— Ты что, их своими руками положил?

— Своими руками. Это мой договор и моя обязанность. Я у себя в отряде палачей не держу.

— Что, тебя из-за пятерых вражеских солдат совесть мучает?

— Не твое дело.

— Ты думаешь, сам такой весь в белом, такой благородный? Ишь, ручки замарал! Совесть замучила!

Капитан плеснул водки в рюмку, залпом выпил.

— Я был честным офицером, верным присяге, служил трудно, но с чистой совестью... всего несколько недель назад! Всего несколько недель назад была другая жизнь, которая уже никогда, ты слышишь меня, никогда не вернется!

Я был нормальным человеком несколько недель назад. Страна была нормальной. Жизнь была нормальной.

И вдруг — страну сдали этим тварям! Одного пакета одной установкой хватило бы, чтобы накрыть эту бандеровскую мразь! И раз и навсегда вбить их в землю по ноздри, чтобы сто лет больше ни у кого и мысли выделяться не было! На Майдане буйных всего пара сотен была! С дубьем и булыжниками! Из рогатки картошкой стреляли, весь мир ухохатывался!

Капитан снова налил и выпил.

— А теперь стреляют не картошкой. Теперь мы садим полными пакетами по собственным городам. Твоей Ивановке это вряд ли доведется испытать, вы цель неприоритетная, сами сдадите, когда Славянск падет...

— Так не стрелял бы. Офицер, тоже мне...

— Молчи, сука! — капитан схватил разведчика за грудки. — Ты знаешь, почему я, командир дивизиона, в таком звании? Командир дивизиона, вообще-то, подполковничья должность. На крайняк — майорская. Прежний командир не стал стрелять. Нет, он не отказался выполнять приказ, он только попросил приказ в письменном виде.

Нацики расстреляли его без суда и следствия. И три дня труп командира лежал на плацу собственного подразделения! Три дня не давали похоронить тело родным,

близким и сослуживцам! Так они нас утрашали. А потом вывезли и где-то закопали...

И назначили командиром меня. У меня денег не было, чтобы откупиться и выйти живым в отставку. Я всего лишь капитан.

Артиллерист выпил еще.

— Где вы были, суки, со своим Русским миром, когда эту шваль можно было накрыть одним пакетом? Где вы были, когда можно было взять Киев с Турчиновым и Яценюком одним полком за два часа? Ты понимаешь, что теперь все люди в погонах повязаны кровью с нациками? И с каждой минутой мы падаем все ниже! С каждым пакетом, с каждым одиночным выстрелом — без военного положения мы становимся военными преступниками. И выстрелы эти — по городам и селам. По «мирняку»!

Ты думаешь, зачем нацикам мобилизация? Зачем толпы пушечного мяса? Всем понятно, что это не бойцы. Им нужно, чтобы побольше народу надело погоны и повязало себя кровью с режимом. Чтобы отрезало себе дорогу назад.

И теперь дороги назад нет. Был честный офицер, и не стало. И не будет никогда. Теперь я торгую жизнями своих солдат и своим оружием. Чтобы хотя бы дочка моя вырвалась из этого ада. Это не Украина, это ад, я знаю. Я каждый день творю его сам. А ночью вижу во снах — если не выпью водки или снотворного...

Капитан снова налил, его развезло.

— Я еще много чего продам. После выпускного дочке надо дальше учиться. Хочу, чтобы она училась и жила в нормальной стране. Чтобы не шла на бесчестие и преступление из-за безденежья. Другие установки я тебе еще не скоро буду продавать, а боекомплект скоро смогу. Скоро много боекомплекта можно будет списать. Сам увидишь, почему, — капитан кивнул на телевизор.

— Житы чесно! — провозглашал с экрана кандидат Порошенко. — В Украинини повинни пэрэмогты прынципы правовой дэржавы та справэдливисти...

— Во, тоже, типа, честный. Кому это он, интересно, честно пообещал грохнуть Украину, как ты мне пообещал грохнуть солдатиков-свидетелей? — усмехнулся капитан.

— Житы в бэзпэци! — продолжал Порошенко. — Я застосую повни дыпломатычни заходы, увэсь свий талан та досвид, шоб забэзпэчиты дээскалацию конфликту, запо-бигты вийны та збэрэгты мыр...

— Ждите, скоро талант и опыт будут идти полными пакетами, — прокомментировал артиллерист. — Не мучься из-за моих ребят. Пять больше, пять меньше... Видел бы ты, что может сделать полный пакет! А у меня — шестнадцать машин! — капитан еще не свыкся, что у него теперь на одну машину меньше. — Пять пакетов — и Хиросима. Только БК подвози... А потом они приходят ночью. Дети, старики, мужики, бабы. Длинная такая очередь... И проходят сквозь тебя. Один за другим... Почему я вижу лица? Ведь я стреляю по координатам! Ты вот, сука, со спокойной совестью дышишь. Со спокойной совестью жрешь. Со спокойно совестью спишь. А мне каждый вздох — поперек глотки! Каждый кусок — поперек горла! Вот только водка идет хорошо... Но я не сопыюсь. Нельзя. Надо дочку в люди выводить.

— Могу предложить рецепт от большой совести, — разведчик счел момент подходящим, чтобы прервать монолог артиллериста. — Становись сотрудником разведки Новороссии, борись вместе с нами против нациков. Семью можем эвакуировать, дочку в хороший вуз устроим. Не Оксфорд, но...

— Нет, я хочу Оксфорд! — пьяно потребовал капитан. — И ничего ты никому предложить не можешь! Сдали сорокапятимиллионную Украину в одночасье и без боя, и тебя сдадут, и Славянск, и твою Ивановку, и твою Новороссию! И будете сдавать дальше!

— Это война. Всякое может быть. Но я не обещаю тебе победу, я лишь предлагаю лекарство от нечистой совести.

Капитан осоловело уставился в пространство, мотнул головой.

— Я подумаю.

* * *

За успешно проведенную операцию ополчению Ивановки командованием был придан расчет ПЗРК «Игла» образца 1983 г. и зенитная установка ЗУ-23-2 с обученным расчетом и двойным боекомплектом.

НЕВОЛЬНИЧИЙ РЫНОК

Калита вел переговоры по Скайпу с одним из «партнеров» с противоположной стороны.

— ...Кириченко Роман Степанович, 1992 года рождения, здоров, рядовой ВСУ, мобилизованный, из села Полтавской области, в семье кроме него еще двое детей. Имеют огород, откармливают кабанчика...

— Кабанчик — это хорошо. Уже что-то, — удовлетворенно произнес интендант ВСУ. — Даю за этого солдата три штуки маскировочной сетки три на шесть.

— Так она у тебя старая, подгнившая, рваная.

— Ну четыре.

— По рукам. Следующий — Коваленко Дмитрий Тимофеевич, 1991 года рождения, здоров, рядовой ВСУ, мобилизованный, из районного центра Житомирской области. Отец сидит, мать уборщица. Сестра школьница.

— Беру по минималке, — твердо сказал интендант.

«Минималка» означала три ящика ручных кумулятивных гранат «РКГ-3», принятых на вооружение еще в 1950 г. и никому не нужных из-за появления «РПГ», или «РПГ-2» с ящиком гранат (снятые с вооружения в связи с появлением «РПГ-7»), или ручные дымовые гранаты и т.д. Интендант ВСУ придерживался «американского» правила — не поставлять летальные вооружения. Если

что теоретически и представляло опасность, то по сроку годности давно уже мало на что годилось. Но за излишек пленных, которых не на кого было менять, и это получить было неплохо.

Пленных допрашивала разведка (состав и дислокация части, вооружение, снабжение, командование, родственники за границей, активные бандеровцы на родине, активные антибандеровцы), потом Калита составлял «резюме» о материальном положении захваченных бойцов хунты. Интендант ВСУ имел отлаженный механизм превращения пленных в свободных, а имущества и доходов их семей — в свои доходы.

— Твоя минималка вся нестреляющая!

— Все честно. Даю нестреляющее оружие за невоюющих солдат.

Калита хмыкнул.

— Ладно... Хомченко Богдан Романович, 1993 года рождения, здоров, рядовой ВСУ, мобилизованный, из Кировограда. Отец продавец в магазине, мать — учительница. Сестра — проститутка в Италии...

— Хорошему же мать дочку научила! — хмыкнул интендант. — Даю пятнадцать ящиков РКГ третьих.

— Да твои РКГ — мусор на парашютиках! — возмутился Калита. (Гранаты для попадания в цель нужным количеством снабжались маленьким куполом.)

— «РПГ-2» возьми.

— За валютную проститутку — «РПГ-2»? — возмутился Калита. — Это же недостойно эвропэйського выбора!

— А чего ты хочешь?

— Автомобили!

После непростых переговоров интендант выделил за солдата с сестрой-проституткой два «уазика» — один без колес, другой без карбюратора. Судя по тому, что из них не собрали один рабочий, были еще какие-то проблемы, о которых визави Калиты не знал. «Уазики» были ценным приобретением, на них ставили пулеметы и превращали в «тачанки».

— Карманчук Федор Викторович, 1987 года рождения, здоров, сержант МВД, боец батальона «Криворожье»... В плен попал за криворучье, — пошутил Калита.

Милицейский — это было серьезно. Милиция — это власть, фабрикация уголовных дел, вышибание долгов, крышевание и взятки. За милицейского сержанта был положен приличный куш.

— Точно МВД? — переспросил интендант.

— Ты же знаешь, у меня гарантия. Они все ко мне после разведки попадают. Могу назвать поименно весь его довоенный отдел и номер милицейской машины.

За сержанта Калита получил тридцать ящиков 82-мм минометных мин 1947 года выпуска. Мины интендантом были причислены к нелетальному оружию, так как больше половины давали осечки или не взрывались.

Дальнейший торг пополнил запасы отряда армейскими биноклями, трубами разведчика, сошками для винтовок Мосина (роскошные трехножные сошки с шарниром), дымовыми гранатами к «Туче», маскировочными сетями, бухтами МЗП-1М («путанки»), рюкзаками десантника, надувными плащ-палатками «Дождь», полевой кухней ПК-39 с чугунным котлом, старинными станковыми гранатометами «СПГ-82» и множеством старых гранат, мин и «РПГ».

Сошки для винтовок Мосина ставились на самые качественные экземпляры, лично отобранные и отстрелянные Карасем. Они выдавались лучшим стрелкам и обеспечивались вручную отобранными патронами. Так что даже без оптики можно было вести снайперскую стрельбу на близких расстояниях.

СПГ-82 был хорош тем, что использовал боеприпасы, которые больше ни к чему не подходили, давно пережили срок хранения и теперь раздавались бонусом к прочим приобретениям. Несмотря на устарелость, гранатомет уверенно и метко пробивал кумулятивными гранатами железобетонные стенки блокпостов с дистанции до 200 м.

Нестреляющее оружие все равно оставалось оружием, и могло быть использовано с выгодой. «РПГ-2» раздавали на блокпосты, гранатометы выглядели в глазах «мирняка» угрожающе и повышали авторитет бойцов. Также по неизвестным для Калиты причинам старое оружие пользовалось спросом в разведке.

А Ломоть делал в подконтрольных хунте городах закладки — 5 «наганов», 2 винтовки Мосина, 2 «РПГ-2» с двумя гранатами к каждому, а потом «обменивал» эти тайники в СБУ. Ополчение теряло устаревшее оружие, а получало взамен действующую агентуру противника низшего уровня — наблюдателей и корректировщиков. Людишки это были дешевые и поганые, но вред могли нанести серьезный.

— Ты, часом, солдатиков на органы не продаешь? — поинтересовался Калита. — А то про твоих товарищей по бизнесу много нехорошего рассказывают...

— Да ты что! Передаю хлопцев на руки родителям или их представителям. Сами солдатики ведут опознание и переговоры. Иногда, правда, представители выглядят очень подозрительно... Но раз хлопцы с ними уходят, то не мне вступать. Не, я темными делами не занимаюсь. У меня — репутация! Не станет репутации — не будет бизнеса.

— Это верно. Ну, на сегодня у меня все. Остальных придержим для обмена на наших.

— Погоди...

— Да?

— Тут один помощник военного прокурора на меня дело «шьет». Типа, я незаконно торгую оружием...

— Гнусная клевета! — возмутился Калита. — Это переверот киевский незаконный, и власть хунты незаконная, а ты даешь людям возможность получить свободу.

— Вот-вот, — обрадовался поддержке интендант. — Я даю людям свободу, а все остальное — неизбежные издержки... Так вот, надо бы этого помощника прокурора того... списать вчистую.

— Ну... это дело непростое... на блокпосту же он не сидит. Это в тыл надо группу засылать. Фронт прорывать.

— Понимаю, понимаю... Дам наводку, где живет, куда и на чем ездит. А также возьму расходы и дам приличный гонорар!

— Поподробнее, пожалуйста.

— Живет он в доме напротив...

— Поподробнее насчет возмещения и гонорара, я имел в виду.

— Ну... Дам пятьдесят ящиков универсальных вышибных камер, это пятьсот штук.

Универсальные вышибные камеры используются для минирования при помощи, как правило, забракованных артиллерийских снарядов и мин. Сама камера оружием не является.

— Ну и куда нам они? Нам в них заряжать нечего. Нет, это несерьезно.

— А еще «уазик» только что после капремонта!

Молчание.

— С полным баком, и две канистры по 20 литров, тоже полные!

Молчание.

— Еще тридцать ящиков мин!

— 1947 года?

— Ну... Они паршивые, но зато много.

— Тридцать ящиков — это не много.

— Пятьдесят!

— Восемьдесят, и десять бронежилетов.

— Бронежилеты дам четвертого класса, — смиряясь с ценой, уточнил интендант.

— Хорошо, я рекомендую командиру взять операцию в разработку.

* * *

Пленных передали, товар от интенданта поступил в полном объеме и надлежащего (отвратительного) качества.

Помощника военного прокурора брала группа во главе с самим Ломтем. Дело было сделано ночью, без единого выстрела. Заказчик признал работу выполненной, без претензий.

* * *

И вот — очередные переговоры.

— Палий Владислав Юрьевич, 1979 года рождения, здоров, помощник военного прокурора...

— Как?! Тот самый?

— Да. Захвачен по твоему обращению. В прекрасной форме. В плену уверенно овладел шанцевым инструментом, роет окопы. Будешь брать?

— А я думал, проблема решена... Столько добра всякого отдал...

— Так решена же. Дело против тебя рассыпалось, прокурорский в плену. С нашей стороны все честно.

— Что же у вас такой плен ненадежный! Держали бы уж до конца!

— Плен как плен. Подумаешь, какой-то прокурорский, мы что, из-за него систему переделывать будем? Так что, берешь его? Разведке он уже не нужен, все уже рассказал.

— А можете его подержать подольше? Я компенсирую...

— Нет, наших пленников мы держим на общих основаниях. Но если хочешь, можешь выменять его и держать у нас. Дорого не возьмем, у нас не гостиница. Режим и срок сам определишь.

— Хорошо, я выменяю его... Мины, машина и броники будут к концу недели.

— Только цена у него теперь выше, — сообщил Калита. — У прокурорского папочка на тебя, а эта папочка должна в цене учитываться.

— Папочка в руках пленного не стоит ничего.

— Так он не навсегда пленный. Как и все.

— Ну... даю сверху еще десять ящиков гранат к «РПГ-2».

— Это мусор.

- Еще тридцать ящиков мин 82.
- Если старые — восемьдесят.
- Ну, старые... Ладно, восемьдесят.
- Хорошо, об обмене договорились. Теперь о содержании...

На той стороне раздался протяжный тягостный вздох.

ГЕРОИ ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ

рассказ

Колун хозяйственными делами не занимался принципиально. Конечно, когда какой-то вопрос нельзя было решить без него, он подключался. Но обычно хозяйством занимался заместитель командира отряда по тыловому обеспечению — зампотыл. Позывной у него был соответствующий — «Калита».

Какое-то время бойцы обращались к Колуну по вопросам снабжения, но каждый раз твердо переадресовывались к Калите. Командир отряда должен был заниматься военными вопросами. Иногда — политическими и дипломатическими. Если он погрязал в хозяйстве, отряд как военная единица деградировал.

Калита вел дела удачно. На «наганы» с патронами выменял у хозяина пейнтбольного магазина в соседнем нейтральном городе десятки пар тактических перчаток, наколенников, налокотников, а также подствольные фонарики с выносной кнопкой-включателем. Экипажи бронетехники он обеспечил рюкзаками с емкостями для воды, которую можно было пить через трубку, не отвлекаясь от боя.

В ивановском ателье мод Калита разместил заказ на разгрузочные жилеты. Сделки шли в основном по бартеру — ателье получало в уплату трофейные палатки и камуфляж.

Оружие в отряд поступало из трех основных источников.

Первый — так сказать, базовое снабжение от Министерства обороны республики. Это были карабины «СКС», винтовки Мосина, наганы. Теоретически было возможно получить что-то сверх того, для проведения особых операций или в награду за особые достижения. Но пока таких случаев в Ивановке не было. Второй источник — боевые трофеи и реквизиция в охотничьих и пейнтбольных магазинах. Реквизицией старались не злоупотреблять, тем более что всегда находилась возможность дать что-то взамен. Третий источник — оружейная барахолка в Донецке, где можно было выменять или купить широкий ассортимент стрелкового оружия, а также кое-что из артиллерии и бронетехники.

На этой барахолке, например, Калита выменял пять трофейных «АКС74», которым ополченцы предпочитали оружие калибра 7,62, на три пулемета Дегтярева.

В перспективе намечался четвертый источник — собственная военная промышленность Ивановки в лице оружейника Карася и его помощников, которая пока выпускала сошки для «СКС» и гранаты «ПГШ».

* * *

Однажды Калита пришел к Рыбаку с новостью.

— На изюмском направлении на проселке киевский БМП сгорел. Такой же, как у тебя. Ты бы стогнал, посмотрел, что там пригодного есть. Ребята на «тачанке» (джип с пулеметом) подкинут.

«Тачанка» остановилась в саду на окраине близлежащего к горелому БМП-2 села. Населенный пункт был нейтральным. Участковый давно был «переворожен» и расхаживал с «наганом» и винтовкой Мосина.

Переговорили с наблюдателем, который безотрывно следил за дорогой и который-то и сообщил о горелой бронемашине.

— Похоже, аккумуляторы сдохли у нее. С ними еще БТР был и два грузовика с каким-то имуществом. Сол-

даты только на броне были. Стали заводить от внешнего источника. Ну и что-то не получилось. Мат, крики, потом дым, потом все разбежались. А потом уже пламя стало видно. Что-то взрывалось внутри.

Уехали часа три назад, с тех пор никого. Гореть перестало, да и дыма тоже нет.

Рыбак пришел к выводу, что вышла из строя система электрооборудования, от искрения зажглись потеки горючего и масла на дне моторно-трансмиссионного отделения, от повышенной температуры стали взрываться боеприпасы.

Осмотр сгоревшей бронемашины подтвердил его предположения. Двигатель просто обгорел снаружи, топливные баки не взорвались, трансмиссия осталась цела. Вышла из строя электросистема, была обожжена оптика прицелов, взорвалось несколько осколочно-фугасных снарядов и пулеметных патронов. Деформировался затвор орудия, детали пулемета. Установки ПТУР, похоже, на машине не было уже давно.

Внутри машины дышать от гари было невозможно, противогазов бойцы не имели.

Рыбак вернулся в Ивановку — скоро как раз была его смена ездить на БМП вместе с Обушком. Он объяснил ситуацию Калите и наводчику. Нужно было грузить горелую машину на трейлер и вывозить. Калита договорился с Колуном, в БМП посадили еще пятерых бойцов, всему экипажу дали противогазы и налобные шахтерские фонари — чтобы работать внутри брошенной машины. Для трофейных боеприпасов взяли с собой плетеные из проволоки короба, заполненные керамзитными шариками. Возгорание было исключено.

Еще одного бойца посадили в кабину трейлера. Старшим всей группы назначили Обушка, что было для наводчика первым большим назначением. Правда, лишь на несколько часов.

Когда ополченцы приближались к месту назначения и

запросили обстановку у наблюдателя, тот сообщил, что у БМП уже находятся солдаты киевского режима. Четверо на грузовичке «УАЗ».

Обушку пришлось импровизировать.

— Здорово, хлопцы! — крикнул он солдатам, подъехав поближе и высовываясь из люка. — Как дела? А то начальство беспокоится.

— Да нормально дела, — пожал плечами старший из солдат, с погонами ефрейтора. — Сейчас пулемет доставим, и все.

Согласно унаследованной с советских времен традиции, особую ответственность военнослужащие несли за утрату индивидуального оружия. Поэтому солдаты были готовы бросить на дороге бронемашину с пушкой, главное — забрать закрепленный за кем-то индивидуально пулемет.

Из люка горелой башни высунулась голова в противогазе.

— Работай, все в порядке, — кивнул ей ефрейтор, и голова опустилась обратно.

— Ваш старлей просил передать, что нужно еще и снаряды с патронами достать, — начал сочинять Обушок.

— Не знаю, о ком ты... — буркнул ефрейтор. — То, может, не старлей, а кэп наш?

— Наверное, — пожал плечами Обушок.

— Да пошел он вон! — возмутился ефрейтор. — Пусть на такой жарнице и в такой вонище сам возится!

— А он вам просил водички передать... — вкрадчиво произнес Обушок. — И перекусить...

Он дал команду в ТПУ, десант вышел наружу, доставая бутылку с водой и свертки с едой.

— А когда сделаете все, выпьем по маленькой, — заманчиво пообещал Обушок.

Ефрейтор дулся, дулся, но смирился. Солдаты перекусили, перекурили, вздремнули 600 секунд в теничке. Потом принялись за дело.

Вытащив пулемет, они продолжили работу. Извлеченные снаряды они укладывали на траву. Обушок осматривал каждый и укладывал в короб.

— А что это у тебя? — поинтересовался ефрейтор, указывая на короб. — Уж не тебе ли поручили снаряды доставать и ящик дали?

— Не, не мне, — безмятежно отвечал Обушок. — А ящик я вожу всегда с собой, на складе то и дело снаряды россыпью выдают. Тара, типа, ломается.

— Ага, ломается. Воруют, списывают и сепарам продают, — зло сказал ефрейтор и сплюнул.

Когда все взрывоопасное было нейтрализовано, Обушок по рации вызвал трейлер.

— Машину тоже приказано забрать, — пояснил он ефрейтору.

— Не, тогда это не наш кэп, — уверенно сказал солдат. — Уж не знаю, какой такой старлей нашелся — всякий хлам по дороге собирать. Может, из штаба какой приехал...

БМП зацепили лебедкой, втянули на трейлер, закрепили. Обушок сел в кабину «уазика», два бойца разместились в кузове. Трейлер поехал первым, потом грузовичок, БМП замыкала колонну.

— Прикольная штука, — указал ефрейтор на «наган» Обушка. — Первый раз вижу такой. Где взял?

— Наградной, типа, — похвастался наводчик.

Ефрейтор осмотрелся по сторонам.

— А куда мы едем?

— К нам в расположение.

— К нам ехать по другой дороге.

— Так поедем сначала в наше расположение... — предложил Обушок. — Я же обещал «по маленькой».

— А ты не врешь? — подозрительно заинтересовался ефрейтор. — Мы за тебя всю работу сделали, а ты все в свои ящики сложил и себе везешь? Так нечестно! — он схватил Обушка за грудки. — Поехали сначала к нам, сдвим пулемет и все остальное. А тогда и «по маленькой» можно!

— Ладно, — вздохнул Обушок. — Открою тебе тайну. Мы — бойцы Новороссии. Сдавайся в плен, — ополченец достал «наган» и наставил его на солдата.

— Вот падла, а?! — возмутился ефрейтор. — Что только не удумает, лишь бы не работать! Да отсюда до позиций русских — два блокпоста. Что ты выдумываешь?

Обушок удивился такой недоверчивости, но все же отвернул лацкан гимнастерки и показал георгиевскую ленточку.

— Теперь-то ты сдашься?

Ефрейтор что-то мрачно буркнул, отвернулся и замолк. Его солдаты безмятежно доехали до самой Ивановки, где и были зачислены в дружные ряды военнопленных.

* * *

С горелой БМП сняли двигатель, коробку передач, наружное электрооборудование и оптику. Аккумуляторы были забракованы. Двигатель и коробку передач предстояло перебрать, кое-что заменить. Пулемет тоже требовал ремонта, а вот пушка могла быть восстановлена только в заводских условиях.

Калита решил извлечь пользу даже из обгорелой бронированной коробки. По скайпу он связался с одним из офицеров киевского режима.

— Хочешь благодарность в приказе и внеочередной отпуск? — спросил зампотыл.

— А что для этого надо?

— Для этого тебе надо уничтожить БМП и десяток-полтора живой силы. Если договоримся, завтра с утра в условленном месте будет стоять БМП, уже уничтоженная. Все труды беру на себя. Сфотографируешься с ней, напишешь донесение. Поощрение гарантировано.

— Что хочешь от меня?

— Два ящика гранат и бочку солярки на расходы.

— Гранат не дам, ваши же против моих их и применят.

Дам 120-мм мины — 2 ящика, 4 штуки. Ведь артиллерии у тебя нет.

— По рукам!

На рассвете горелая БМП стояла уже в условленном месте. К ней подъехала целая колонна машин и бронетехники, офицеры по очереди сфотографировались у «коробки». Сочинили донесение — потери ополчения в живой силе составили полный экипаж (3 постоянных члена экипажа и 7 десантников), а также 2 человека сверх того (ведь, типа, были еще бойцы — те, которые вывезли трупы экипажа). Получилось 12 убитых. По пропорции 1:3 посчитали раненых. Еще 36 человек. Итого потерь ополчению нанесено 48 человек. Одного скинули на всякий случай. Отрапортовали о 47. Всем понравилось.

Но на следующее утро горелой БМП уже не было на месте.

— Ты куда ее дел? — спрашивал армейский.

— Вернул обратно. В других частях тоже в отпуск хотят.

— А как мне объяснить, куда делась «коробка»?

— Напиши в донесении, что была тобой заминирована и взорвалась при попытке сепаратистов вывезти неисправную машину.

— Это идея!

Сочинили донесение — записали убитыми 4 человека, по коэффициенту — еще 12 раненых. Получилось 16, показалось мало — приписали еще одного. Теперь в самый раз! Доказательство потерь противника — отсутствие уничтоженной бронемашин. Доказательство твердое.

* * *

Потом Калита выменял фотосессии с БМП-2 на 2 снаряда для гаубицы «Д-30», четыре ящика ручных гранат, 8 литров машинного масла, 12 блоков сигарет, 30 пар берцев, комплект запчастей для двигателя и трансмиссии горелой БМП. Артиллерийские боеприпасы зампотыл отвез в До-

нецк и отдал в обмен на более нужные для пехоты вещи — тактические очки, военные ботинки и выстрелы к «РПГ-7».

Вершиной фотобизнеса стала заявка одного из хунтят на подбитый танк ополчения.

— Я хочу баллотироваться на выборах в Раду, — заявил один майор. — Понимаю, заявка сложная. Но вознагражу соответственно. Отдам тебе исправную «Рапиру».

100-мм пушка МТ-12 была бы роскошным приобретением. Основной ее профиль — борьба с танками, но могла стрелять и осколочно-фугасными по пехоте. Большим достоинством пушки была ее повышенная точность, дистанция прямого выстрела составляла 800 м.

— Будем искать танк, — пообещал Калита. — У тебя, случайно, нет на примете подходящих?

К сожалению, самопроизвольно сторевших и брошенных на дороге танков не было. Танков вообще еще было мало на фронте.

Начальник разведки отряда осторожно навел справки и выяснил, откуда у майора «Рапира». Оказывается, пушку в подконтрольной майору мастерской оставила на ремонт шасси одна артиллерийская часть. При этом с пушки был снят прицел с панорамой, так что «Рапира» могла теперь работать только прямой наводкой. Снарядов артиллеристы не оставили.

* * *

Танк нашли. Он несколько десятилетий стоял на постаменте у соседнего нейтрального райцентра. Старый добрый «Т-34».

Его аккуратно сняли краном, сошлифовали краску и обработали металл кислотой. Броня покрылась коричневыми пятнами — типа, от ожога. Танк привезли в условленное место. Башню повернули набок, ствол орудия опустили, выбили из трака палец и сняли гусеницу, бросив ее «в художественном беспорядке».

Майор осмотрел приобретение скептически.

— Что-то уж совсем несолидный танк.

— А у тебя пушка без панорамы и боеприпасов. Не торгуйся, бери, что дают.

— Ну ладно... Только пропишите в газетах, что сняли с постамента и применяете «Т-34». А то не поверят, что я его в бою подбил.

— Пропишем.

— И пушку сами заберете. Там у нее охрана, солдатик артиллерийский...

— Заберем.

* * *

После фотосессии майор сообщил местонахождение пушки и уехал. Ополченцы увезли танк обратно, покрасили его и поставили на постамент.

«Рапира» стояла в автомастерской, удаленной от расположения войск, и лишь неотлучно находившийся при ней солдат-артиллерист охранял военное имущество. За пушкой поехал сам Колун на своем «командирском» БТР (этот БТР был самый неповрежденный из имевшихся в отряде, в свое время дважды простреленный Обушкой из орудия).

Командир рывком распахнул дверь в мастерскую, прошагал к пушке, надвинулся на часового.

— Доложить обстановку!

— В мое дежурство никаких происшествий нет! Вверенное мне имущество в сохранности!

— А где панорама?

Солдат сник.

— Так ее сняли, когда пушку сюда на ремонт отдавали.

Оптика — штука нежная.

— А может, и не было этой панорамы?

Солдат опустил голову.

— Ладно, я забираю пушку! — заявил Колун.

— Разрешите обратиться! — выкрикнул солдат. — Представьтесь, пожалуйста! В каком вы звании и должности?

Колун немного помешкал.

— Десятник самообороны Майдана. Позывной «Волк».

— А в какой сотне вы десятник?

Колун замешкался еще больше. Импровизация становилась все более трудной.

— В Небесной сотне, — сказал он твердо и пристально посмотрел солдату в глаза. Ополченец не очень хорошо разбирался в формированиях Майдана, но о существовании Небесной сотни знал наверняка.

— Так вас же всех убили... — непослушными губами пролепетал солдат.

Колун прикрыл глаза. Придуманная на ходу легенда рассыпалась.

— Всех... — произнес он и заторопился к выходу.

Артиллерист попятился.

Ополченцам, забравшим пушку, он не противился, так и остался сидеть в углу мастерской с недоуменным видом.

* * *

Майор, «подбивший» танк ополчения, действительно пошел в гору. Ломоть доложил Колуну, что в расположении части «героя» прибыла машина с журналистами.

Журналистов потом встретили на обратном пути — типа, на «мобильном посту» ВСУ. Остановили их автомобиль, забрали всю аппаратуру, заканчивая телефонами — якобы на проверку военной цензуры. Скопировали на ноутбук Ломтя все содержимое, вернули, извинившись — «недопущенной к публикации информации не обнаружено». Полученные данные отправили командованию, за что удостоились устной благодарности в приказе и полусотни пар берцев.

Впоследствии «героический» майор ездил в США, где встречался с сенаторами. Его фотографии у «подбитого» танка, с автографом, пользовались популярностью.

ТЕМНОТА — ДРУГ ШАХТЕРА

Обзаведясь бронетехникой, артиллерией и ПВО, Колун решил превратить отряд в полноценную единицу, создав штурмовые подразделения. Предполагалось, что штурмовые операции будут обычно вестись ночью, когда человеческая психика особенно восприимчива и уязвима. В темное время моральное преимущество защитников Донбасса над мародерами террбатов и ПС или насильно мобилизованными солдатами ВСУ возрастало в несколько раз. Преумножался эффект внезапности. Также ополчение, в рядах которого было много шахтеров, имело колоссальное преимущество — его бойцы не боялись темноты, умели в темноте жить и работать.

Обучение было коротким — времени было мало, а легких целей, подходящих для боевой учебы — много. Такой целью Колун выбрал гарнизон батальона территориальной обороны «Криворожье», численностью до взвода, расположенный в деревне Степное за двумя линиями блокпостов от Ивановки. Место было спокойное, тыловое, террбатовцы бронетехники и артиллерии не имели, занимались постовой службой, надзором за солдатами ВСУ в соседних населенных пунктах и, естественно, мародерством. «Криворожье» было сформировано из добровольцев — часть из них когда-то пыталась избежать службы в армии и пошла в территориальную оборону, «чтобы пересидеть». Эти деятели ошиблись в ожиданиях, батальон был отправлен на фронт. Часть бойцов были искателями военной добычи. Таких было больше всего. Они разграбляли магазины, дома, проезжающие машины, убивали людей ради денег в кошельках и одежды, и отправляли на барахолки Днепропетровска и Кривого Рога посылки с добычей. Еще в батальоне были идейные бандеровцы, которые грабили не меньше, но при этом еще и глумились над мирным населением и «несвидомыми» солдатами ВСУ с соседних постов. Террбат был очень удобной учеб-

ной целью, потому что не нужно было возиться с пленными. Их брать не планировалось.

Степное за двое суток до планируемой операции взяли под плотное наблюдение разведчики Ломтя.

С наступлением ночи БМП Обушка проселками, степью и оврагами поехала к Степному. На борту машины было 8 человек десанта, командир штурмового отделения занял место командира машины. Рядом с мехводом расположился боец с ДП. Еще два пулеметчика с ДП расположились с правого борта и на корме, выставив оружие в амбразуры. Штурмовое отделение делилось на несколько групп.

Саперная группа — два бойца с «калашниковыми», снаряженными патронами уменьшенной скорости и оборудованными ПБС. Вышибные заряды и вставляемые в них боеприпасы (отбракованные Карасем минометные 82-мм мины) находились в ящиках на броне.

Штурмовая группа — два бойца с «ППШ» образца 1942 г. и множеством секторных магазинов к нему в разгрузках. «ППШ» имел большую скорострельность и создавал высокую плотность огня в ближнем бою. Секторный магазин был заметно надежнее дискового. На стволе «ППШ» крепился тактический фонарь с выносной кнопкой. Также бойцы имели при себе карабины специальные 23-мм с магазинами на 7 патронов. В одном магазине были патроны с газом «черемуха», другие снаряжались светошумовыми и картечными патронами вперемежку. Такие карабины (нелетальное полицейское оружие) еще в последние месяцы правления Януковича щедро были поставлены в подразделения внутренних войск, и при их захвате попадали к ополченцам. Помимо стрелкового оружия, штурмовики имели по 3 гранаты «РКГ-3» и «ПГШ».

Снайперская группа — командир отделения с СВД, снабженной советским ночным прицелом и ПБС. Его помощник — боец с комплексом «Тишина» («калашни-

ков» с ПБС и бесшумным подствольным гранатометом «БС-1»). За «Тишину» Калита отдал на донецком оружейном рынке «АГС-17».

Позиционная группа — два пулеметчика с ДП.

Все десантники имели монокуляры ночного видения с масками. Таким образом, во время боя один глаз оставался адаптированным к темноте. На оружие были нанесены метки светящейся краской, позволяющие наводить и целиться ночью.

Доехав до Степного, БМП обогнула его по бездорожью и остановилась в небольшом овраге. Распахнулись створки десантного отделения, наружу вышел боец с ДП, занял позицию, осмотрелся. Через минуту из машины вышли саперы, сняли вышибные заряды и мины с брони и двинулись к соединявшей Степное с тылом дороге. Там они должны были установить небольшое минное поле и устроить засаду.

Остальные бойцы вышли из БМП, заняли позиции по кромке оврага, попили воды, проверили снаряжение.

Командир отделения связался с наблюдателями, уточнил обстановку. Гарнизон безмятежно спал.

Через час шесть минут после высадки саперы доложили о готовности. Десант погрузился в машину, БМП по косо-гору, в обход постов и пулеметных позиций бандеровцев, двинулась в село. Пройдя Степное до центра, и ведя огонь светодымовыми зарядами с бортов и кормы, машина под прикрытием пулеметчиков высадила снайперскую группу. Командир и его помощник поднялись на самое высокое строение в селе — элеватор — и затаились там.

Затем Обушок развез по позициям — перекресткам сельских улиц — пулеметчиков. Наконец, со стороны ветра (чтобы штурмовики могли применять «черемуху») высадил штурмовую группу, прикрывая ее броней, пока бойцы надевали тяжелые бронежилеты 6-го класса, потом отъехал назад и стал поддерживать штурмовиков огнем БМП. По инструкции, ночная ветвь прицела давала види-

мость ночью на дистанции до 700 м. Если подсветить инфракрасным прожектором, то должны были быть все 800, но, во-первых, инструкция преувеличивала, во-вторых, прожектор не работал. Но все равно метров на 300 было видно неплохо, а это уже большое преимущество.

После минутного замешательства командиры бандеровцев принялись организовывать оборону, но были отстреляны снайпером. Там, где не было линии огня для !СВД!, применялся гранатомет «БС-1». Двое бандеровцев сообразили, откуда их обстреливают, и подступили к элеватору, но были подавлены из автомата с ПБС.

Потеряв управление, террбатовцы рассыпались по селу, прячась в садах, некоторые двинулись к уходящей в тыл дороге. Пулеметчики с ДП расстреливали бандеровцев, выбегавших на улицы. Штурмовая группа, создавая огневой вал из ППШ и КС, гнала террбатовцев из Степного. Там каратели попадали под выстрелы саперов, а когда автоматного огня стало недостаточно, саперы за действовали минную постановку.

Обушок минут десять погонял по степи, подавляя из пулемета разбежавшихся бандеровцев, потом вернулся в село.

Собрав наскоро трофеи, все-таки взяв двух пленных поважнее, ополченцы погрузились на БМП и двинулись к Ивановке. Добыча была скудная, но сегодня было главным научиться атаковать, и эта задача была успешно решена.

Наутро Колун связался с местным участковым и передал ему информацию о минной постановке — гражданские пострадать были не должны.

Николай Иванов

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

1

В Россию текла боль.

Она с усилием переваливала свое рваное, длинное тело через косогоры, глотала пыль с терриконов и собирала для пропитания колоски среди сгоревшей на полях бронетехники. Она из последних сил тащила себя на костылях, ее толкали в детских колясках и несли спеленатой на руках. Везли в набитых нехитрым скарбом машинах. Именно по ним, по машинам, и узналось: а боль-то сама по себе бедна, богатые на таких стареньких «Жигулях» не ездят.

Ее останавливала, пытала и исподтишка пинала на блокпостах родная украинская армия, обвиняя в предательстве и грозя то ли отлучить от родины, то ли, наоборот, — никуда не выпускать. При этом боль сама могла тысячу раз, ломая шею, сорваться с крутых склонов, свалиться с искореженных пролетов на разрушенных мостах и навеки остаться на родной земле под наспех сколоченным крестом. Но всякий раз она находила и находила силы двигаться дальше. Ее двужильность удивляла, это нельзя было ни понять, ни объяснить. Особенно тем, кто не видел, с какими муками она рождалась под минами в поселке Мирном. Как вдоволь, словно про запас насыщалась слезами в городе Счастье. Как горела днем и ночью в Металлисте. Уродовалась в Роскошном, превращалась в черные кровавые сгустки в Радужном, плавилась в Снеж-

ном. Пряталась в тесных подвалах Просторного ради того, чтобы не померк свет, как в Светличном...

Брела, текла по юго-востоку украинская боль — немая, но оттого легко переводимая на любые языки мира. Порой казалось, что это просто мираж Первой мировой, начавшейся таким же жарким летом 14-го года. Но — ровно сто лет назад. Та война смела с планеты правых и виноватых, разорвала в клочки империи и загнала в небытие целые династии: ей после первого же выстрела становится все равно, что засыпать в могилы — любовь или ненависть, добро или зло, счастье или боль.

Боли нынешней тоже не гарантировалась безопасность и потому она вместе со всеми мечтала лишь об одном — побыстрее увидеть засечную черту. С пограничными вышками. С русскими солдатами на них. Там, за их спинами, за их оружием и могли прекратиться все мучения.

Но не торопилась, не спешила открываться граница. Словно оберегая собственный дом от близкой войны, оттягивала и оттягивала засечную черту в глубь России. А может, просто давая людской боли возможность испить свою чашу до дна.

Вот только где оно, дно? Кто его вымерял-выкапывал? Под чей рост и какую силу?

Но ни идти, ни ползти, ни ехать нельзя было, потому что за спиной «градины» от «Града» срезали бритвой деревья. Вспарывали крыши школ и детских садиков. Перемалывали в труху бетонные укрытия бомбоубежищ. А смешнее всего войне вдруг оказалось наблюдать за стеклянными ежиками. Разбиваешь взрывом на мелкие осколки стекла, и они веером сначала впиваются, а потом шевелятся на людях, когда те начинают ползти. Дети ползут — маленький ежик, старики — ежик большой. Летом одежды на людях мало, видно все очень хорошо...

Однако и на эти остатки живого после артиллерии серебристыми коршунами сваливались с неба «МиГи» и «Сушки». Из-под их крыльев, как из сот, с шипением вырывались

гладко отточенные «нурсы» с единственным желанием — доказать свою военную необходимость, свое умение рвать на куски, сжигать, крушить все без разбору. Роддом и морг — одновременно. Водозабор и подстанцию — можно по очереди. Церковь, пляж, тюрьма — как получится. На то они и неуправляемые реактивные снаряды.

Вольготно на войне металлу.

Территория Новороссии, при любом исходе битвы уже обозначенная историей как Донецкая и Луганская Народные Республики, могла показаться адом, выжженной, потерявшей рассудок землей. Могла, если бы не ополченец «Моторолла», ломавший плоскогубцами гипс на своей правой руке, — ради фронтовой свадьбы, ради того, чтобы могла невеста по всем правилам мирной жизни надеть ему обручальное кольцо. Если бы не черепашка, которую нашли ополченцы в разрушенном детском садике и не поставили на довольствие в одном из своих отрядов самообороны. В конце концов, если бы не врачи, во время обстрелов прикрывавшие в реанимации своими телами малышей, которых нельзя было отключать от медицинских аппаратов и переносить в подвал при бомбежке. А их, врачей, закрывали собой и расставленными руками, чтобы захватить как можно большее пространство, обезумевшие матери этих недвижимых деток...

С усилием, с кровью, но жили, выживали Луганск и Донецк, хотя и сражались в одиночку. Соседние территории, исторически тоже считавшиеся Малороссией или тяготевшие к ней, не подтянулись, не отвлекли врага хотя бы ложным замахом. Укрылись в глухое молчание Харьков и Николаев. Да, обезглавили сопротивление, заполнили тюрьмы людьми с георгиевскими ленточками, но ведь не на пустом месте родился закон: вчера рано, но завтра — уже поздно!

Отворачивался Днепропетровск. Потеряло удалую казачью шашку под женскими юбками Запорожье.

Одесса? В городе-герое оказались героями всего лишь

50 сожженных в Доме профсоюзов горожан. В других странах ради одного невинно убиенного вспыхивают народные восстания, мужество же одесситов иссякло вместе с тайными похоронами этих мучеников. Смолчала Одесса. Не произнесли ни звука и ее великие дерibasовские сатирики, еще вчера поучавшие с экранов телевизоров всех нас достойно жить. Может, еще потому не встала Одесса, потому расплыла великое звание «Города-героя», что в нем с помпой открывали памятники портфелю Жванецкого и нарисованной, брошенной на тротуар под ноги прохожих тени Пушкина, но не ветеранам Великой Отечественной?

А может, еще встанут? Еще соберут силы и злость?

Но первый, второй, третий, четвертый месяц Донбасс и Луганск, которые собранная на майдане в Киеве национальная гвардия вкупе с армией и частными батальонами олигархов обещали раздавить, как колорадских жуков, за десять дней, бились вопреки всем прогнозам. В соотношении 1 к 50. И тем значимее выглядело мужество одиночек, если даже в семимиллионном шахтерском крае слишком многие посчитали, что война их не касается. Почувствовав эту слабость, власть в Киеве и взвела курок. Полетели «градины», засветились в ночи начиненные фосфором бомбы, взмыли в небо стальные коршуны. Воевать глаза в глаза с ополченцами украинская армия не смогла, били по площадям, а значит, по невинным, непричастным и отстраненным тоже.

Потому из Счастья, Мирного, Радужного, Славянска, легендарного «молодогвардейского» Краснодона, Шахтерска, Ясиноватой, Дебальцево вытянулись колонны уходящих от войны людей. В Россию. К «агрессорам», как объявили русских в Украине.

Вместе с беженцами потекла и боль. Никого не спросась, ни с кем не посоветовавшись, она просто проникла в одежды, в глаза, в кожу, в сознание, в слова, в мысли, даже в сны людей, идущих к засечной черте.

Я ехал навстречу этой боли на БМП — универсальной, сотворенной для верткого, скоротечного боя боевой машине пехоты.

Ее тонкие, изящные, словно только что вышедшие из-под педикюра траки легко сдирали мшистый слой дерна вдоль просеки, ведущей к границе. Но я стучу ногой по левому плечу торчавшего из люка механика-водителя — сворачивай в эту сторону. У меня нет погон, камуфляж без опознавательных знаков, но бойцы слушаются, как безоговорочно подчиняются в незнакомой местности проводникам. Собственно, я и вывожу войска на самую удобную с военной точки зрения позицию. Сейчас еще левее, потом рывок через выросший самосевом лесок...

Вообще-то я ехал в родные края в отпуск, а не водить колонны. Но в очередной раз грустно подтвердилось, что в нашей огромной стране, при ее огромной армии воюют, выходят на острие событий одни и те же люди: что в Афгане, что в Чечне, что в Цхинвале я встречал в окопах одних и тех же офицеров. И даже здесь, в медвежьем углу брянского леса (древнее название города Дебрянск произошло как раз из-за непроходимых дебрей) нос к носу столкнулся на проселочной дороге со знакомым полковником с Урала. Знать, не только Одессу и Донецк победило телевидение, если даже у нашей армии нет длинной скамейки запасных...

— Извини, нам пора, — дернул щекой через пару минут после встречи уралец.

Приказ для стоявшей за его спиной войсковой группировки уже знаю — вылезти из капониров, в которые пришедшие из глубины страны бойцы зарывали себя и технику последние три дня. И не просто снять маскировку, а обозначить себя как можно ярче в непосредственной близости от границы. Порадовался: неужели руководству страны наконец-то надоело прятаться на собственной

территории и делать перед заграницей вид, что не ведаем о перемещениях своих войск?

— Свои тапки в своей хате ставлю хоть под лавкой, хоть на печку, — перевел дипломатию и военный приказ на житейский язык уралец.

А я успеваю увидеть на его карте отметку около своего родного села. И хотя держал в уме и дальнюю, а потому, скорее всего, более верную причину проснувшейся активности — оттянуть от Новороссии на этот участок границы войска украинской армии, помочь мужикам из ополчения хотя бы таким, косвенным образом — встаю перед другим-полковником по стойке «смирно». Отдаю честь: готов быть рядом. Слов в данном случае не требуется, и командир кивает на головной «тапок» — залезай и рули.

Лишнего шлема со связью нет, рулю колонной по-афгански — ногами. Впереди до размеров солдат вырастают из-под земли боровички в зеленых касках и с оружием, перевязанным пропитанными зеленой бинтами — чтобы не блестели стволы среди зеленки. Снимают с рогатин перегородившую нам дорогу длинную осину со срезанной через равные промежутки корой — чем не шлагбаум! При скорости начинают хлестать нависшие над дорогой ветки и приходит осознание полной зависимости нашего мира от случайностей: когда-то кого-то не отхлестали розгами по заднице, мальчики выросли, стали никудышными политиками, и вот теперь ветки бьют нас. Уже по лицу.

Благо наша «гусянка» быстроходна, и грудью вперед, урча от скрытой мощи, вырывается из самосевки на простор. Под бинокли замерших на сопредельной стороне украинских пограничников.

Цыганочка с выходом.

Мазурка.

Барыня.

Гопак, в конце концов!

А лучше всего вальс. Но — севастопольский! Он только что, этой весной прозвучал для России, и весь мир в

оцепенении осознал ее величие и силу: когда возродилась «Рашка», когда вышла из-под послушания немытая Раша? Ведь к слабым целыми полуостровами не уходят!

И вот эта сила здесь. И я первым, помня о Новороссии, готов показать припавшим к окулярам украинским пограничникам, что сила эта сумасшедшая и могу ударить механика-водителя и правой ногой, направляя колонну на границу. Через засечную черту. Горючки — почти до Киева! На стволах пушек — чехлы, но они скорее от пыли: 100-мм снаряды со скорострельностью 15 выстрелов в минуту прошивают ткань, не заметив этого. А рядышком — автоматическая пушка на 330 выстрелов в минуту. Под локтем гранатомет «Балкан» со скорострельностью уже 400—500 выстрелов в те же 60 секунд. Если в бинокль вдруг не видно, добавляйте на веру еще два комплекса — для уничтожения вертолетов и выноса мозгов танкам. Вместе с экипажами. Ну, и куда без родных крупнокалиберных танковых пулеметов. Они — классика жанра. И все это подо мной, под башней, на которой я восседаю царем на троне. В чреве только одной «гусянки». А их пылит сзади с десантом на броне... Брррр. Бойтесь, ребята. Или хотя бы просто доложите наверх про наш демарш. Войной, конечно, не пойдём, но вдруг наш откровенный танец хоть немного заставит Киев задуматься о безнаказанности. Поможет притушить вашу же, украинскую боль, текущую в Россию за сотни километров отсюда. А может, как в былые времена, станцует вместе? Ради будущего. Оно ведь все равно настанет, на Луну друг от друга не улетим. А вот Америка останется за океаном, его не выпьешь. Так что приглашаем! Пройдем по острию каната, как шутят в армии. Училища-то заканчивали одни и те же, еще пока есть за что зацепиться в общем прошлом. В нем не называли презрительно фронтовиков колорадами, портрет фашиста Бандеры не висел в государственных кабинетах, от русской речи скулы не сводило...

Проносимся мимо заброшенного колхозного сада, больше похожего на недоенное стадо коров, стоящее по колёно в бурьяне. Десанту хочется яблок, лето с зеленью, ягодами и фруктами проходит мимо них, но скользят, елозят по броне малые саперные лопатки, притороченные к солдатским ремням. Для бойца неизменно правило — окоп раньше еды. Обустроимся, а потом можно и яблочек, даже молодильных, поискать.

Рывок на скорости не долгий — пошли рытвины от плугов. Они перед нашим сельским кладбищем и словно тормозят ретивых — к нам торопиться не надо. Не будем. Там уже лежат моя бабушка, первая учительница, облущившийся в Чернобыле друг. Стволы синхронно, как на плац-параде, кланяются их могилам, и вслед за оружием, вроде бы просто потому что качка, кланяюсь и я. Вот, привел защиту. Теперь можете лежать спокойно. Может, и хо-рошо, что не дожили до таких времен...

Кладбище — самое высокое место в округе, в кустарнике рядом с ним можно укрыться, а вот обзор на все 360 градусов. Прекрасна и связь, из села народ сюда ходит звонить и в Москву, и в Киев: оказавшись практически на равных расстояниях от столиц, мы и разъезжались в них за лучшей долей тоже почти поровну...

Командиру неведомы мои переживания, привычно отдает распоряжения. Солдаты то ли дурачась, то ли потому что по-иному не получалось, повернули бээмпешки к границе задом, в охотку погазовали и юркнули нашкодившими котятками в тень от деревьев.

Но не котятка, конечно. Украина зазывает к себе всех, кто мог бы наказать, проучить, просто укусить Россию. Она готова стать плацдармом, подносить спички, снаряды, чтобы заполыхало и у нас. В конце концов, выколоть самой себе глаз только ради того, чтобы у России был кривой сосед.

Потому и замерли на сельском кладбище БМП, по-китайски прищуривая от пыли глаза-триплексы. Целые и невредимые.

Командирам прищуриваться некогда.

— Это, случаем, не ваши? — полковник кивает на дубки, редкой стежкой отделявшей наши деревенские поля от украинских наделов.

К ним на всех порах неслась запряженная в телегу лошадка. То, что в селе занимались контрабандой, не видела только полиция, но с приходом армейцев ситуация, конечно, изменится. Надо предупредить земляков, чтобы зачехляли свой «контрабас» от греха подальше.

Командир понимает, что даже спрятанных под броней 660 «лошадей» не хватит догнать телегу из контрабанды, дергает щекой: хорошо, но это последняя. Потому как он теперь главный на этом клочке России и отвечает за все происходящее здесь. А точнее, за то, чтобы на нем ничего не происходило.

3

— Вроде пронесло.

Степка Палаш притормозил Орлика, вывернул шею. Танки не гнались, и он подмигнул лежавшему в телеге Кольке Трояку: вот так мы их по-партизански.

Но тут же затушевал мысли, вновь вскинув вожжи. Трояк в войну пусть и по малолетству, но числился в полициях, и хотя отсидел за свою белую повязку сполна, при нем прошлое в селе старались не ворошить, щадили самолюбие.

Да только не объехать сегодня прошлое ни на Орлике, ни на кривой козе — вспомнится. Потому что ехали за сватом Трояка — Федькой, умершим вчера на Украине. Последним сельским партизаном. Кто теперь будет красить в селе памятник серебрянкой перед 9 Мая? Когда по приходу немцев Кольку записали в полицию, Федор подался в лес. Жалел-завидовал потом Степан, что в это время совсем пацаном был, а то бы тоже, конечно, взял в руки оружие как Федор. И тоже имел бы потом все льготы ветерана и почести.

А вот Победа одного и тюремный срок другого так и не примирили бывших друзей-одноклассников. Даже свадьба старшего сына Федора Максимыча за девкой Трояка не посадила их за один стол.

— Ты что творишь? Хочешь, чтобы внуки были полицейскими? — метал громы и молнии Федор перед свадьбой.

— Люблю я ее. А внуки будут партизанские! — не отступился сын.

Характером вылился весь в батю. Недаром первым поехал закрывать Чернобыль...

— Хороший человек был Федька. Замысловатый, но не вредный, — опять нарушил молчание Степан.

Трояк согласно кивнул головой, хотя отношения сватов секретом ни для кого не являлись. А может, поддакнул всего лишь одному слову — «замысловатый»: кто узнает мысли соседа, даже если ехать с ним в одной телеге?

— А от чего они, тромбы, отрываются? — не отпускали Степана мысли о покойном.

— Все в организме от нервов, — пожал свободным плечом Трояк из своего лежбища в сене.

— Еще хорошо, что позвонили оттуда. А то по нынешним временам могли просто в яму скинуть.

— Главное, вывезти.

— Вывезем. Давай, Орлик, давай, милый, — подхлестнул Степан коня, вставшего перед крутой насыпью украинской трассы.

Четырехметровый ров, как в других местах, здесь хватило ума не рыть, колючую проволоку не натянули, а пограничников к каждому кусту не приставишь. Так что если не шуметь, то проскочить можно, контрабанду так и перекидывают, не спрашивая национальности.

Но Орлик скосил сливовый глаз, перебрал перед препятствием в неуверенности ногами, и мужикам пришлось прыгнуть с телеги. Палаш взял коня за уздцы, потащил за собой наверх, Трояк уперся в телегу сзади. Внатяг, все трое

припадая на колени, но взяли пограничный рубеж. Повторить такой же подвиг с телом Федора вряд ли получится, сами свалят его в яму. А это грех несусветный, чтобы живые роняли мертвых. Так что возвращаться придется официально, длинной дорогой через пограничный пост.

Город знали, как собственное село: чай, пожилы без границ, а поскольку Украина была значительно ближе собственного райцентра, то и в магазины, на поезда, в больницы ходили-ездили сюда. Без подсказок разыскали и морг. Там их заставили расписаться в какой-то бумажке и впустили в прохладный, матово освещенный барак: забирайте, который ваш.

Федор лежал на крайнем топчане. Заострившийся нос, выступивший вперед подбородок и впавший рот изменили его облик, но не настолько, чтобы не узнать или засомневаться. На пиджаке висели колодки от медалей, но без самих кругляшей. На правой стороне, где по праздникам всегда красовался орден Отечественной войны, зияла рваная дыра.

— Как поступил, так все и есть, — толстенький санитар, не дождавшийся подношения, демонстративно отвернулся и наседкой замер над остальными топчанами. Авось на каком-то и снесется золотое яичко на обед...

Деды затоптались вокруг топчана, примеряясь, как подступиться к покойному.

— Бери за ноги, — скомандовал Степан.

Стараясь не смотреть на лицо свата, Трояк взялся за туфли. Они скользили, одеревеневшие ноги Федора норовили хотя бы еще раз коснуться земли. На телеге порядок заранее не навели, и пришлось расправлять сбитую попону уже под умершим, чтобы ехалось ему домой мягко, без неудобств. От любопытных глаз прикрыли тело предусмотрительно прихваченной простынкой и тихонько тронулись.

Покрывало отбросили пограничники. Сверили Федора с фотографией на паспорте, бдительно ощупали сено под

покойным, долго созванивались по телефону, и в конце концов дали от ворот поворот:

— Вы нигде не переходили границу официально, а этот, — кивнули на телегу с умиротворенно лежащим Федором Максимовичем, — должен идти уже как груз. Через таможеню. Надо декларировать.

— Да вы что, ребята? Домой же везем. Человек умер, — опешил Степан, взявший на себя роль переговорщика.

— А откуда мы знаем, где и как умер? Может, возите специально, выведывая секреты.

— Какие секреты? — простодушно не понял Степан.

— Ну, железная дорога рядом. Да мало ли что задумали. Вон, мотаетесь на танках вдоль границы. Что у вас на уме, откуда нам знать. Давайте назад, пока лошади не сконфисковали. Или ищите какие хотите справки. Назад.

Из машин, стоявших в очереди на пересечение границы, недовольно засигналили. Орлик нервно загарцевал, пытаясь развернуться с оглоблями в узеньком, огороженном бетонными блоками, коридоре.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Степан, стыдясь своей нерасторопности при всеобщем внимании.

Трояк тоже прятал глаза. А вот с лица Федора Максимовича покрывало на разбитой дороге сползло раз за разом, позволяя ветерку легонько перебирать его седые волосы.

— Слава Украине!

— Героям слава! — вдруг раздалась из узкой полосы парка, тянувшегося вдоль дороги, знакомая по телевизору речовка.

— Кто не скаче, той москаль.

— Про нас, Колька, — с грустной усмешкой посмотрел на попутчика Палаш. На телегу пока не садились, шли рядом с покойным. Но ускорили шаг, подстегнув вожжами Орлика — от греха подальше.

— Москаляку на гиляку.

— Что такое гиляка? — уже не без тревоги любопыт-

ствовал Степан. Трояк сидел на Украине, за столько-то лет язык поневоле выучишь.

— Виселица.

Степан проворно вспрыгнул на телегу, кивнул напарнику — поехали отсюда.

— Хотя правильнее — шибениця, — попытался успокоить Трояк, словно на ней, шибенице, висеть было приятнее, чем на гиляке.

А шум митинга нарастал, впереди через низенькую ограду стали перепрыгивать люди, пробуя останавливать машины. Первые успели увернуться, но толпа густела, и перед Орликом улицу наконец закупорили.

— Кто не скаче, той москаль, хто не скаче, той москаль, — запрыгала вокруг машин молодежь.

Орлик задергался, не понимая шума, а тут и к экзотическому транспортному средству подскочило несколько человек.

— Хлопці, кінь не скаче. Москалюка. Треба конфіскувати. На донецький фронт.

— Або нехай за него скачуть діди.

Степана и Трояка оторвали от телеги, задержали, вовлекая в общий ритм скачки. Палаш несколько раз подпрыгнул, лишь бы отстали и не принялись потешаться над телом соседа. Да и с какого рожна отдавать им лошадь.

Его дряблых скачков оказалось достаточно, чтобы сойти за своего, а вот Трояк встал как вкопанный. Как Орлик. Но тому нельзя падать на колени, на них у него с рождения белые звездочки, сразу замарают...

— Слава Украине! — принялись кричать в лицо деду пацаны, требуя ответа.

«Федору слава», — вдруг произнес про себя Трояк.

Наверное, ему ничего не стоило, как Палаш, два раза подпрыгнуть и уехать восвояси. Но жизнь, прожитая после войны на задворках, без права голоса, сейчас словно давала ему шанс начать ее последний остаток с чистого листа. Да-да, здесь, сейчас его не просто заставляли скакать

бараном посреди улицы. Через 75 лет после начала войны ему вновь предстоял выбор. Возможность исправить трагическую ошибку юности. Обрести хотя бы на старости лет собственное достоинство. Пожить днем, с людьми, а не прятаться от из взглядов десятилетиями в ночных сторожах. А Федор, даже мертвый, завернутый в попону, был судьей, он из своего небесного далека словно готов был поверить, что тогда, после седьмого класса, произошла нелепая ошибка...

— Скачи! — нетерпеливо толкали Трояка. — Скачи, москаляка.

Из-за прыгающих тел строил страдальческую мину Степан — да прыгни ты, что взять с идиотов. Но Колька Трояк словно застыл. Его уже толкали в спину, сбили картуз, и центр сборища, предчувствуя жертву, стал перемещаться к телеге, а он оставался нем и недвижим. Стало понятно, в какую катавасию попал перед смертью и Федор, как сорвали у него ордена...

— Да, хлопцы, хлопцы, — порывался защитить односельчанина Степан. — Он же глухонемой. Немой и глухой.

И как последнее спасение, сорвал простыню: не глумитесь над покойником, не берите грех на душу. Простынь висела в поднятой руке белым флагом, он мог развести стороны, но в эту секунду Трояк вдруг запел. Он помнил, когда пел на людях последний раз — в школьном хоре на Первомай, перед самой войной. Потом миллионы раз про себя в тюрьме и длинными ночами при работе сторожем в колхозе. А сейчас на удивление толпе, самому себе, а более всего — Степану, вдруг негромко напел:

Ой у гаю, при Дунаю
Соловей щебече.
Він же свою всю пташину
До гніздечка кличе...

— Да какой же он глухонемой? — замерла толпа, сама наполовину говорившая по-русски.

Однако песня звучала украинская, на телеге лежал покойник, и постепенно, отвлекаясь на другое, люди стали отходить. Слух о почившем достиг передних рядов, и не сразу, по одной машине, но затор стал рассасываться. Вслед Орлику свистнули, не без этого. Но именно лошади, а не умершему — даже молодежь озверела не до конца. В глазах Трояка стояли слезы, он вытирал их истоптанным в пыли картузом, и Палаш сочувственно тронул попутчика, готовый разделить его боль от ударов.

Только дед Коля Троячный не мог сдержать слез не от боли, а от опустошившей его гордости. От забытой радости. От того, что выстоял, не запрыгал старым козлом. Что не сдался даже при поднятом белом флаге. И что теперь мог впервые за семь десятилетий долго, не отводя взгляд, смотреть в лицо свату: «Здравствуй, Федор. Вот так оно получилось. Спасибо тебе».

— Как ты их! — поднял зажатую в кулаке вожжу Степан. — А я того... чтоб быстрее вырваться, — оправдался за себя, хотя деду Коле чужого не требовалось. — Запрыгивай. Но, милый. Домой, Орлик. А мы еще побачим, хто и как будет скакать на морозе без газа. У нас цыплят по осени считают...

Подъехав к месту, где утром выбирались с русского поля на украинскую дорогу, остановились. Степан стал поправлять сбрую на лошади, а на деле выжидая, когда освободится от машин трасса. Хотя следовало поторопиться: над лесом нахлобучивалась туча, потянул свежий ветерок, будоража лошадь. Они такие, они грозу ноздрями чувствуют.

Дед Коля тоже спрыгнул с телеги, вдвоем оглядели место спуска. Степан на правах возницы вздохнул:

— Можем перевернуть. Придется переносить на руках.

Замешкались, не помня, головой или ногами нести тело с насыпи. Попробовали боком. Заскользили, путаясь в будылях старой травы. Как ни старались удержать Федора на весу, уронили. На трассе заурчала машина, и мужикам пришлось лечь, прикрывая покойного собой.

Подняли головы, лишь дождавшись тишины на дороге.
— За нас умер, — вдруг произнес Степан. И хотя Николай не спорил, упрямо кивнул: — За нас. Мы жили — а он работал. Горел. Не было лучше соседа...

Степан словно тоже просил прощения у покойного за все споры и насмешки, случившиеся на долгом соседском пути-житии. А может, и за невольный белый флаг перед теми, кто убил Федора Максимовича три дня назад. Легче было промолчать, никто не требовал оценок и подведения итогов, но это на похоронах, при стечении народа есть возможность укрыться за спинами других, а когда остаешься один на один с умершим, совесть беспощадна и заставляет каяться.

— От совести умер, — подытожил Степан.

Троячный согласно примерил услышанное к свату. Глаза и рот у того от тряски приоткрылись, и он наложил ладонь на веки свату. Затем оторвал по кругу, лентой низ у своей рубахи, подвязал покойному челюсть, закрывая рот. Дела скорбные, но житейские, и кому-то требовалось заниматься и этим. Он, Николай Иванович Троячный, проводит в последний путь истрепавшего ему все нервы родственника с честью и достоинством. А памятник ко Дню Победы покрасят внуки. Может, конечно, и сам, но как посмотрят люди? А вот внукам скажет, чтобы приехали. На Украине, вон, похоже, этого не сделали...

4

— Опять они? — полковник недоуменно оглядывается на меня.

Если ему отвечать за безопасность границы, то за безумие на ней жителей близлежащих сел объясняться, видать, мне. Щека у друга снова дергается, это нервный тик и, скорее всего, от контузии. Где успел поймать ее?

Около дубков угадывалась понурая лошадка. К телеге, оглядываясь, тащили по траве тюк двое мужиков.

Бинокль приближает границу до вытянутой руки, и по белым звездочкам на коленях легко узнаю Орлика, едва ли не последнего из оставшихся в селе коней. Его погоняют веткой Степка Палаш и Колька Трояк, бывшие уже дедками даже в моем детстве. Странно, на границу моталась обычно молодежь...

— Проверить, — отдает команду для головной машины полковник.

Остаюсь на броне и единственное, чем помогаю землякам — «рулю» так, чтобы пыль уходила в сторону от телеги. Только бы не везли ничего запрещенного.

Везли... мертвого. Из старой попоны, свернутой тюком, торчали ноги, и командир оглянулся на меня: ты что-нибудь понимаешь?

— Дед Федя того... песня спелась, — начал доклад Степка Палаш, выделив из всего десанта в командиры человека с биноклем. И это правильно. У кого бинокль, тот главное всех.

— Тромб оторвался, — не забыл диагноз дед Коля. — На Украине.

Он перевел взгляд на меня, на лице мелькнуло удивление, он недоверчиво обернулся за подтверждением догадки к напарнику. Я это, дед Коля, я. Между прочим, везу приветы и фотокарточку от вашего внука-курсанта. Через месяц ему на погоны упадут лейтенантские звезды и он займет место в одной из таких же боевых машин. Только вот имя покойного...

Спрыгиваю с брони. Непроизвольно задерживая себя, трогаю мокрые бока лошади. Из детства всплывает отцовское предостережение: потных лошадей не поить, прежде надо давать им остыть. Тем более тянет прохладным ветерком. Чересседельник совсем истончился, а вот ступицы в колесах можно было бы и смазать. Или солидола теперь днем с огнем? И, кстати, совсем необязательно, что это «мой» дед Федя. Человека два-три с этим именем в селе точно еще есть...

— С мамкой твоей... — первой же фразой рассеивает надежды Степка Палаш, и я трогаю под пыльной простыней торчавшее острое плечо. Дед Коля, заглядывая под покрывало, развязывает какой-то узел около лица покойного, словно не желая открывать и показывать его лицо в неприглядном виде. Вытаскивает повязку, приоткрывает простынь.

Он.

— Как? Почему оказался там?

— Командир его умер, поехал к нему на похороны. Да при наградах, как положено. А там, видать, это как раз и не положено. Налетели скачущие. Может и не тромб — сердце оборвалось...

Он еще что-то говорил, а я всматривался в знакомое, хотя и небритое, осунувшееся лицо старого партизана. Он воевал вместе с моей мамой в отряде, которым командовал ее отец. Однажды в окружении, когда не осталось надежд вырваться, дедушка свою дочь и самого юного из разведчиков Федю вместе с ранеными отправил через болото. А сам повел отряд на прорыв в другом месте, отвлекая на себя немцев. Погиб, когда поднимал партизан в атаку и закричал «ура». Пуля попала в горло, она словно хотела остановить этот клич — клич отваги и победы...

Когда я оказался в плену в Чечне и за меня затребовали миллион долларов выкупа, и люди понесли родителям деньги — кто сто рублей, кто пятьдесят, дед Федя вместо живых денег принес баночку краски:

— Вот, хотел бабке своей крест на могиле обновить, но пусть полежит под старым. А тут, ежели краску продать, какая-никакая, а копейка появится. Вдруг ее-то как раз и не будет хватать на освобождение...

И вот дед Федя лежит передо мной на старой скрипучей телеге с вырванными медалями. Живой, он не только хранил память о войне и погибших односельчанах. Он, как тогда при прорыве, словно прикрывал собой еще и

маму. Теперь, выходит, она осталась крайней, последней из отряда...

Господи, как все вдруг сошлось около деревенской телеги. И боль, что текла из Украины в Россию далеко-далеко отсюда и, казалось, не затронет меня вживую, вдруг выцелила острием в самое сердце. Дотянулась через сотни километров, отыскала меня среди перелесков, пронзила, заставила бессильно замереть. И я со своей — не своей колонной, опоздавший на какие-то сутки. Авось бы наш проезд утихомирил горячие головы там, за березовыми дубками, вдруг непреодолимой стеной разделившими всех, кроме контрабандистов.

Зашелестела в голос трава у колен. Ветер от дубков, легко разогнавшись по чистому полю, упруго ударил в спины. Вихрю они препятствием не послужили, ему бы мчаться дальше, но он почему-то закрутился юлой вокруг нас, психом расшвыривая из телеги соломенную подстилку. Орлик тревожно зафыркал, и Степан, преодолевая сопротивление, продавился к нему, обнял за шею, унимая и свою, и его дрожь. Дед Коля навалился на телегу, вцепился в свата, — то ли как в последнюю опору на земле, то ли не позволяя ветру вознести умершего сразу на небеса, без погребения на земле. Сечкой полоснул дождь, захромыхало, потемнело вокруг, завывало.

— Давайте к нам, — позвал полковник в десантный люк.

Но я остался со стариками. Повторяя Трояка, навалился на телегу, закрывая собой деда Федю. Что уже натворил смерч на украинской стороне, нам было неизвестно, требовалось сберечь свое — живых и мертвых.

Сколько продолжалось светопреставление, осознать, наверное, мог только Орлик. И то потому, что стоял на земле четырьмя ногами. Нам время в любом случае показалось в два раза дольшим...

Первым и пришел в себя он — зафыркал, словно очищая забитый пылью рот. Унялась у ног омытая трава.

И солнце вновь заластилось с неба: «Ничего не помню, ничего не знаю, не при мне было». Подняли головы на меня и старики: что это было? Американский торнадо, подчиняющий себе все? А вот мы выстояли! И никого не сдали...

Спрыгнул с БМП, удерживая от тика щеку, полковник. Неожиданно сделал то, что обязано было исходить, наверное, от меня — перекрестился. Знать, повидал и прочувствовал за время нашей разлуки что-то более значимое в этой жизни.

— Я уведу броню в другое место, — прошептал затем только для моих ушей.

Зачем?

Но он уже подтолкнул меня плечом — еще наверняка увидимся. Вспрыгнул с разбега на острую грудь машины, отдал команду, и та осторожно, чтобы не испугать лошадь, развернулась, ушла виражом к кладбищу. За ней, как за вожаком, начала вылетать из засады и выстраиваться журавлиным клином остальная «гусянка». Не закурлыкала — ревела моторами на грешной земле. Оно и правильно: что бы не летало в небе, земля остается у тех, чей пехотинец стоит на ней. А я для них все же лучшее в округе место выбрал. И какая защита была родному селу!

Но бронеколонна истончалась, исчезала в самосевке, и вдруг меня пронзило: а ведь командир вводил не просто свой клин. Он вводил от могил моих родных и близких, к которым я ненароком, думая только о военной выгоде, привел войска собственными ногами, войну. Словно заглянув в неведомые мне глубины, полковник распознал какую-то неправильность сделанного мной, и теперь прикрывал не только страну, выделенный ему участок границы с моим селом, но и лично меня. Уралец оказался мудрее на ту самую контузию, которую заполучил без меня на одной из войн.

И как совсем недавно я кивал могилам родных с брони БМП, кланяюсь незаметно вслед исчезающей колонне.

Спасибо. И... и тем не менее, все равно — танцуйте, мужики. Танго!

Лезгинку.

Краковяк.

Жемжурку!

Танцуйте без устали, с полной отдачей, пусть даже ради других — как только и может русский солдат. Потому что наша телега с дедом Федей — она тоже из той, общей боли, что течет к нам с юго-востока. И как желал командир, но как пока не будет на самом деле — пусть окажется последней.

— Но, милый, — тронул Орлика Палаш.

ГРУППА ИЗЪЯТИЯ

(новелла)

1

— Раз! — палка на плечо.

— Два! — щиты перед собой.

— Три! — рывок в толпу.

Счета «четыре» нет. В толпе щиты раздвигаются и из-под них вырывается группа изъятия. Обычно это три-четыре человека, задача которых выхватить из людского водоворота буйных и провокаторов, заводящих и подстрекающих людей к погромам и насилию. Утащить их за вновь сомкнувшиеся стальные щиты.

И снова: раз! два! три!..

От того, как сработает группа изъятия, зависит жизнь и безопасность не только людей, участвующих в митинге или демонстрации, но и случайных прохожих. Не говоря уже об обстановке в городе...

Это — из тактики действий бойцов внутренних войск по локализации конфликтов.

Гуманитарные конвои, которые направляет Россия в охваченный огнем Донбасс, вольно-невольно, но тоже представляются своеобразной группой изъятия. Сотрудники МЧС не просто привозят грузы — они одним своим появлением «изымают» с охваченных огнем территорий тревогу, страх, голод, неуверенность людей в завтрашнем дне. И на ставших знаменитыми белых «Камазах» вывозят их за пределы войны, развеивая по ветру хлопающими тентами пустых кузовов. Людям же остаются продовольствие, стройматериалы, топливо.

Но это будет чуть позже, на обратном пути. А пока мы только едем в Луганск. Пожилые люди безостановочно крестят машины. Одна из старушек на окраине придорожного поселка встала перед нами, белыми призраками вышедшими из белого тумана, на колени. Нас, как диковинку из зазеркалья, показывают малым детям в колясках и те протягивают нам свое самое дорогое — любимые соски. По изрытому снарядами полю из дальнего села бежали к трассе в распахнутых куртках два пацаненка. Они наверняка прослышали про новогодние подарки в нашей колонне, и скользя, падая в подтаявшие лужи, вновь подхватываясь и снова разбрызгивая грязь, мчались наперерез Камазам.

Успели! Чумазыми и счастливыми запрыгали на обочине. Привет, пацаны. Вас не обманули. Мы трое суток сквозь тысячу километров, мокрый снег и туманы пробивались именно к вам. За нашими спинами, под белыми тентами не танки и не ракеты, которые киевские дизайнеры рисуют на компьютерах и выставляют в Интернет. В машинах, которые вы видите, которые обдают вас жаром моторов от долгой дороги, 39 тысяч подарков для инвалидов и 142 тысячи новогодних комплектов для детей до четырнадцати лет — каждый ребенок Луганщины перед этим был взят на учет. Так что вас тоже посчитали, пацаны. Не забыли.

Страшно другое — что вся эта 181 тысяча больных, немощных и детей более полугода находится на грани жизни и смерти. И если мы невольно посчитали их в переводе на конфеты, шоколадки и пряники, то украинская сторона сосчитала их вместе с отцами и матерями, проработавшим всю жизнь на благо Украины, на бомбы, подвешиваемые под люки самолетов. На снаряды, загоняемые в ненасытные, прожорливые жерла «Градов». На патроны, сжимающие пружины в магазинах автоматов, чтобы под их давлением безостановочно стрелять, стрелять, стрелять...

Наверное, я бы тоже бежал, парни, как вы или даже вместе с вами, к этой белой, растянувшейся на пять километров, стомашинной живительной ленточке. Но подумалось о другом: а ведь Россия, конвой за конвоем вывозя, отдавая из собственных, не таких уж богатых закромов кровное, мозолями и потом наработанное, не становится тем не менее беднее. Наоборот — она прирастает на искрящийся взгляд этих перепачканных в грязи пацанов. На чувство собственного достоинства. Национальную гордость. На добрососедство, в конце концов. И история рассудит, кому воздастся за помощь, кому аукнется за войну.

А вообще-то слово «конвой» применительно к МЧС не совсем точное, потому что военное и предполагает как минимум вооруженную охрану. Груз же, перевозимый в колонне, исключительно гражданского предназначения и не может передаваться не то что бойцам вооруженных сил республик, но даже и ополченцам. За этим пристально следят сотрудники ОБСЕ (будем верить, что тоже исключительно гражданские зарубежные товарищи), садящиеся на хвост колонне, едва она пересекает границу.

Есть еще одна особенность нашей поездки: если первые грузы формировались по наитию их организаторов, то десятая шла уже исключительно по заявке (просьбам) Центров восстановления республик. В нашей Десятке (де-

сятой по счету колонне), кроме подарков, двух десятков живых елок, заготовленных в лесах под Ногинском, вновь везем стекло, рубероид, топливо...

3

Что есть мирная составляющая в войне на Юго-Востоке Украины? Существует ли она вообще? Ведь прекрасно понимаем жесткие игры современности, когда политики сначала жмут друг другу руки, а потом без зазрения совести стреляют в спины. Или «благородство наоборот» военных, которые сначала стреляют друг в друга, а потом, при перемириях, жмут руки. Впору вспомнить атаманщину Гражданской войны и никому и ни во что не верить. Но вдруг среди всей этой политической мешанины и вакханалии появляется все в белом МЧС. В применении к цветку «Камазов» — даже без иронии. С добром, открытым сердцем и чистыми руками.

У них есть адрес прописки — Спасательный Центр в Ногинске. Именно здесь формируется ядро колонны с гуманитарным грузом, водители этого Центра раз за разом садятся за руль, получают позывные и под звуки «Прощания славянки» начинают наматывать расстояние до «Точки-1» (Донецк) или «Точки-2» (Луганск).

Десятка выходила в 6 утра хотя и в канун Николы Зимнего, но под непрерывным дождем. Уже сказаны напутствия, отданы распоряжения, зазвенела медь оркестра. Настоятель местного храма отец Михаил, подаривший на удачу старшему колонны иконку Николая Чудотворца, побежал к воротам — успеть перекрестить и окропить святой водой каждую машину. Защитную силу этого креста потом, через трое суток, усилят своими ручками старушки Донбасса...

Ожили рации:

- Нехристи, снимите шапки.
- Так это технику окропляют.
- Мы-то доедем, если она не подведет.

— Прекратить базар в эфире.

На лобовом стекле то ли дождь, то ли святая вода. Не счищаем...

В колонне порядка 40 машин. Мизер. Основной косяк будет группироваться в Ростове-на-Дону, куда уже идут грузы из Брянской, Курской, Липецкой областей, Поволжья и Урала, республик Северного Кавказа. Три машины сформированы уполномоченным при президенте РФ по правам ребенка Павлом Астаховым, три грузовика — ЛДПР, один четырнадцатитонник — Федеральным собранием РФ. В колонне идут машины Московского отделения Красного креста, машины обслуживания, «таблетка» — санитарная машина с лирическим позывным «Укол». До выхода на трассу М-4 «Дон», где начинается просторная для движения двухрядка, порядка ста километров, и эфир наполнен командами и предупреждениями:

- Внимание по колонне: обгон слева.
- Притормаживаем на спуске. Гололед.
- Я — «Рубеж-3». Справа тихоход.

«Рубеж-3» — это зампотех Евгений Иванов, он движется впереди нас старшим над шестью машинами. В МЧС водителями служат как ребята срочники, так и контрактники, и вольнонаемные. На выезды в ДНР и ЛНР солдат срочной службы не берут вообще, а если попадаются контрактники, то, чтобы не возникали лишние разговоры, они снимают даже сержантские лычки, не говоря уже о знаках отличия на груди. Фрол, управляющий «моим» «Камазом», более всего сожалеет, что пришлось отвинтить знак парашютиста, с которым никогда не расставался после службы в десантных войсках. От него теперь только дырочка на куртке. Как нет в кабине и привычного для его друзей вымпела ВДВ «Никто, кроме нас». У ракетчиков, для интереса, своя игра слов по поводу собственного армейского девиза: «После нас — никого». Но то армия, а здесь, в МЧС, и впрямь ничего, что могло бы провоцировать международных наблюдателей или прессу. Ведь и многие грузовики были перекрашены из

армейского, заводского зеленого цвета в белый опять же по этой причине. Как говорится, себе дороже, когда в благо-роднейшее дело начинает вмешиваться большая политика.

Идем для колонны достаточно быстро, благо до самого выхода на трассу светофоры перекрывает ГАИ.

— Эх, «лентяйку» не успел купить, — пожалел Фрол, едва выскочили на М-4 и расправили плечи. Похлопал по рулевому колесу, на котором и крепится ручка, при помощи которой можно управлять машиной одной рукой.

Фрол вообще-то — это Фролов Владимир Николаевич, сделавший уже 7 ходок в Новороссию. Не устает хвалить «Камазы»:

— Татары молодцы — такую машину сделали. Все подсмотрели и предусмотрели для водителя: начиная от углубления для мобильного телефона до кнопки, фиксирующей заданную скорость. Смотри, ножки ничего не нажимают, стоят отдыхают, а дистанцию держим. Да и любую поломку можно самому устранить, настолько все просто. Не машина, а автомат Калашникова.

При этом принохался. Запах от тормозных колодок впереди идущих машин водитель не спутает ни с чем, но гололед и старающиеся втиснуться между грузовиками легковушки заставляют водителей хвататься, как за кобуру, за рычаг тормоза, играть «стопами». Габаритные огни машин у всех одинаковые, похожи на майорские погоны с одной красной звездой на каждой стороне кузова. Не то что останавливать, просто притормозить четырнадцать тонн, давящих в спину, достаточно сложно, и Фрол через стекло увещевает очередного вальяжного нарушителя иномарки со светящимися «маршальскими погонами» на обоих «плечах»:

— Ну куда ты? А если бы у меня стекло было? Груды осколков бы привез людям?

— Внимание по колонне. Снижаем скорость, вытряхиваем «блех».

Гармошка сжимается. Водители затесавшихся в колонну легковушек не выдерживают тихого хода, сами вы-

прыгивают из нее и уносятся вперед. У нас тоже привалов совсем мало, до темноты требуется въехать в Воронеж на первую ночевку.

— 31-й, у тебя баннер развязался.

— Понял. Разрешите остановиться?

— Разрешаю.

За свои машины отвечают не только водители, но и те, кто идет в колонне следом. О замеченных неисправностях первыми докладывают именно они.

— 22-й, левый габарит мигает.

— Понял. Растрясло. Заменю.

— «Укол», «Укол»! Я — «Лидер».

— На связи.

— Справа авария, вижу раненых. Оказать помощь до приезда «скорой». Догоняешь самостоятельно.

— Принято.

Сзади колонны взвыла под синие проблесковые маячки сирена, «таблетка» унеслась вперед, и когда к месту аварии подъезжаем мы, майор Радик Донской уже делал перевязку лежавшей около перевернутого «Фольксвагена» женщине. Как раз граница с Тульской областью, плохое место для аварий: туляки уже не выедут, потому что не их территория, для Подмосковья это самая дальняя точка. Так что «скорой» добираться долго. И повезло раненым, что еще не проскочили это место мы...

Несмотря на то что наступала серия самых коротких дней в году, к Воронежу подъехали еще засветло. Взгляд останавливает надпись — «Город воинской славы». На перекрестке ждет проезда нашей колонны автобус на Орел. А ведь он тоже город воинской славы России. И Курск, и Ростов, и Белгород, которые рядом, уже светятся своими именами на дорожных указателях, они тоже этого высокого звания. Столько же было проявлено нашими предками мужества и доблести всего лишь на этом малом пятачке земли! И ведь он не замыкается границей, он идет ведь и дальше, в Краснодар с его легендарной «Молодой

гвардией», в Харьков, другие города и поселки Украины, явившие миру такую же беспримерную отвагу в борьбе с фашизмом. Как могло случиться, что ныне Украина кланяется портретам пособников фашистов Бандеры и Шухевича, присваивает им звания Героев Украины? Что создаются целые батальоны, проповедующие свастику, и Киев молится на них, вооружая на борьбу с клятыми москалями? Что должно было произойти с народом, если они приняли подобное?

Хотя Крым не принял. Донбасс не принял, восстал. Стоны казненных молодогвардейцев здесь, в шахтерском крае, оказались памятнее и сильнее американских подачек, на которые изошел слюной Киев. Интересны данные социологического опроса, который провели среди жителей России: чем более всего они гордятся? Люди называли родной край, семью и род, достижения науки и спорта. Но более всего, до 40%, безоговорочно мы оказались горды историей своего Отечества. Теперь видим: переписанная история наших соседей в итоге порождает фашизм.

— Я «Укол», в колонне.

— Я «Замок». Прошли указатель в аэропорт.

4

В Воронеже приют машинам дали рядом с аэропортом: и под охраной, и есть возможность разместить водителей на отдых в общежитиях и гостиничках.

Невольно вспомнилась первая гуманитарная колонна, с которой в августе 2008 года ехал в Цхинвал. Собранные со всего Подмосковья разнокалиберные машины, кое-как упакованный груз, ночевки в поле в кабинах машин. Истинные цыгане. Я ехал с Мишей, которого за частые поломки прозвали Катастрофой. Но именно тогда вдруг впервые после распада Советского Союза ощутил, как заворочалась, поднимаясь и просыпаясь, Россия. Как

огляделась и первое, что предприняла, — протянула руку ближнему, болящему. Эта рука была без перстней, браслетов, но уже не вялой, не дряблой и немощной. И мир неожиданно увидел, что мы, вроде бы уложенные на лопатки, пляшущие под любую дудку любого иностранца, вдруг оказались способны иметь собственное мнение. Тогда, в 2008-м, тоже ведь стращали санкциями, грозили пальчиком — не сметь! Посмели. И мировому сообществу, этому бесполому существу, прячущемуся за спины друг друга, пришло грустное осознание: это не постперестроечной России нужно привыкать жить на задворках остального мира, а миру придется привыкать к сильной и самостоятельной России. И считаться с этим. Хотя ох как не хотелось этого после Горбачева и Ельцина! Уверен: не окажи моя страна помощь Южной Осетии, дрогоны — США и Запад снова изошли бы язвительностью, но уже по поводу того, как Россия бросает своих друзей и своих граждан на заклание. Симптоматично, наверное, что единственная болезнь у американского президента Обамы, о которой известно миру, — это изжога...

Прошло 6 лет, и о возросшей мощи, самостоятельности страны я смогу судить уже в Ростове по идеально выстроенной мощнейшей колонне в 240 машин, растянувшейся на 10 километров. Там, в Ростове, я встречаюсь с ветераном-десантником, который на встрече с молодыми бойцами и офицерами ВДВ скажет: «Сынки мои. Я очень хочу, чтобы вы запомнили шоколадный пальчик американского президента Барака Хусейна Обамы-младшего. И добрались до этого пальчика, и отрубили его. И заспиртовали в трехлитровой банке русского самогона, чтобы привезти и выставить на всеобщее обозрение в Музее Воздушно-десантных войск — этот пальчик посмел грозить России». Эмоционально, конечно, но и впрямь — не надо грозить России. Ни-ко-му! Пересекусь на несколько минут и с товарищем из Львовского политического училища. Он торопился, нервничал — предстояло ехать в

Беларусь, куда тайно должна была приехать на свидание с ним оставшаяся на Украине мама. По-иному увидеться родным людям не получается: сын, полковник Российской Армии, для Украины зрадник — предатель.

5

Но мы пока еще шли, тянулись по «Дону» ближе к границе, оставляя позади гостеприимный Воронеж. Разминал шею Фрол, обнюхивала дорогу, не боясь колес, юркая поземка.

— Внимание по колонне: справа мужчина пытается перебежать дорогу.

— Сегодня не его день.

— Говорит «Лидер». На Центр получено 15 новых «Камазов». Поздравляю.

— Заработали, ура.

— Готов принять любой!

— Мой «старичок» тоже чихает.

— Дисциплина в эфире.

В колонне есть «элита» — это те, кто возил гуманитарный груз еще в Чечню. Практически все развозили его по всей стране во время последних пожаров и наводнений. Фрол вообще барабанит пальцами по окошку спидометра: его «Камаз» за последние три месяца ходок на Донбасс намотал 20 тысяч километров — ровно столько же, сколько до этого за пять лет.

— Говорит «Лидер». Всем привести в порядок форму одежды, в Ростове встречают журналисты.

Внимание к Десятке колоссальное, десятки камер снимают наш ночной въезд в ворота Спасательного центра «Донской». Он одним из первых принял летом хлынувший поток беженцев с Украины, доходило до того, что сотрудники Центра отдавали людям свои подушки, лишь бы создать им более комфортные условия проживания. Так что о боли соседей они знают не понаслышке.

В Центре уже практически не развернуться: на плацу, на всех дорожках в два ряда стоят прибывшие ранее десятки наливников с горючкой. Вытянули острые мордочки, словно обнюхивая нас и признавая за своих в общей, уже подружившейся стае, «банзаи» — «Камазы» с тремя ведущими мостами, которым все равно, куда лететь. «Банзай» — и вперед!

Отвечающие за работу с прессой Сергей Фофанов и Павел Акульшин успокаивают журналистов: успеете взять любой материал, в Ростове стоим сутки — полноценный отдых водителям, техосмотр и дефектовка каждой машины. Но прессе не терпится, она ищет по грузовикам елки, уточняет цифры, просит на интервью руководителей. Но для того, чтобы Десятка, как и предыдущие колонны, явила собой образец четкости, порядка и организованности, штаб не отвлекается ни на минуту. Потому пишущая и снимающая братия с радостью устремляется к пожарным гидрантам, по которым через пожарные рукава подается вода для помывки машин: новогодние подарки для ребятишек Донбасса должны быть не только в ярких упаковках, но и привезти их обязаны красивые, чистые машины. Аббревиатуру МЧС сами сотрудники в шутку и расшифровывают как «Моем — Чистим — Стираем». Но это машины можно отмыть от дорожной грязи, а как отмыться украинским политикам, развязавшим войну с собственным народом? Какие пожарные рукава подтягивать для них, какой напор струи устанавливать? Мусорные баки, в которых сейчас бросают по всей Украине неугодных политиков — это и есть смысл Майдана? Символ тысяч смертей соотечественников? Сотен тысяч обездоленных?

Ридна мати моя...

Укрепляем над кабинами флаги. По правую руку от водителя российский триколор, по левую — флаг МЧС. Мы не прячемся под эфемерное «сообщество», не стыдимся

своих поступков, потому что знаем, куда и ради чего едем. И кто мы. Николай Буданов. Евгений Иванов. Александр Сирук. Дмитрий Громов. Владимир Фролов. Константин Севастьянов. МЧС России! Мы сами заказываем музыку! По нашему духу, нашему пониманию добра.

6

Дирижировать глубокой ночью оркестром в 240 скрипок выпало майору Антону Жучкову.

Вместо дирижерской палочки у него антенна зажатой в кулаке рации. Ноты заменяет список очередности выхода машин. Вместо подставки — плац «Донского».

Первый взмах.

И взята нота «до», пошла к воротам командирская машина.

«Ре» — и закачались «шаланды», «черепашки», «красавицы» — как только не зовут свои «Камазы» и «Вольво» водители. Долгая нота получилась, протяжная.

«Ми» — загудели оранжевые наливники, обозначив себя еще и оранжевыми сигнальными фонарями.

«Фа» — загарцевали, сдерживая мощь, «банзай».

«Соль» — заревели тягачи. Их от остальных машин отличает желтая полоска по бортам. В кузове у каждой по три бетонных блока — для устойчивости, веса, возможности вытащить любую «шаланду» из любой грязи, как муху.

«Ля» — незаменимая, элегантная медицина. Лишь бы не пригодилась.

«Си» — машины технического замыкания, под завязку набитые аккумуляторами, бачками с маслом, колесами, карданными валами, тормозными колодками, всевозможными шлангами и трубками — запчастями под любую возможную поломку.

Голова колонны упирается в ближайший к Центру поселок Рассвет. Но на часах 4 часа ночи и ни одного про света на небе. Как и ни одной звездочки. И хотя сегодня

самая долгая ночь в году, отдыхали мы в ней самое меньшее количество минуток...

— Орлы, спите быстрее: через пять минут подъем и начало движения.

— Коля, ты что, не позавтракал?

— Как не позавтракал? Еще вчера вечером.

Настроение в эфире боевое. С Богом!

— Говорит «Лидер». Колей и Гриш оставляем в России. Работать только по позывным.

— Внимание по колонне: впереди усиление тумана.

На одной из Ростовских развилок половину колонны уводит за собой в «Точку-1» начальник Ногинского Центра Александр Николаевич Лекомцев. На Луганск свою «ниточку» в сто машин уводит его заместитель Василий Валентинович Мясников. За предыдущие поездки водители изучили их характеры досконально: если Лекомцев больше доверяет ориентироваться в обстановке самим водителям, то Мясников привержен более жесткому контролю движения. Друг друга они прекрасно дополняют, и, может, оттого за все десять поездок водители не создали ни одной аварийной ситуации, не оставили на обочине ни одной машины.

7

К границе подъезжаем уже при дневном свете, занимая все свободное пространство перед таможенным терминалом. Летом сюда залетали украинские снаряды, но здания отремонтированы, воронки закатаны асфальтом. Быстрее всего грузы доставлять, конечно, тяжелыми транспортными самолетами, но кто даст безопасность полета, если в украинском небе сбивают даже гражданские лайнеры? Железнодорожники Луганска круглосуточно работают на «железке», понимая, что именно грузовые составы могут стать самым быстрым, надежным и дешевым вариантом доставки «гуманитарки» в республику. Но опять же, укра-

инская артиллерия, самолеты бомбили не голые поля, они целились по узлам жизнеобеспечения городов и поселков. В данном случае по переездам, подстанциям, семафорам, стрелкам. Как восстановят железную дорогу, водителям и станет полегче. Но пока...

— Машину к осмотру, водителям на пограничный контроль.

В каждой машине уже по два водителя, подсевших в Ростове: опять же подстраховка на любой непредвиденный случай. У первых подошедших к осмотру машин возникают украинские пограничники. Они-то откуда, если за нейтральной полосой — уже ЛНР, а там киевскую власть не признают, а их людей с оружием тем более?

Оказывается, наши пограничники выделили им клочок земли рядом со своим постом, разрешили поставить две палатки, два щитовых домика. Пятнадцать украинских пограничников завезли через Воронежскую область. Так что когда в прессе идет сообщение, что груз осмотрен и украинской стороной — это правда. И ничего, что наши парни подкармливают соседей, позволяют им, допустим, постираться. Пусть видят хотя бы эти 15 погранцов, что по-человечески, по-добрососедски жить можно даже в такой напряженнейший момент взаимоотношений.

Предупреждение пересекающим границу одно: всем вернуться назад с этой же колонной. А мечталось остаться на подольше...

За нашей границей — метров триста нейтральной полосы, затем... Затем пункт пропуска с флагами Луганской Народной Республики. Никаких обозначений, символов Украины нет, так что вроде как бы на Украину и не въезжаем. Луганчане колонну не осматривают, желают лишь счастливого пути.

Но и говорить о безопасности ополчения не приходится. Едва достал фотоаппарат, рядом вырос крепкий, армейской выправки мужчина в куртке. Показал свое удостоверение. Удостоверяюсь: да, имеет право интересоваться,

кто я и что делаю. Протягиваю свое предписание на сопровождение колонны от Союза писателей России. Еще не взяв его в руки, очень гражданский товарищ улыбается:

— Вот будет интересно, если фамилия у вас окажется Иванов...

Улыбаюсь и я, потому что предписание соответствует паспорту...

Первым в луганском поселке Изварино нас встречает Ленин. Бетон во многих местах памятника лопнул, пальцы в протянутой руке сбиты, но ведь стоит, не свергнут, не облит краской, не охраняется. Значит, и впрямь Донбасс не позволил хозяйничать на своей земле новоявленным бандеровцам.

А первая «гуманитарка» достается прибежавшим на гул двигателей дворнягам — водители делятся с живностью кусочками из своего сухпайка. Каждая минута светового дня на счету, дороги оставляют желать лучшего, и едва последняя машина минует погранконтроль, устремляемся к месту разгрузки. В Луганске наливникам идти сливать топливо в одно место, стройматериалы везутся в другое, продовольствие — на склады на окраине города. На воротах недвусмысленное объявление: «Содержимое склада является государственным резервом ЛНР. Самовольное проникновение и вывоз товаров и материальных ценностей расценивается как мародерство. Приказ штаба Армии Юго-Востока».

Нас ждут распахнутые ворота складов и волонтерские группы грузчиков. На спинах, карами, в руках, переброской по цепочке принялись кочевать из-под тентов в складской полумрак сыры костромские, греча ядрица, памперсы, сгущенка белгородская, макароны липецкие, стиральные порошки, шпроты в масле, печенье брянское, мука, сахар, вода бутилированная. Летал в коробках «Вася-Василек» — конфеты в шоколадной глазури. Несли, как хрусталь, боясь повредить коробки, детские подарки из Орла. В вывалившемся из кузова огромном пакете

оказался целый зоопарк из мягких игрушек для самых маленьких луганчан...

Контроль за распределением «гуманитарки» тройной — подъехавшие сотрудники правоохранительных органов с уже знакомым по границе товарищем, сотрудники Центра восстановления республики, местные органы власти. Достанутся, обязательно достанутся подарки и вам, пацаны, бежавшие утром к трассе. Не зря же на рынках Донбасса нет товаров из доставляемого гуманитарного груза. Единственное исключение для нашей колонны — перезагрузка из Ростовской машины в «Камаз» из Алчевска. Но это святое, это продовольствие точечного назначения в 10 тонн предприниматель из Ростовской области, родившийся в Алчевске, лично закупил именно для своих земляков...

По периметру склады и нас охраняет военная комендатура. Времени на общение нет, успеваю перебраться лишь парой вопросов:

— К чему за время войны выработалось самое большое неприятие?

— К футбольному клубу «Шахтер»!

Вот те раз! Не ночные бомбежки? Не расстрелы детских садиков?

— Мы их так любили! А они взяли и уехали. Во Львов. Им что, есть было нечего? Или деньги затмили разум и совесть до такой степени, что стало все равно, с кем сидеть за одним столом? — Высокий, укрытый, как бронежилетом, магазинами из-под автомата парень поясняет с болью и за любимую команду, и за спорт в целом: — Самое страшное в войне — это человеческая подлость. Один Ярослав Ракицкий отказался входить в сборную Украины: «Я не стану играть в одной команде вместе с фашистами»...

— А еще надо обязательно вернуть Мариуполь, — добавляет напарник. Мариуполь — это да, это важнейший стратегический узел... — Просто там очень красивые девушки, — уточняет, однако, о своем, желаемом.

Улыбаемся. Жизнь продолжается.

Как ни работали самоотверженно, без перекуров грузчики, но последнюю машину освободили лишь затемно. Еще несколько минут ушло на сверку между старшими «Рубежей» и заведующими складов по принципу «сдал-принял». День и впрямь короток, колонне на ночь оставаться на воюющей территории нельзя, и вновь зажигаются майорские звездочки-габариты колонны. Бежит, боясь опоздать, один из грузчиков:

— Мужики, мимо поселка Верхний Мамон под Воронежем будете проезжать?

Название знакомо, киваем.

— Посигнальте там. Я родом оттуда...

А кто-то недоумевает: кому и зачем помогаем...

— Внимание по колонне: проверить книжки на полках.

«Книжки» на сегодня — это мы, сопровождающие. Мы на месте. На полках. В следующий раз и позывные, и номера на лобовых стеклах машин поменяются, так что пусть кто хочет перехватывает и расшифровывает эфир.

Скорость возвращения, несмотря на пустые машины, невелика: Луганщина пока еще не может похвастаться освещением улиц. Но есть огни кафешек, мелькнул ЗАГС, светятся пункты мобильной связи. Вроде нет войны, вроде все мирно и спокойно. Только на выезде из Луганска, на обочине застыл черным остовом сгоревший вместе с экипажем ополченцев и оставленный памятником танк. Различаю на его обожженной броне живые цветы. Фролу хочется посигналить в память о погибших, но сдерживается, потому что любой непонятный звук, выбивающийся из общего ритма движения, может быть расценен как сигнал тревоги.

Мы вернемся в Ростов в 2 часа ночи, а расстояние в 414 километров (туда и обратно) займет у нас почти сутки. Величайший подвиг водителей, пусть и без знаков отличий на плечах, без знаков солдатской доблести на груди, но с шевронами спасателей на рукавах. Мечтающих встретить

Новый год в кругу семьи, но готовых стать под новую погрузку в любой момент.

А я ехал и старался не пропустить место, где стояли, встречая нас утром, пацанята. Уже темно, но вдруг дождутся — я приберег для них конфеты. Но если спят, то это тоже благо: хоть на одну эту ночь, но мы своим появлением изъяли у войны обстрелы, слезы и стоны. И потому им может сниться Дед Мороз с подарками. И как они бегут к нему по летнему, чистому, ровному полю.

Во сне так бывает...

Федор Березин

**РЕЗЕРВАЦИЯ.
САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ БИЗНЕС**

— Уважаемый, пан Андрий, мы хотели бы поговорить с вами о вашем бизнесе, о передовых достижениях вашей фирмы, о ее вкладе в экономику нашей родной страны, а также о взаимосотрудничестве с глобальной мировой экономикой. Ведь не секрет, что ваш консорциум в настоящий момент занимается наиболее передовой и быстро развивающейся отраслью экономики.

— Безусловно, пани Тома, наша отрасль, без бахвальства, является ныне ведущей в сфере экономического прогресса. И именно в ней ныне сошлись векторы нашей украинской макроэкономики. Скажу даже больше. Именно с бизнеса нашего профиля и началось настоящее возрождение нашей с вами Родины. И прошу учесть, в этом виде бизнеса, именно наша фирма значитса наиболее успешным звеном.

— Извините, пан Андрий, а к чему все же можно отнести вашу деятельность? К сфере строительства, сервиса, безопасности или к чему-то совсем другому?

— Можно сказать и так, но это, конечно же, не будет охватывать всего спектра услуг. Более того, мы ведь все время расширяем сферу приложения своего капитала и своих навыков. Например, с недавних пор мы начали заниматься подготовкой специалистов не только для собственных нужд, и не только для других корпораций нашего профиля здесь, у нас, но даже для других государств.

— Вот, пан Андрий, у меня как раз готовился вопрос и на эту тему тоже. Правда ли, что инструкторы вашей корпорации, передают свой опыт другим странам Пограничного Рубежа?

— Конечно! Кому, как не нам обучать эти страны правильному обращению с колониальным наследием? Наша страна нашла свою нишу в мировом разделении труда. Более того, в этой нише, мы находимся на самых передовых позициях. Свой опыт в архитектуре и строительстве мы с удовольствием и с большой финансовой выгодой как для себя, так и для нашего государства в целом, передаем всем, кто желает. А желают многие, как вы понимаете.

— Ага, значит вы занимаетесь сферой обучения? То есть образованием. А вот как по архитектуре и строительству? Можно ли более конкретно по этому вопросу?

— Конечно можно, здесь нет ничего секретного. Наша частная, но, хочу вам сказать, весьма тесно сотрудничающая с государством, корпорация, является передовиком в технологии создания охранных периметров. То есть система отделения выделенных территорий применяемая во вверенных нам зонах, на сегодня самая «продвинутая» в мире. У нас применяется лазерное слежение за нарушением заборной плоскости, токовое отсечение попыток проникновения с обеих сторон, противоподкопная сейсмосистема датчиков-обнаружителей и низкочастотное подавление активности в требуемом радиусе, в случае выявления активации. Затем, естественно, башенная автоматизированная технология засечки и сбивания планеро-парашютной деятельности. Ну и не забывайте, наши заборы самые высокие в мире. Последние наши новинки допускают возведение стен до сорока восьми футов. Эту технологию, кстати, в настоящее время мы успешно продаем нашему давнему партнеру — Израилю, для нового огораживания палестинских территорий.

— А вот известный ныне СПБН — это тоже ведь ваша разработка, правильно?

— Конечно, так называемая, технология «скользи, падай, бейся носом» — это наша гордость. Представьте, что происходит, когда ее применяют на высоте сорок восемь футов?

— Это значит...

— Шестнадцать метров! Почти шестиэтажная постройка.

— О, представляю.

— Хочу вам похвастать еще одним достижением. Именно наш консорциум выиграл тендер на возведение дополнительной пограничной стены вдоль варварской территории.

— А что, разве укрепрайоны, построенные Северо-Атлантическим блоком, никак не могут выполнить свою функцию?

— Да, нет, что вы такое говорите о наших вернейших и надежнейших союзниках. Просто у наших защитных полос различные функции. Натовский пояс сберегает нас от набегов варварских полчищ оттуда, с радиационно... в общем, от обеззараженной и «обезварваренной» территории, наш же, наоборот, не позволяет отдельным, аномально пронируемыми организмам, сумевших каким-то путем преодолеть заборы резервации... огороженных зон, и влекомых инстинктами на восток, запросто покинуть государственные границы. Вы же, наверное, понимаете, что начнется, если каждый организм сможет вот так, за здорово живешь, пробираться куда ему хочется?

— Но давайте, пан Андрий, все же вернемся к самой постройке.

— С удовольствием, пани Тома. О нашей стене я могу рассказывать часами.

— Нам не дадут столько эфира, пан Андрий.

— Тогда поторопимся, пани Тома. Так вот, это будет система башен, созданных по новейшей технологии. Башни постоянно и в автоматическом режиме обмениваются информацией. Например, обо всем подозрительном в ра-

диусе одной мили. Инфразвуковые подавители постоянно простреливают... ну, в смысле, облучают территорию между башнями. Лазерные лучи невидимого человеческого глазу, а следовательно, и глазу организма, диапазона засекают все движущиеся предметы размером более кролика, самонаводящиеся ультразвуковые сонары, с возможностью перестройки частоты делают из окружающей местности...

— Пан Андрей, это все новейшие технологии, а как насчет...

— Традиционно и давно известных? Безусловно! На каждой вышке имеется прожектор, понятное дело, многоствольный автоматически наводящийся на цели пулемет. Ну и конечно, специально выдрессированные овчарки кавказской породы, которые... Кстати, воспитываются эти модифицированные, стокилограммовые песики по методике нашей фирмы. Школы расположены вблизи охраняемых зон, чтобы иметь возможность без особых хлопот и быстро пополнять дрессировочный инвентарь.

— Но вы упомянули об исконно традиционных методиках. Как насчет...

— А конечно! Кроме системы башен вдоль охраняемой полосы будут передвигаться казацкие конные патрули. По традиции, они, понятное дело, снабжены нагайками, шашками и прочим, по прейскуранту. Каждый из наших казачков пройдет специальный курс подготовки. Например, только работе с плеткой, на курсах уделяется около ста часов учебного времени.

— Впечатляет, пан Андрей. И думаю, такая доскональность подхода понравится нашим зрителям.

— Я тоже надеюсь, ведь каждый из слушателей вполне должен понимать, что именно об их безопасности и печется моя корпорация в первую очередь.

— Пан Андрей, а вот ответьте, пожалуйста, на такой сугубо экономический вопрос. Даже два вопроса. Вкла-

дывают ли иностранные компании свои средства в ваше производство и развитие технологий?

— То есть идут ли к нам инвестиции из-за рубежа, так я понимаю? Да, представьте себе, идут. Ведь очень многие страны Свободного мира весьма заинтересованы в наших технологиях. Кроме ближнего зарубежья граничащего с варварскими пространствами, это еще Израиль, ну, некоторые латиноамериканские страны, даже, представьте себе, Ирак! Там ведь сейчас осуществляется большой международный проект — огораживание Багдада от остальной, тоже можно сказать, «оварваровившейся» территории. Наши универсальные вышки, например, вызвали у тамошних предпринимателей повышенный интерес. Еще, конечно же, Югославия. Все, понятное дело, слышали о проекте отделить варвар... бывшую сербскую зону от остального урбанизированного пространства европейского выбора.

— А вот, пан Андрий, мой второй экономический вопрос. Правда, вы уже его несколько трогали, то все же уточним.

— Я весь внимание.

— Вкладывает ли наше собственное государство средства в ваши проекты? На счет его заинтересованности все наши зрители наверняка уже поняли.

— Конечно, вкладывает. Пару месяцев, правда, имелись некоторые перебои, но теперь, после нового транша Всемирного банка в нашу государственную экономику, все снова наладилось.

— Мы все за вас рады, пан Андрий. За вас, и за вашу фирму.

— Спасибо большое.

— Пан Андрий, а вот еще интересно. Касательно осознавших свою ущербность организмов? Решивших перестроиться и пойти, так сказать, по эволюционной лестнице вверх? Есть ли у них шансы стать полноценными членами государства?

— Кстати, вопрос абсолютно правомочен. И он прорабатывался нашими юристами-правозащитниками. Между прочим, занимался им и Конституционный суд. Теперь можно сказать, что дорога открыта всем. То есть если организм полностью, как вы выразились, «осознал», то после разбирательств специальной конторой, он может быть допущен к экзаменам. Экзамены, как известно, стандартные. Язык, в пределах школьного курса, цитирование «Кобзаря» по памяти с любого места назначенного комиссией, знание новейшей истории Укромира, перечисление выдающихся побед УПА, а также всех титулов Виктора-Мученика, причисленного католической церковью к лику святых.

— То есть, ничего особо сложного?

— В общем-то, да. Однако, да не покажется это странным, только единицы умудряются пройти столь простое испытание, что конечно же свидетельствует об общем генетическом отставе...

— Извините, пан Андрий, а что происходит, если некий организм сдал экзамен и...

— Затем следует всего лишь годичный испытательный срок. Если в названный период организм не уличен ни в каких связях со своей бывшей средой, то тогда он сдает повторные экзамены. Для закрепления навыков, то есть, в плане организмов — отработки рефлексов — и проверки «свидомости». Если все реакции положительны, тогда организм признается субперсоной и имеет право выслезиться из резерва... с контролируемой нашим охранным ведомством территории. Далее он имеет право на работу не связанную с государственными структурами или бизнесом, а также не имеет покуда права голосовать: сами понимаете, субперсона — это ведь еще не гражданин. Но ничего страшного. Ведь если субперсона не была уличена в чем-то противозаконном или в порочащих даже нормального гражданина связях с организмами, то всего лишь через двадцатипятилетний срок, субперсона может

быть признана персоной, то есть полноценным гражданином.

— Конечно же, после пересдачи экзаменов?

— Безусловно, как же иначе. Да, надо добавить, что у названного правила наличествует существенное исключение. Это касается организмов, которые без всякого давления с нашей стороны, или иных государственных ведомств, начинают сотрудничать с нами в плане выявления террористических, подрывных и прочих структур. В отношении данных организмов мы применяем упрощенную систему экзаменов, а также в некоторых случаях более ускоренное отселение из резерва... мест естественного обитания.

— Понятно, пан Андрий. А можете привести какой-то конкретный пример, понятное дело, без указания фамилий, порядковых номеров и прочего?

— Да, совершенно недавно один из сознательных организмов указал нам на подпольное хранилище подрывной литературы на русс... языке организмов. Там имелись такие запретные авторы как Пуш... Ну, в общем, все и так понимают о чем речь.

— Ага, спасибо за интересный рассказ. Но для уточнения. Неужели этот склад псевдокультурных ценностей был расположен вне пределов этих самых «мест естественного обитания»?

— Нет, разумеется. Понятное дело, на территории, занятой организмами. И в этом плане, помощь осознавших свою ущербность представителей вида весьма помогла. Ведь организмы, как известно, весьма плохо поддаются дрессировке. Обычно они сотрудничают только после применения кое-каких разработок нашей фирмы из других областей технической науки. Кстати, наш консорциум сейчас занимается еще и подготовкой опытных дрессировщиков. Специалисты, получившие навыки в наших школах подготовки, пользуются спросом за границей. Помимо того мы готовим кадры и из состава направленных к нам на обучение иностранцев. Недавно мы подготовили

более сотни дрессировщиков организмов для стран Прибалтийского Пояса.

— Ага, это в добавку к вашему рассказу о сфере образования. А вот, пан Андрий, ходят какие-то странные слухи... возможно, их распускают некие подрывные элементы... что условия во вверенных вам территориях ухудшаются. Уж извините за такой вопрос, но уж, пожалуйста, развейте сомнения.

— Ну, что вы, пани Тома! Условия содержания во вверенных нам резервации... зонах естественного обитания... не только не ухудшаются — они даже улучшаются. Вот вам наглядный пример. Ранее был принят стандарт территориальной площади на каждого члена поселения в размере не менее девяноста квадратных футов на отдельный организм, а ныне он увеличен почти на двадцать футов, представляете?

— Да, это явный прогресс. Правда, уж извините, я, видимо, отношусь к несколько отставшей категории населения. Мне как-то трудно сразу переводить все эти футы и дюймы в устаревшие единицы измерения — метры. Просто я к ним привыкла почему-то.

— Пора отвыкать, давно пора, пани Тома. Делайте это как можно быстрее, вы ведь еще совсем молодая дивчина. У вас впереди огромные перспективы.

— Но все же вопрос, несколько связанный с только что услышанным. Многие наши зрители будут несколько растеряны и, говоря прямо, даже расстроены. Получается, если территориальные стандарты в резе... поселениях улучшаются, то... Ведь тогда в их состав снова переходят истинно украинские земли, или я не права?

— Нет, тут вы действительно не правы, пани Тома. Неужели мы подвергнем антинародной эксплуатации наши, отвоєванные многими поколениями предков земли? Опять отдадим их в лапы москальско... мафии организмов? Ни в коем случае. Сообщаю вам это со всей ответственностью. Просто в связи с общим падежом, на

вверенных территориях количество площади на индивидуальный организм повысилось и именно поэтому стандарты получилось изменить.

— А вот скажите, пан Андрий, или просто-таки, помечтайте перед нашими зрителями. Каковы перспективы на отдаленное будущее. Даже, так сказать, на самое отдаленное. Имеется в виду в развитии вашего бизнеса.

— О, помечтать можно с удовольствием. Не знаю, конечно же сколько миллиардов, точнее, сотен миллиардов, а то и триллионов мировой валюты потребуется, но... Очень бы хотелось проработки на каком-нибудь из встреч глав правительств Свободного мира, и даже одобрения ООН, на строительство защитной стены вокруг всех остаточных варварских территорий. Этих москале... варварскую псевдоцивилизацию следует огородить просто-таки всю, не только со стороны государственных гра... бывших границ, имеется в виду. Понятно, что в некоторых местах их необходимо сдвинуть. Нельзя позволить, чтобы покуда отдельно живущие сообщества организмов могли, как и сейчас, довольно-таки запросто, проникать к Северному Ледовитому или Тихому океану. Не вижу, вообще-то, в этом ничего невозможного. Ведь вполне получилось огородить некоторые районы Сибири, богатые полезными ископаемыми, правильно? Почему бы, не сделать такое же и в других местах?

— Восхитительные планы. И я, как и, уверена, наши телезрители, очень надеюсь, что ваша корпорация примет в этих проектах активнейшее участие на благо нашей страны и всего остального мира. Даже выступит новатором и главным подрядчиком.

— Спасибо за добрые пожелания, пани Тома. И спасибо нашим слушателям от лица всей моей компании.

— И вам еще раз спасибо, пан Андрий. Напоминаем нашим зрителям. Я, Тома Осиченко, брала интервью у Андрия Недайхлиб, главы самой успешной из украинских компаний — концерна «Конотоп-Бабий-Яр-корпорейшн».

Виталий Даренский

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ

Не верь в святую Русь, кто хочет, —
Лишь верь она себе самой, —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской.

Ф. Тютчев

В латинском языке, хранящем в словах своих мудрость имперского народа, слово «bellum» обозначает одновременно и войну, и совокупность всех самых лучших качеств — «милое, приятное, прекрасное, веселое, бодрое, здоровое». Слово «война» поэтому здесь звучит как «прекрасное дело». Для современного человека это более чем странно. Для нас, не видевших войны, война — это смерть, ужас, дикая боль ран и бездонная боль от потери близких. Война — это страшная сказка, которую лучше не знать. Но для древних, которые называли войну прекрасной, она была обычным и привычным делом. Войны шли регулярно, повторяясь, почти как времена года. Войны были абсолютно жестокими — истреблялись целые города и даже целые народы; пленных сжигали живьем, а младенцев разбивали о камни. Сама смерть и без всякой войны была обыденностью — люди жили мало, большинство детей умирало еще во младенчестве, а регулярные эпидемии и голод истребляли население целых областей. И вот эти люди называли войну — «прекрасная». Что же они знали такое, чего уже не знаем мы?

Для нашего времени война кажется настолько чуждой и странной, что даже самое небольшое касание к ней вдруг приоткрывает эту тайну. Мне, к сожалению, воевать

не пришлось из-за плохого зрения, не пришлось защищать родной Луганск от новых нацистов, которых взрастила Украина, как ядовитую плесень. Но тайна войны коснулась и таких, как я. Война происходит не только на фронте — она, как невидимый эфир, окутывает все вокруг и проникает в сердца. Мир становится каким-то другим, и прошлая жизнь кажется сном, от которого нас пробудило что-то намного более важное и существенное. Когда вдруг внезапно почувствуешь, что война, вопреки всему, — это действительно bellum. Так было и у нас.

Война — плод смертельного оскорбления и страсти умереть за Правду. Двадцать лет Украина оплевывала и топтала все русское, ложью и забвением пыталась убить наши души. Это единственная в мире страна, в которой язык большинства населения не является государственным. Таких стран больше нет. Это единственная в мире страна, которая полностью уничтожила свою историю, поставив на ее место подлейшие мифы, сочиненные в ведомстве Геббельса, а ныне из бандеровских листовок со свастикой 1943 года без всяких изменений перекочевавшие в школьные учебники. Это единственная в мире страна, в которой «правильное» национальное сознание основано на одной лишь ненависти — ненависти к русским. Но русские все это терпели, проявляя христианскую суть своего национального характера. Хотя многие скурвились, перейдя на сторону нацистов и став едва ли не самыми наглыми из них. А большинство ни на что не обращало внимания, надеясь в глубине души, как и их далекие предки, что скоро «Бог переменит орду». Единицы боролись, иногда жертвуя жизнью и судьбой. Единицы, не понятые другими, молились в церквях о «преодолении разделения народов Отечества нашего» и о «соединении Великия, Малыя и Белья Руси». И казалось, что этому не будет конца, и ничего уже не изменится при нашей жизни.

Но зло само разоблачает себя и ищет свою погибель. Вот оно снова выползло на «майдан» — на то место, где

когда-то Батый ворвался в Киев, а потом еще много веков было «козье болото», на которое ходили колдовать киевские ведьмы. Снова заработала американская технология monk'ing — «обезьянника», когда многие тысячи еще вчера вполне нормальных людей, собравшись вместе, вдруг становятся невменяемыми, и их обезображенные злобой рты орут непрерывные проклятия. Их сознание замутнено настолько, что свое бесноватое состояние они называют «революцией гидности (достоинства)». Те, кто остался нормальным, назвали это «революцией гадности». Но по отношению к нормальным уже работает своя технология — такой поток лжи и оскорблений, который должен изобразить из них абсолютных нелюдей, подлежащих уничтожению.

Что греха таить, стерпели бы и в этот раз, если бы не одно большое НО, навсегда и бесповоротно сломавшее все планы заокеанских хозяев. Это — черно-красный бандеровский флаг, флаг гитлеровских холоуев, воевавших со своим народом. Двадцатилетняя тотальная «промывка мозгов» уже вырастила целые поколения несчастных дикарей, не знающих ничего, кроме геббельсовской лжи и этой сатанинской красно-черной тряпки — цвета тьмы преисподней и адского пламени. И они уже нагло думали, что они пришли сюда, как в пустыню, что здесь уже никого нет, кроме них, и никто уже не помнит тысячелетнюю Русь. Они ошиблись — и ошиблись навсегда.

Горек было Новый 2014 год от Рождества Христова — кипел наш народ обидой и гневом на творящееся в Киеве беззаконие, на безвольного Януковича, боявшегося очистить «майдан» от беснующегося фашистского кода. Двадцать лет сжималась пружина боли и дошла до предела, и осталось ей теперь только одно — выпрямиться во всю силу. Но как? Как?

А во всех людных местах Луганска гудит боль и возмущение — словно пробудившись ото сна, люди высказывают то, что наболело еще от того, первого «майдана»,

девять лет назад по-хамски плюнувшего в лица нам, «юго-востоку». И в обрывках разговоров — настоящие «перлы»:

— Еврохолуи! Привыкли в Европе мыть сортиры и ничего другого не умеют и не хотят. Эта Европа их держит за дешевую прислугу, а они и рады. Бандеровщина проклятая! Пусть валят в свою жлобскую «Эвропу», а нам не мешают жить по-человечески! «Революция гидности!» Не смешите! Какая там «гидность»? Какое достоинство? Они хоть знают вообще, что это такое? Евробыдло! Американские подстилки! Укрозомби!

— Революция гадности! Все гады опять повыползали — давить некому. Янукович, как лох, трясется за свои бабки, которые у него на Западе лежат, все слушает, что ему оттуда scomандуют. Мы за него голосовали, думали, защитит от этих бандер и от Америки, будем дружить с Россией, а ему на нас наплевать. На том же Западе такой «майдан» уже давно бы разогнали и пересажали. А в Америке по закону в тех, кто с полицией дерется — сразу огонь на поражение. Там бы за полчаса от «майдана» мокрое место осталось. А нам Америка командует: «Нельзя! Уберите «Беркут» с улиц!» Лицемеры проклятые! Мы же им не командуем: «Смените охрану в Белом доме!»

Интеллигенция рассуждала спокойнее и основательнее:

— Какой инфантилизм, вы подумайте! Сотни специалистов в один голос говорят, что ассоциация с ЕС убийственна для нашей экономики, она окончательно добьет промышленность и сделает из нас сырьевой придаток, эдакое европейское Зимбабве. Никаких инвестиций не будет, им нужна только наша сверхдешевая рабсила и рынок утилизации ширпотреба. Нет, ничего не хотят знать — хотим в «Эвропу», и все. Детский сад! Показали конфетку с красивым названием — и делай с нами, что хочешь. И ладно бы толпа, а то люди с учеными званиями и студенты лучших университетов — по своему идиотизму ничем не выше самой темной толпы. Увы, это Украина,

детка. Нормальным людям здесь уже давно делать нечего. Нужно сваливать в Россию — это великая страна с великим будущим и мудрым народом.

— Все дело в том, коллега, — добавлял другой, — что эти университеты и звания уже ничего не значат, если они достались плебейам с хуторянским мышлением. Дело в том, что когда произошел отказ от великой имперской традиции в культуре и историческом сознании — сразу наступила обвальная деградация души, мышления и нравственности. На Украине навязывается псевдокультурный стандарт галичанства — этого несчастного племени на территории Галиции, которое семь веков жило в рабстве у других народов и еще в середине XX века пребывало в Средневековье. СССР вытащил их за уши из их дерьма, приобщил к цивилизации — но именно за это они его и ненавидят. Все закономерно — дикари хотят вернуться в дикость, рабы — в рабство. Еще гетман Скоропадский очень быстро понял, с кем связался. Вот что он пишет в своих воспоминаниях, страница 233, послушайте: «Узкое украинство — исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру каковой целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут обедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов — 4 польского или немецкого происхождения... Великороссы и наши украинцы создали общими усилиями русскую науку, русскую литературу, музыку и художество, и отказываться от этого своего высокого и хорошего для того, чтобы взять то убожество, которое нам, украинцам, так любезно предлагают галичане, просто смешно и немыслимо».

— Плебейство — это еще слишком мягко сказано, — добавлял третий — Нет, еще и гнусность и подлость в их самом крайнем проявлении! Обратите внимание, почему они всех нормальных людей называют «ватниками» и

«колорадами»? Потому что хотят, как самые последние хамы, плюнуть людям в самую глубину души. «Ватники» и «колорады» — это Красная Армия, освободившая мир от нацизма и фашизма. Армия, одетая в ватники, разгромила Гитлера под Москвой и Сталинградом, форсировала Днепр и освободила Киев. В ватнике был Александр Матросов, когда бросился на амбразуру. А Георгиевская лента — на медали «За отвагу», а ранее — на Георгиевском кресте. Украинские нацисты нагло плюют на могилы своих же собственных предков, которые сейчас в гробах переворачиваются, узнав, кем стали их потомки. Они перешли на сторону Гитлера! И они же сами себя разоблачают! Сами признаются, что они теперь нацисты, если ненавидят все, что связано с победой в Великой Отечественной войне! Само это название им уже ненавистно и его уже убрали из учебников. Но их конец будет таким же, как у их предшественников — на мусорнике Истории!

Но разговоры разговорами, а ничего не менялось: «майдан» нагло стоял, Янукович трусливо бездействовал. Видимо, «Беркуту» это надоело, и он по своей инициативе пошел в наступление, занял часть «майдана». Нацисты уже подожгли Дом профсоюзов, чтобы уничтожить то, что они там оставили — трупы, оружие и наркотики. А «Беркута» очень мало перед огромной толпой фашистов, но он геройски наступает даже без приказа трусливого Януковича. Тогда наступает кульминация: наемные снайперы стреляют в «Беркут» из консерватории и гостиницы «Украина», заставив его потерять два десятка убитыми и ретироваться с «майдана», а затем с тем же успехом отстреливают больше сотни глупых майданных боевиков, которые как заготовленное пушечное мясо, ринулись вверх по улице в сторону администрации президента. В Раде подкупленные депутаты Партии регионов вместе с нацистами голосуют за отмену антитеррористической операции. Те же самые люди, которые наняли снайперов, объявляют убитых ими боевиков «небесной сотней», а про убитых милиционеров

никто даже не вспоминает. Исторический акт величайшей подлости и лицемерия свершился.

Янукович бежит, и весь Юго-Восток охватывает гнев и отчаяние. Но вдруг, как неожиданное чудо и нежданная радость, поднимается Крым! Наше отчаяние перекрывается радостью, в которую поначалу даже не верится — пусть, увы, не мы, но хотя бы Крым освободится от проклятого украинского ига! Изумительный народ Крыма единодушно показал, что он — единая Русь, а не «окаянная нёрусь» — Украина. Россия действует мощно, как и подобает великой стране. Все организовано четко, Запад в шоке и прострации, не зная, что делать, и вот Крым свободен! Но как же мы?

Чувствует сердце, что что-то будет, и ожидание его не обмануло. И вот уже впервые взметнулся на флагштоке российский триколор в центре Луганска под громогласное «Ура!» ликующей площади. И вот уже народ каждое воскресенье занимает здание администрации, словно тренируясь для будущих свершений. Луганский счастливый март, наша Русская весна! Чувствует сердце — что-то будет! И вот оно, долгожданное — Начало. «Я, Болотов Валерий Дмитриевич, командир Луганских партизан...» — говорит с экрана перед миллионами людей усталый сержант, снимая маску и расстегивая ворот, под которым десантская тельняшка. И вот уже 6 апреля партизаны ведут людей к зданию СБУ — и взметнулся над ним победный триколор! Корабль Истории, гнивший в зловонной тине Украины с 1991 года, тяжело и со скрипом, но отчаянно и упорно, поднял паруса и двинулся в открытое море. Вперед, хватит терпеть и бояться, и будь что будет!

Луганск — второй, кроме Славянска, город бывшей Украины, который не стал шутить, играть в «мирный протест», но сразу поднял вооруженное восстание. Украинские нацисты уже развязали тотальный террор и насилие против тех, кто с ними не согласен. Они уже начали Войну — и у нас не осталось выбора. Отныне вся кровь —

на их совести, если она у них еще осталась, на их грязных, лживых и подлых душах. И они ответят за нее!

А тем временем в центре Луганска под ярким апрельским небом начинается праздник и ликование тысяч людей, каждый день заполнявших пространство перед бывшим СБУ, а отныне — крепостью русских повстанцев. Ставятся палатки с названиями городов, дымят кухни, из динамиков гремят русские и советские песни, в двух палатках-часовнях непрерывно читаются акафисты, между песнями к микрофону выходят все желающие и говорят все, что у них выстрадалось и наболело. Перед новой крепостью — два ряда баррикад, между ними — узкие проходы, один выстелен украинским флагом, другой — американским. Входящие старательно вытирают ноги, так что оба флага из-за быстрого износа приходится часто менять. На баррикадах — самодельные огромные кресты, иконы и надписи — Святая Русь и Луганская Народная Республика. Везде российские триколоры и флаги ЛНР.

Но однажды чудной весенней ночью ударил набат в храме Гурия, Самона и Авива, что напротив крепости — тревога! Выдвинулись для штурма приезжие спецназовцы, собранные со всей Украины и спрятанные ранее в казармах по окраинам. И к крепости, готовой к бою, побежали, проснувшись, тысячи людей со всех сторон и стали стеной вокруг баррикад, вместе с вооруженными бойцами — умрем, но не отступим! И никто не приблизился...

И вот уже Луганская армия наносит контрудар — выбивает и выгоняет из воинских частей по городу всех чужаков. Вот и первый настоящий бой — за кварталом «Мирным» взята областная база погранвойск. Остался лишь аэропорт — там накапливаются украинские каратели, садятся все новые и новые их самолеты. Их предупредили: уходите по-хорошему. Они не поняли, и зря. И вот уже горит, сбитый на посадке огромный «Ил-76» с натовскими инструкторами и какими-то еще секретными грузами.

Украинские оккупанты, вон из Луганской Республики! Сдастся и бежит трусливая Украина. А там, двести километров на запад, сражается геройский Славянск, наводя страх на вдесятеро превосходящие украинские силы.

А все подлецы уже тогда бросились бежать на Украину — переждать и вернуться с карательными войсками. Не дождутся! Сбежали туда и местные «олигархи», бросив все наворованное. А перед крепостью гремят ораторы:

— Лучше погибнуть на войне, чем жить с этими майдановскими гадами и бандеровскими мразями в одном государстве!

— Лучше погибнуть на войне, чем над нами будут глумиться эти гнусные «европейские ценности» — корысть, гордыня, жлобство и разврат. Все их псевдоценности — ниже пояса. Вместо личности — тупая похотливая биомашина. Разврат преподается в школе, детей отнимают у нормальных семей и за взятки передают содомитам. Европа — это тоталитарный сатанизм, убийца человечества. Но мы устоим! У нас настоящие, русские ценности — совесть, бескорыстие, смирение, служение Богу и Родине!

И вот 11 мая — никогда еще не было таких выборов! Раньше люди нервно толпились, переживая смесь надежды с уже заготовленной злобой — «Кого ни выбери, все обманут!» Кучма и Янукович трижды обещали русский язык — государственный, и трижды обманули. А Янукович еще и дважды сдал страну фашистам. Теперь суть действия своей невероятностью почти сводит с ума — новое государство, ЛНР, Новороссия! Людей много, все радостные, шутят и веселятся. Есть ораторы на улицах, один говорит:

— А почему это независимость Украины — это хорошо, а независимость Новороссии — это плохо? Если независимость — это плохо, то отменяйте тогда на хрен вашу Украину и создавайте обратно Советский Союз. Мы будем очень даже не против. А если независимость — это хорошо, то вы обязаны признать нашу Новороссию, и не надо

тут лицемерия и двойных стандартов! У нас тоже законный референдум и народное волеизъявление. А если им плевать на наш референдум, то тогда не надо и вякать про какую-то «демократию»! Это фашистская диктатура, что и так всем известно. «Мировое сообщество не признает»? Ишь ты! А кто такие это «мировое сообщество»? Америка и ее холуи? Плевать мы на них хотели! Мы референдум проводим для себя, а не для них! Ничего, признают, когда им Россия немного мозги вправит, а то совсем уже охамели пиндосы, везде свой грязный нос суют, устроили нам фашистский переворот и радуются!

Хорошо сказано, однако.

* * *

Но вот пришла и она — Война.

Вот они первые ночные взрывы где-то за Металлистом.

Разговор:

— А кто это стреляет? Наши?

— Нет, у наших артиллерии нет. Это «укропы».

— А что же делать?

— Потерпеть. Скоро артиллерия будет. А пока нужно маневрировать.

Вот первое, еще июньское сражение за Металлист, несутся через город санитарные машины с ранеными, грохочет канонада, и поднимаются за Каменным Бродом столбы дыма выше облаков. Разгром «укропов», много пленных, разбит батальон «Айдар» (его потом еще неоднократно будут создавать заново после очередных разгромов), из него взята в плен садистка Савченко, которая уже пытала пленных в харьковском СИЗО (это потом рассказал вернувшийся из плена священник, которого пытал и «Айдар»). Много убитых натовских наемников, в основном поляки, но есть и негры. То же самое и на той стороне Донца — в лесах за Станицей Луганской — есть пленные и захвачена техника. Из мести украинская авиация долбит

Станицу, уничтожая там две улицы и два десятка людей, в том числе пятилетнего Егорушку. Царствие Небесное тебе, младенец-мученик Егорушка!

Фронт пока стабилизировался.

Вот первые две мины прилетели на наш квартал Шевченко, на рассвете нежно и музыкально просвистели, как в кино, и взорвались где-то рядом. Днем паломничество населения к месту взрыва — снесло левый вход в школу № 14. (Замечаю для себя: мина легко пробивает плиту перекрытия, значит, на пятом этаже находиться нельзя, но у нас на третьем уже безопасно — мина падает почти вертикально и в окно не залетит).

В Интернете был ролик: кто-то заснял, как через Счастье на Металлист проходит большая «укропская» колонна — танки и «Гиацинты», самые большие самоходные дальнобойные орудия. Комментарии были оптимистичные:

— Мама дорогая, и это все на нас?

— Привет, завтрашние «двухсотые» и куча металлолома!

Но пока эти «Гиацинты» превратились в металлолом, они успели поглумиться над городом и убить несколько десятков мирных жителей. Особенно страшен был снаряд, упавший на перекрестке у Восточного рынка. Объявили, что он убил 8 человек, люди говорили — 26. Другой снаряд пробил полутораметровые дыры в толстых стенах областной библиотеки им. А. Горького и Музея истории Луганска; а с особой страстью «укропы» долбили новый высотный дом за бывшим СБУ, еще даже не заселенный, в который было много попаданий. Еще был свет, и по украинским каналам нагло брехали, что это ополченцы обстреливают сами себя и свой город. Страна, основанная на лжи, от лжи и подохнет. Слава Богу, процесс уже пошел.

И в тот день появилась она — Ненависть.

И вот через месяц после первого — второй штурм. Теперь уже с трех сторон — уже не только от Металлиста на

Вергунку, но еще и через Александровск на Юбилейный и через Роскошное на квартал Мирный. Штурм отбили, но «укропы» закрепились. Конец июля — начало блокады.

Но там, на юге области — между Свердловском и Краснодоном — уже «укропы» в «Южном котле», первая стратегическая победа! Это самоуверенные натовские «стратегии» напланировали там в киевском генштабе отрезать ЛНР и ДНР от России прорывом вдоль границы. «Укропы» нагло вытянулись в нитку от Саур-могилы до Краснодона — им уже осталось меньше тридцати километров до Станицы, чтобы замкнуть все окружение — но армия ЛНР разрубила эту нитку, как змею поганую, прижала ее к границе и добила. Пять бригад и полк спецназа разгромлены в хлам, одних убитых до пяти тысяч. Полтысячи «укропов» бежали в Россию, а потом Украина отдала их под суд как «дезертиров» — за то, что остались живы. Подлейшая страна!

В июле уже Украина не заплатила зарплату и закрыла банки. В конце июля уже окончательно потух свет и отключили воду. Каждый день теперь минометные обстрелы украинскими диверсионными группами и дальние артиллерийские дуэли. Людей осталось мало, почти все бежали — лишь несколько пенсионеров у подъезда. Раньше играли дети возле подвала, чтобы при обстреле сразу спрятаться — увезли и их.

Молодые уехали, бросая стариков на произвол судьбы. Холодильники не работают, жара, ничего хранить невозможно, запасов мало, магазины продают только консервы, на рынке цены выросли в три раза. Везде орут несчастные брошенные коты и породистые собаки. Мы с женой с утра с тележками ходим за водой на улицу Дальневосточную, где ополченцы дают воду из скважины с девяти утра до девяти вечера, но там большая очередь. Часть воды мы раздаем бабушкам, которые почти не ходят. Им жена каждый день носит еще и еду. Кормим своих двух котов и еще нескольких брошенных кем-то во дворе. Наша кошка бо-

леет, жена над ней плачет и каждый день покупает ей что-то свежее и дорогостоящее. Деньги тают.

Август. «Укропы», обломавшись в Южном котле, решили окружить Луганск отдельно и сжимают блокаду. Взяли Лутугино, наглухо перерезали дорогу на Алчевск. Разблокировали аэропорт, навезли туда припасов, взяли Новосветловку — перерезали дорогу на Краснодон. Правда, туда осталась дорога в объезд, которая простреливается — последняя «дорога жизни» между Новосветловкой и станцией. Наконец, взяли Хрящеватое — и последний рубеж обороны теперь прошел за Острой Могилой — там же, где он был в 1918 году, когда «красный» Луганск во главе с Ворошиловым и Пархоменко оборонялся от казаков Краснова, выстоял и погнал их обратно на Дон. Но теперь, правда, мы сами — «белые», и казаки воюют на нашей стороне.

И вот до фронта по улице Оборонной — шесть остановок трамвайных, хотя трамвай давно не ходит. И вот Оборонная вспомнила, почему она так называется и снова стала «оборонной» — исполосованная танковыми траками, размеченная разбитыми домами. Вдруг заревет «Град», словно исполинская швейная машинка, с территории аккумуляторного или «сотого» завода — и вот уже летят в ответ украинские снаряды опять сюда, вдоль Оборонной.

А когда нет канонады, вдруг настанет здесь такая тишина, как в поле, и тогда слышно, как вместо рева потока машин, тихо-тихо шелестит трава на ветру и качаются разорванные трамвайные провода...

* * *

С украинскими минометными диверсионными группами ополченцы сначала боролись лучше, потому что люди, увидев подозрительную машину, сразу звонили на номера ЛНР — но тогда Киев специально отключил нам мобильную связь, чтобы им легче было нас убивать. Стало тяжело.

Но к обстрелам привыкли. В начале августа мина упала у нас возле дома, когда там шла жена. Всего метрах в двадцати пяти от нее — ее спасли кусты густой сирени, которые посеколо осколками. Я только успел броситься к окну — уже сразу свистит вторая мина, я кричу: «Падай! Падай на землю!» А она бежит к дому, кричит: «Господи, помилуй!» Помиловал, и вторая мина перелетела через дом и упала в соседнем дворе, выбила там все окна.

Было много и других случаев, ходить за водой всегда рискованно. Мина свистит три секунды — можно только успеть упасть на землю, и больше ничего. Но обычно лень падать, только подумаешь: «Ну убьет, и хрен с ним, надоело!» А храбрый народ у нас на рынке, особенно в очереди за кормом для котов. Рано утром у нас на таксопарке на рынке стояли три очереди в основном из пенсионеров — за хлебом (ждут, когда привезут), за молоком (когда еще возили молоко, в августе перестали — все пригороды отрезаны) и за рыбой для котов и куриными лапами для собак.

Последняя очередь была самая бесстрашная. При свисте мин и взрывах, первые две очереди бросались врассыпную, а немощные бабушки просто падали на землю, в кровь разбивая локти и колени. Но «кошачья» очередь, самая длинная, лишь слегка вздрогнув, продолжала бесстрашно стоять. И продавщицы продолжали торговать, крича почти в истерике: «Мы тут все сдохнем из-за ваших котов, будь они неладные!»

Бабушка в очереди говорит:

— Я уж сама как-нибудь, а моему Барсику куплю рыбки...

«Мы отвечаем за тех, кого приручаем».

* * *

Пенсионерка, бывшая учительница, говорит в очереди: «Я пишу книгу обо всем об этом». Да, такой народ победить нельзя. Хочется найти пример, как описать все это,

беру бунинские «Окаянные дни». Но нет, там все «с точностью до наоборот». Там отвращение и тоска, а у нас — надежда и... радость. Нет, как это ни дико звучит, но я бы написал «Счастливые дни»!

Да и сам Бунин, будь на нашем месте, написал бы, наверное, вот так:

«Город пустел, заполняясь грозным пространством знойного воздуха, и в перерывах между взрывами и свистом мин тихо звенело ощущение какого-то неведомого радостного будущего, сладко тревожащего сердце».

Даст Бог, и я когда-нибудь так напишу, если жив останусь.

Однажды ранним утром, когда не было канонады, я вдруг подумал: «А как там Вася? Он же на окраине, почти на линии фронта, и вряд ли уехал. Он не уедет, он такой». Василий Бугаев — это мой друг, луганский художник, которого, как водится, сейчас знают очень мало, но через полвека он будет знаменит, вспомните мои слова. Я решил пойти к нему.

Вася живет в районе «3-й километр», на выезде в сторону Лутугино, где в то время «укропы» уже сидели в «котле». Они там были еще совсем рядом, возле Роскошного, и оттуда долбили нас артиллерией. Я пошел туда пешком насквозь через «шанхай» (так у нас называется огромный район частной застройки) — от Оборонной вниз километра три. Взял с собой кусок железной трубы — отбиваться от одичавших собак — и не зря, она пару раз пригодилась. «Шанхай» тоже был пустой — людей и здесь не видно. Улочки засыпаны яблоками, которые некому собирать — стоит винный запах спелых гниющих плодов. Вася оказался на месте и очень обрадовался. Я спросил:

— Где тут фронт?

Вася смеется:

— Километр отсюда. Тут самое безопасное место — все пролетает у меня над головой. Но когда взрывается там, в центре — как ножом по сердцу.

Вася достал свой последний НЗ — «мерзавчик», то есть бутылку 0,25 водки, оставленную им на самый выдающийся случай. Я предложил:

— Давай махнем мерзаву сразу всю напополам и помолчим, пока тихо.

Махнули, заели яблоком и стали молчать. В саду между деревьями от жары дрожал воздух, птицы молчали, под ногами лежала куча осколков от мин, которые Вася собирал у себя в саду и во дворе, а из кустов вышел шикарный кот и стал осторожно приближаться к нам.

— Это мой Мурчик... — сказал Вася с нежностью, максимально возможной для человеческого существа. — Я сам сдохну, а ему последний кусок отдам.

Что тут ответишь? Я заметил:

— Как-то странно водка действует. Прямо как в юности, когда первый раз ее пробовал. В сердце такая радость разливается, как влюбленность.

— У меня тоже, — согласился друг. — Я знаю от чего это. То, что сейчас происходит — это тоже как влюбленность, словно вся жизнь в одну точку собралась... Либо все новое, либо конец всему.

Вдруг, как пишут в таких случаях, его лицо «осветилось каким-то внутренним светом вдохновения» — но это действительно так и было. После нескольких случайных фраз Вася вдруг сказал:

— Ты же видишь, где мы! Мы же на самом последнем рубеже — вот там (он показал в сторону Лутугино) — ОНИ, глупые и обманутые, нанятые Западом, чтобы уничтожить нас, нашу Православную Русь, последнюю твердыню и надежду человечества! Оттуда на нас наступает сам Антихрист, которому служит Запад. Он скоро придет, если они победят. Но они не победят, мы победим! И хоть мы с тобой не воюем, но мы тут были, на этом крайнем рубеже, где решается судьба человечества... Это главное счастье!

— Хорошо сказано, — обрадовался я. — Только не говори это всем подряд, не надо бисер зря метать. Это эзоте-

рическое знание. Смысл истории не всем дано понимать, зато дураков много. Скажи им правду, они будут только ржать и хамить.

Тогда я рассказал ему про *bellum* и добавил:

— И еще в этом слове тот же самый древний индоевропейский корень, что и в нашем слове «белый». А белый цвет что символизирует еще с архаики? И чистоту (святость), и смерть одновременно! И это не парадокс — ведь чистота и святость достигаются через смерть человека для всего земного и низменного, через приобщение к вечности. Вот отсюда и разгадка двойного смысла — а на самом деле единого, но цельного — слова *bellum*... Ты же, кроме рисунка, еще и цвет преподаешь — расскажи об этом студентам.

— Расскажу.

— Слушай, — продолжал я, — я тебе давно хотел сказать, но раньше стеснялся. У тебя с прошлого года где-то в картинах появилось какое-то сумасшествие в хорошем смысле слова, словно что-то такое прорывается через тебя помимо твоей воли и непонятное еще умом, какая-то тайна и изнанка бытия, какое-то откровение... Это видно.

— Да... Я знаю.

— У меня это тоже, только в другой сфере. Наверно, это так бывает перед великими событиями, изломами истории.

— Да, как неслышимый шум вечности.

— Что, как у Блока, «какой-то гул»?

— Гул, дорогой, еще какой гул...

* * *

...И вот закончилось лето, настала осень, и точно к дате Бородинской битвы Русь провела блестящее наступление против укронацистов — «бросок к Азовскому морю» — и устроила им под Иловайском «новый Сталинград».

А под Луганском Русь добила Лутугинский «котел» и аэропорт — на юге, и вышвырнула оккупантов за Донец —

на севере. Обстрелы города сразу прекратились. И как быстро вернулись люди, и как быстро возрождается Луганск! Какая живучесть в нашем народе! Еще почти нигде нет света и воды, но уже ожили улицы, все начинает работать. Еще никто даже не обещает начать платить зарплату, но все работают и так — потому что НАДО. С 1 октября заработали университеты и школы. В аудиториях так темно и холодно, но студентов с каждым днем все больше, среди них все больше отпускных ополченцев, которых прямо с лекций по мобильному вызывают командиры. Подходит к преподавателю парень, а иногда и девчонка в камуфляже, с флагом Новороссии на рукаве, спрашивает:

— Что нужно выучить на экзамен?

Тот смущенно:

— Почитайте учебник по любой теме, которая вас интересует, если будет время. А если не будет, ничего, приходите, я и так поставлю... Только живой возвращайся, постарайся...

— Постараюсь... прочитать.

Почти математическая закономерность: все паразиты и барыги, хамы и взяточники, в общем, все подлецы и мерзавцы — оказались «за Украину» и не вернулись в Луганск. Закон жизни — подобное притягивается подобным. А вернулись честные работяги, готовые страдать за Родину. Часто слышно:

— Война все дерьмо смысла.

— Стало легче дышать.

Невозможно забыть 2 ноября — это было не просто первое голосование в новой стране. Это был «звездный час» истории, затмивший даже 11 мая. Работала только половина участков, а люди, видимо, пришли абсолютно все, кто был. Нужно было видеть эти торжественные длинные колонны людей, медленно и важно двигавшихся по темным улицам, по два-три часа на внезапно ударившем морозе — до самой полночи! В этом торжественном, серьезном и молчаливом шествии уже не было того хмель-

ного веселья Русской весны, как в мае. Переговаривались тихо. Ругали украинские СМИ, которые продолжали в бешенстве лгать и обливать нас грязью. Говорили о том, что все хорошо, что мы выстоим. Здесь была серьезность судьбы.

Простите нас, погибшие, что мы живы, а вас здесь уже нет!

Помолитесь за нас, грешных, у престола Царя Небесного!

Сукова и смиренна, но величественна и радостна ты, русская судьба!

Нет лучшей судьбы на свете, чем наша!

Счастливые дни!

Иван Донецкий

МАМА, ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО?

Надо уничтожать нелюдей на Востоке Украины. Это преступники, это диверсанты, это убийцы, это террористы.

П. Порошенко

Донецк сегодня малолюден. Лица некоторых дончан приобрели иконописную сосредоточенность. Смерть в Донбассе стала реальностью. Многие собрали «тревожные» сумки с необходимыми вещами, документами, о существовании которых ранее не подозревали. Сделали распоряжения. Узнали, что бомбоубежищ в Донецке мало. Выжить при бомбежке и артобстреле поможет случай.

Июль 2014 года. Его начало. Жена пришла с работы с заплаканными глазами: сын сотрудницы, которого она знала, погиб 3 июля под Славянском. Похороны в 11. О том, что «семья воюет», я узнал около месяца. Старший сын — с оружием. Младший воевать не умеет, но сопровождает беженцев в Крым. Мама вывозит детей из городов и сел, обстреливаемых украинской «армией освободительницей». Отвозит продукты, вещи и медикаменты на блокпосты. Недели две назад старшенький неделю не звонил. Я боялся, что с ним что-то случилось. Но тогда все обошлось. Не обошлось сейчас.

У торца дома стоят люди в камуфляже и с автоматами. Они без масок, с открытыми лицами. У всех георгиевские ленточки либо на плече, либо пришиты на рукаве в форме буквы «v». У некоторых наплечные оранжевые шевроны «Восток». Это ополченцы. Или, по терминологии киевских СМИ, «террористы», «диверсанты», «боевики», «сепаратисты». Их человек двадцать. Собранных

в одном месте, я раньше столько не видел. Подходим к подъезду, где стоят гражданские с цветами. Высокий, под два метра, мужчина лет 25 в камуфляже и песочного цвета берцах распоряжается. Потом я услышал, как мама погибшего называла его ласково Ваня. Стоим. Ждем. Рассматриваю ополченцев. Автоматы самых разных конструкций, форм и «свежести». С откидными прикладами и с деревянными, перемотанными изолентой. Оружейный ополченческий разнобой. Почти у всех ножи на поясе или на груди. У каждого жилет с множеством карманов и карманчиков, в которых покоятся мобильный телефон, блокнот, документы, рожок для автомата, рация, фляга и какие-то длинные круглые предметы, предназначение которых мне неясно. У одного из кармана у пояса выглядывает граната с чекой. У кого один рожок в автомате. У кого два, связанные зеленой изолентой. Ополченцы держатся отдельной группой и тихо между собой разговаривают.

Приехал черный катафалк. Привез гроб с телом, крест с полотенцем, венки. На лобовом стекле фото погибшего. Улыбается, говоря по телефону, чуть склонив голову к правому плечу. Лицо с коротко остриженной черной бородой. Красивое. С живыми глазами. На кресте фамилия, имя, отчество. Даты рождения и смерти. 26 лет земной жизни. На венках ленты с надписями: «Кортесу от боевых товарищей», «погибшему в борьбе с фашизмом», «от батьки Атамана», «от родственников», «от друзей», «от мамы», «от жены», «от брата». Светло-коричневый гроб с ручками. В гробу мужчина с бородой. Кожа головы от уха через темя до уха не столько сшита, сколько зашнурована темной ниткой как футбольный мяч. Нижняя челюсть слева была, наверное, разворочена, но сейчас ей, как и шее, придали форму. Лицо густо заштукатурено и приведено в посмертный порядок. Умный, улыбающийся мужчина смотрит с портрета на себя, лежащего в гробу. И образ, и оригинал не слышат, не видят, не чув-

ствуют. Они уже за гранью доступного живым. В царстве мертвых. В царстве живых — только след.

Подходит мать и начинает рвать души присутствующих. «Как тебе, мой любимый сыночек, было больно! И почему я не заслонила тебя собой? Что мы без тебя будем делать? Твои красивые ручки никогда не дотронутся до меня! Ты всех хотел защитить! Как тебе было больно!» Наконец-то мать отводят. Становится легче. Почему-то плач матери воспринимается как упрек. Он погиб, а ты? Стыдно смотреть на убитого мужчину. Стыдно быть мужчиной, считать себя мужчиной и стоять со здоровыми руками и ногами у гроба мужика, погибшего за идеи, которые ты поддерживал на митингах, за которые голосовал. Он-то пошел до конца. А ты? Покричал на митингах, и в кусты? Люди с автоматами на плече отстаивают твои идеи, не так ли? Их совесть не мучает. Они сделали выбор. А ты? Ты прячешься за их спины и выдумываешь сотни убедительных для тебя отговорок. Стар. Не служил в армии. И прочее.

Ваня распоряжается умело, с толком. Голос приятный. Решения верные. Движения пластичные. Подвижное лицо и обрывки грамотно построенных фраз выдают человека, обтесанного высшим образованием. От ДК Куйбышева поехали к Планетарию, где жил погибший. Гроб постоял. Я не подходил. Коллеги матери погибшего тихо перебрасывались словами. Вспоминали, как погибший, еще мальчиком, не знающим свою судьбу, приходил с мамой на работу. Женщина лет 55—60 говорит, глядя на мелкого, бараньего веса, ополченца: «Куда этот шкет лезет? Он что, сможет меня защитить?» Стоящий рядом мужчина отвечает, что в современной войне рост и вес не главное. Надо уметь обращаться с оружием. Надо уметь воевать. Молчание. Начинают говорить на посторонние темы. Понимаю: про себя думают, что погиб глупо. Надо было прогнуться, потерпеть. Все не так страшно. Нет никакого фашизма. Жизнь ведь одна и прочее.

Поехали на кладбище. Ополченцы на трех машинах выезжали вперед и, перекрывая движение с боковых улиц, обеспечивали колонне из трех автобусов и десятка легкоковых машин зеленую улицу. Работали четко. Две машины с донецкими номерами. Одна без номеров и стекол. По встречной полосе ополченцы ехали с включенной аварийной сигнализацией. На подъезде к кладбищу остановились и минут двадцать ждали. Оказалось, должны подъехать еще три похоронных процессии. Погибло четверо донецких мужиков! Стоим возле машин. У одного ополченца лет 30 вижу характерный синий след на левой скуле. Понимаю, что успел поработать на шахте и получить царапину углем. У моего отца в таких синих метках было все тело, особенно спина...

Скомандовали: «По машинам». Подъезжаем к кладбищу. Справа и слева лесопосадка или зеленка. Где-то далеко ухают пушки. Жена говорит с тревогой: «А если в нас кто-нибудь стрельнет? Устроит провокацию?» Ополченцы и об этом подумали. Несколько бойцов с колена сканируют окрестность, держа автоматы на изготовку. Подошли к свежеразрытым могилам. Охрана с автоматами нарисовалась от скопления людей метров за двадцать. Они внимательно смотрят по сторонам, не обращая на нас внимания. Подъезжают катафалки с портретами покойных на лобовых стеклах. Из них, пригибаясь, выходят близкие. Выносят гробы с телами, кресты, венки. Все это проносят мимо меня. Лица постарше, чем наш. Все в камуфляже. За каждым гробом медленно движутся родственники с цветами. На проносимых венках читаю надписи о борьбе с фашизмом, позывные «Юстас», «Беркут», «Шахтер». Все три погибших одного 1968 года рождения. У всех украинские фамилии на «ко». Думаю: «Один на «ов», три на «ко». От рук Авакова, Парубия, Найема и других персонажей, далеко не славянских корней, которым чужда великая русская идея».

Гробы параллельно. Два батюшки и две певчие начали службу. Тянут на распев имена «Алексея, Артема, Сергия,

Ивана погибших за други своя, павших мученической смертью» и желают им царствия небесного. Я рассматриваю публику, хотя жена уже сделала мне замечание. До приезда отставших катафалков мы с ней стояли рядом с группой ополченцев, и я отрывочно слышал их одобрение объединению. Они заметили мое любопытство, замолчали и отошли. Батюшки отпевают. Я смотрю на маленькую женщину в камуфляже, с автоматом, на руки ее с дешевенькими золотыми перстеньками. Вспоминаю, что на шеях мужчин ополченцев видел золотые цепочки. «Люди не собираются умирать. Не думают о том, что эти цапки снимут с их трупа чужие руки». Сбоку, чуть впереди, стоит ополченец лет 65. Я обратил внимание на его шадящую походку, на ноги, обутые в кроссовки, которые он низко слал над землей, чтоб как можно меньше сотрясать спину. Почти шаркал ими. «Сто пудов у него радикулит и болит правое колено», — подумал я. «И автомат ему, ой, как тяжело носить». Сейчас я рассматриваю его вблизи. Нездоровый цвет лица, выпавший верхний резец и седая голова. Старик, которого не вооружит уже ни одна армия, кроме нашей Добровольческой. «Этот «агент ФСБ» лет тридцать отмантулил в шахте», — думаю я.

Батюшки отпели. Покурили ладаном. Матери, жены, дети еще раз порыдали на разные голоса. Потрогали, поцеловали в последний раз погибших, которые неподвижно лежали в гробах. Носки туфель крайнего справа видны из-под белой ткани. Чистые туфли, без пыли и грязи, прямо из магазинной коробки на холодные ноги с посиневшими ногтями. Руки и ноги батюшка приказал развязать, землю, окропленную святой водой, посыпать крестом. Рыдающих родственников, тщетно пытающихся унести с собой частицу погибших, отвели под руки. Гробы закрыли. «Первый пошел».

Я бросил три горсти желто-коричневой донецкой глины уже смешанной со свежей кровью. Отошел, отряхивая руку. Издали доносились звуки пушечных выстре-

лов. Прислушался. Стоящий рядом мужчина пояснил: «В Карловке идет бой». Кивнул. Звуки боя смешивались с коробочным звуком падающей на крышку гроба земли. С каждым броском лопаты он становился глуше и затих. Копачи подгребли, выровняли продолговатый холмик. Один из них легко вонзил крест. Охапками живых цветов женщины обложили свеженасыпанный холм. Прикрыли венками. Тело Кортеса от земной суеты отделено полуметра метрами донецкой земли. Он под, мы на. Он никогда уже не будет с нами. Хочется плакать. Обрывки фраз медленно текут в голове: «Не поднять... навеки... мученической смертью... за други своя... за меня...». Думаю: «Кортес имел право говорить гордую фразу: «Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано!» А я?» Засыпали остальные могилы. Все ушло под землю. Смотрю на другие кресты. «Одногодки. Наверно, служили вместе. Призвались в 1986 году. Отслужили. Может, и в Афгане? Тогда выжили. Сейчас нет. Погибли, защищая Донбасс».

На поминки поехал мимо ж/д вокзала. Там, где пару дней назад в упор расстреляли гаишников. Видеорегистратор служебной милицейской машины бесстрастно зафиксировал преступление. Из кустов выскочили два человека в масках. Не добегая метров пяти до машины, открыли огонь. Три трупа и набор лживых киевских обвинений в адрес ополченцев. Но зачем ополченцам сеять панику и страх в своем тылу? Зачем, Киеву понятно. На месте трагедии три венка. На асфальте кровавое пятно размером метр на метр. Вид убитых сограждан и крови уже не ужасает, а сосредоточивает. Шкурой, нутром понимаешь, что нужно выжить и не изменить себе. Не себя запугать. Не стать на колени.

В кафе помыли руки, и в зал. Четыре длинных стола, по двадцать мест каждый, накрыты. Водка «Хортица», инкермановское вино «Пино-Нуар». Расселись, заняв почти все места. За соседним столом ополченцы. Восемь человек с одной стороны. Восемь напротив. Автоматы у стены.

Мужчина лет сорока взял рюмку и начал говорить, смотря то на мать погибшего, то на его вдову в черной косынке, то на портрет Кортеса, который, не слушая его, беззвучно говорит по телефону и улыбается, не замечая перед собой черной траурной ленты и рюмки водки, прикрытой кусочком хлеба. Мужчина складно говорит о погибшем воине, защищавшем свою землю. Видно, что говорить умеет, что привык думать штампами, но сейчас эти штампы оживлены, очищены искренним горем, которое, помимо слов, передается присутствующим. Задевает. Цепляет. И уже слова о «погибшем за други своя», «за всех нас» заставляют чаще моргать, а слова о «Герое Донбасса, защищавшем свой и наши очаги» вынуждают вытирать глаза. Выпили. Сели. Закусили. Еще слово. Встали, не чокаясь, выпили, сказали: «Царствие небесное Герою Донбасса. Земля ему пухом».

Мама, извинившись, начала говорить о своем сыне. Года четыре назад, когда Донецк завалило снегом при минус двадцати и на дороге возле их дома образовалась «пробка», сын начал говорить: «Мама, ну, что мы сидим? Надо что-то делать! Там люди мерзнут! Им надо помогать!» Носил горячий чай и кофе, а потом обзвонил друзей. Они толкали машины на подъем. «Вы знаете, подъем возле нашего дома метров двести? Они четыре часа толкали и обижались, когда им предлагали деньги. Вот такой у меня сыночек, мой Сережа. Посмотрите, какой он красивый. Какие умные глаза! Извините, что я так много говорю о моем сыне, но он у меня... такой». После слов «у меня» мама вдруг запнулась, выдавила из себя «такой» и заплакала. Слово «был» о 26-летнем сыне она сказать еще не могла. Младший брат погибшего обнял мать, что-то зашептал ей на ухо, поцеловал. Мы выпили. Молодой лет 22-х ополченец вылил в рот водку из рюмки и вытер глаза рукой. Я вспомнил мельком услышанную на кладбище от ополченца фразу: «Кортес был молодчага! Умел...» Что умел Кортес я не расслышал.

Встал ополченец лет 35. Он попытался что-то сказать, но публичные речи не его конек. Что-то пробубнил под нос, вытер рукавом глаза и, сказав: «Извините, я волнуюсь», — сел. Встает бабушка вдовы. Она говорит, что они все его любили, что она к его приезду специально готовила салат оливье. Он любил его. Говорит ополченцам: «Мальчишки, держитесь. Вы боретесь за правое дело. Вы защищаете Родину. Это хорошо, но постарайтесь уцелеть. Будьте осторожны, мои дорогие. Чтоб мы не собирались...». Она плачет и сквозь слезы выдавливает: «Царствие небесное!» Говорим нестройным хором: «Царствие небесное!» — и садимся.

Встает вдова. Маленькая, шуплая женщина, оставшаяся с дочерью Машей двух с половиной лет. Рассказывает, что в первое их свидание Сережа спешил проводить маму в Киев. Предложил ей съездить на ж/д вокзал вместе. «Я сказала, маму проводить можно, это ж не детей от тебя рожать», — улыбается она. «У нас все так быстро получилось. Мне говорят, какая любовь, ты его неделю знаешь? А я чувствую, что он дал мне крылья». Она всхлипывает и продолжает: «Сейчас эти крылья обрезали. Помянем моего мужа. Ребята, — она оборачивается к ополченцам, — продолжите Сережино дело. Ваше общее дело. Не дайте, чтобы он погиб даром. Дойдите до победы. Только живыми. Я вас очень прошу. Умоляю! Царство небесное моему мужу».

Голоса становятся громче. За столами образуются группы, которые разговаривают между собой. Слева от меня, через два человека сидит спившийся мужчина лет 55. Он сам себе наливает, сам в себя заливает и, никого не слушая, громко растягивает слова о том, как он служил в морфлоте. Ему раздраженно говорят: «Помолчи!» Мужчина лет 50, сидящий справа от меня, встал, повернулся ко мне спиной и что-то говорит в сторону, сидящих рядом с портретом погибшего родственников. Охмелевший моряк постоянно заглушает его. Из обрывков слов и фраз скла-

дывается картина о том, что погибший был молодец, что ребята молодцы, что они за правое дело и он бы сам, но у него спина болит и колени, а так он, ох, и дал бы им. Пьем. У меня на уме вертится слово: «Скотина!» Тот ополченец, с автоматом, радикулитом и артритом лет на 15 старше моего соседа, списавшего себя в запас, в глубочайший и мягчайший тыл и диван. Жена его громко говорит, что все это зря и надо было сдаться и сохранить жизнь. Диванный боец мужественно отвечает ей: «Помолчи. Сейчас не время», — и уводит покурить. Я автоматически попытался отодвинуть от своего презренного двойника стул. Судя по дежурной маске скорби на их лицах, по быстрому, привычному вхождению в интимную зону мамы погибшего — они из дальних родственников. Обнимают мать, хлопают по спине, а сами думают, что племяш погиб по собственной глупости. У таких дончан всегда есть какой-нибудь хитро сделанный бизнес или мелкое, но стабильное подворовывание на госслужбе или в бюджете. Для них собственное чрево — мерило всех вещей.

Война проявляет людей как фотопленку. Пара дней войны и люди как на ладони. Чем ближе женщина с косой, тем лучше видно, кто из какого теста слеплен и какими нитками шит. Слышу голос матери, которая вспоминает, как ее Сережа ездил сдавать кровь для попавшего в аварию друга. Невестку с внучкой свекровь еще в начале войны на Донбассе отвезла к родственникам в Днепропетровскую область, но невестка с дитем через два дня вернулась, чтоб быть «поближе к Сереже». Он воевал и не мог уделять им время. Назначал свидания на блокпостах и она — «чтоб только на секунду увидеть» — приезжала. Спрашиваю у своей жены:

- А кем он работал?
- Юристом в какой-то фирме.
- В армии служил?
- Не знаю. Участвовал в каких-то соревнованиях по пейнтболу.

— Понятно, — говорю я и думаю, что ничего не понятно. — Почему одни идут умирать за други своя, а у других «спина болит» и внутренняя, подкупленная эгоизмом, медкомиссия не допускает их даже для рытья окопов?

Слышу голос матери, оправдывающейся перед собой и родственниками:

— Он мне сказал: «Мама, если не я, то кто?» Как я могла его удержать? Он и слушать не стал бы. Он для себя ничего не делал. Звонит мне и говорит: «Танечка (он меня Танечкой называл) привези что-нибудь от простуды. Нет, со мной все в порядке. Ребята на блокпостах заболели». Я покупаю, везу, думаю, его увижу. А его нет. Он на выезде.

Она плачет от острого сожаления о том, что так мало его видела и столько времени упустила зря.

Я молча наливаю водку и пью, чувствуя, что прячусь за возраст, профессию и прочие отговорки трусов. Нет, умом я понимаю, что поступаю правильно. Каждый должен делать для победы то, что он лучше всего имеет. Левитан в студии нужнее, чем в окопах. Понимаю, что радовать врагов еще одним «двухсотым» или «трехсотым» не стоит. Но сердце говорит иное. Сердце говорит, что Кортеса никто не ставил и уже не поставит на колени, а я о себе такого сказать не могу. Ни сейчас. Ни потом. Ни я, ни Левитан.

Вдова, посветлев лицом, рассказывает свекрови о том, как она рожала, как принесли в палату Машу. Сережа должен был положить новорожденную себе на грудь.

— Как только положил, так она сразу нашла его сосок, взяла в рот и стала сосать. У него было такое выражение лица. Я рассмеялась. Он обиделся. Я посоветовала ему дать ей мизинчик. Он дал. И они оба успокоились.

Сейчас «папа уехал» и она не знает, как сказать дочери. «Машка моя ждет папу».

Приятные воспоминания облегчили тяжесть рухнувшей на женщин жизни, под обломками которой они пытались сейчас выжить. «Процесс консолидации воспоминаний».

наний, работа горя пошла», — подумал я. «Она должна завершиться в течение полугода. К году вдова и мать погибшего должны закончить строительство новой жизни. Обжить новую для себя реальность», — подумал я книжным, очищенным от эмоций языком. В военных сводках за 3 июля 2014 года скажут, что под Славянском погибло 4 донецких ополченца из батальона «Восток». Или: у нас было четыре «двухсотых». Украинские СМИ сообщат, что силовики уничтожили в районе Славянска сорок террористов. В соцсетях сторонники Украины обрадуются и на разные голоса напишут: «Сдохли, твари колорадские! Отмороженные ватники!» Кто-то из Владивостока или Рязани напишет: «Вечная память героям Донбасса!»

Событие одно, а трактовка его прямо противоположная! Какая «единая Украина», если смерть человека и трагедия его близких на интеллектуальном и эмоциональном уровнях воспринимаются диаметрально? И этот раздел идет в глубь истории! Разные герои! Разные праздники! Одна часть Украины захватила государственную машину и с ее помощью объявила другую часть преступной. Кровью и свинцом терзает ее и подчиняет Европе и США. Одна часть объявляет Россию агрессором, а вторая — молит ее о спасении.

Словно слыша мои мысли, за спиной встает женщина и представляется Сережиной учительницей. На вид одних лет с погибшим. «Хорошо сохранилась». Громадный ополченец Ваня и в этот раз не успевает сказать. Он третий или четвертый раз собирается, но его, к моей досаде, опережают. «Долго, Ваня, настраиваешься. Здесь собрался народ, который не любит поговорить», — думаю я.

Нет, вру. Громадный ополченец Ваня сказал до училки. Он встал и негромким голосом скомандовал: «Нашему погибшему товарищу Кортесу троекратное «ура!» Ополченцы сидя ответили: «Ура! Ура! Ура!» Выпили, попрощались с матерью Кортеса и вдовой, которая полчаса назад ходила возле стола с ополченцами, всматривалась в их лица, иска-

ла знакомые и с нескрываемым удовольствием находила. Находила с радостью, словно любимый Сережа рассеялся и сохранился в них. Она медленно шла за спинами ополченцев, с глазами, полными слез, и, скользя рукой по плечам воинов, просила их выжить. Словно с их гибелью ее Сережа погибнет еще раз. И погибнет столько раз, сколько погибнет ополченцев. Она любила боевых соратников мужа как часть ее дорогого Сережи. «Права», — сказал мне бесстрастный регистратор. «Образ Сергия воина будет жить столько, сколько будут жить те, кто воевал с ним. Кто видел его в бою. Кто лежал с ним в одних окопах. Кто прикрывал его огнем. Кому он спасал жизнь, и кто спасал жизнь ему». Она ходила, как сомнамбула, выбирала знакомые лица, и ополченцы смотрели на нее, не отрывая глаз, как загипнотизированные. Что они думали в эти минуты? Наверно, хотели, чтобы их мысли о погибшем, их горечь и сожаление о том, что все так случилось, их воспоминания о Кортесе зажглись бы на большом экране и стали доступны всем. Лица их, как могли, отражали отношение к нему. Она ходила и жадно пила с их лиц, с их одетых в военную форму фигур уважение, любовь к ее погибшему мужу, светлую память о нем. Им не надо слов. Они следующие в очереди. Этот? Или этот? Самый старый? Или самый молодой? Высокий или низкий? В голову, в сердце, в лицо? Они играют в рулетку со смертью. За чертой, которую все остальные мужчины не переступили. А многие никогда добровольно и не переступят. Это совсем другая порода мужчин. Это Воины и Герои. Их всегда мало.

Прокричав троекратное «ура», простившись с вдовой и матерью, ополченцы взяли оружие и по-военному четко и быстро ушли. «Войны-то всего два месяца, а мужики, даже 20-летние, как с другой планеты. Их нельзя победить. Их можно только уничтожить. Это не загнанное в окопы «мясо», — думаю я.

Училка встает за моей спиной и говорит: «Может, это и некстати и неправильно, но я за единую Украину». Ее

слова словно взорвали мой мозг. Она говорит, что она за единство русского, украинского и белорусского народов. По ее мнению, это один народ и разделять его нельзя. Умом я согласен, но со слов «единая Украина» я вижу как льется кровь. Они смердят жареным человеческим мясом. Под этим людоедским лозунгом уже погибло столько людей, что говорить их при мне нельзя. Ее рассказ о том, что Сергей в школе выделялся среди других школьников своей отзывчивостью и целеустремленностью, что он герой, что, если получится, то она обязательно сделает в школе мемориальную доску, чтобы дети знали героев Донбасса и учились на их примере любить свою Родину, сгладили впечатление от начала ее речи. «Дело хорошее, слова хорошие, но без «единой Украины» могла бы и обойтись», — думаю я. «Понятны речи, накатанные необходимостью зарабатывать хлеб насущный, но базар фильтровать надо. Конечно, эмоции уйдут и речь ее политически верная. Но уход эмоций люди воспринимают как предательство. Они не хотят, чтобы уходили эмоции, которыми они дорожат, которые являются самой лучшей частью их жизни. Именно эмоции питают чувство самоуважения человека и достоинства. Многие живут сердцем, а не умом. Умом понятно, что Украина должна быть единой. Нужно очистить ее от украинских фашистов, от бандеровцев. В этом я согласен с училкой. Но сердце говорит о том, что это предательство погибших».

Выпили. Сели. Вспомнил, что другая бабушка говорила ополченцам: «Ребята, у вас такие светлые, чистые лица. Видно, что вы боретесь за идею. Победите. Продолжите дело моего внука. Он так хотел, чтобы Донбасс был свободным!»

Встал невысокий молодой мужчина с наметившимся пузцом, который сидел рядом с учительницей и пятью или шестью одноклассниками. Он школьный друг Сергея. Он говорит, что дороги их с Серегой после школы разошлись. Он пошел в милицию, а Серега по другой линии.

«Он с детства, как все мы, любил читать о разведчиках и героях. Но мы просто читали, а он осуществил то, о чем мы все мечтали: он пошел в разведку. А туда берут самых смелых и умных. В разведку боем. Ориентировку на местности. У него все отлично получалось, но...» Выпили. Гости стали расходиться. Подходят к маме, вдове, выражают сочувствие, соболезнование. Прощаются. Официанты, выстроившись в ряд, смотрят на всех, ожидающе. Для них это дежурные поминки, которые отличаются от дежурных свадеб только им заметной разницей. Мы же похоронили часть себя. Часть нашей идеи. Нашего заединщика и защитника. Не хочется говорить, но жалко до слез, если всех нас, донецких, и наших Героев окончательно похоронят под тоннами украинской и мировой лжи. Я себе этого не прошу.

* * *

На сороковины собрались помянуть Кортеса. Вышли покурить. Мимо идет женщина, молча плачет. Школьный друг Сергея остановил, расспросил. Оказалась матерью украинского солдата, попавшего в плен. Не знает куда идти, что делать, всего боится. Связались с командованием, помогли освободить. Два дня мать пленного жила в квартире матери Кортеса. Говорили о сыновьях. Вернувшись в Житомир, мать пленного организовала движение матерей против войны на Донбассе.

К октябрю 2014 года три из шестнадцати, виденных мною ополченцев, погибли. Остальные были ранены в разной степени тяжести. Пятеро вернулись в строй и продолжают воевать.

Ваню в начале сентября тяжело ранили. Лечится в России. Семья его сбежала из Донецка в Нижний Новгород. Возвращаться не собираются.

Владимир Казмин

ФАШИСТ

Наблюдаемая сегодня территориальная междоусобица среди вчерашних добрососедей может вылиться в скоростной вариант, когда обезумевшие от собственного кромешного множества люди атомной метлой в запале самоистребления смахнут себя в небытие — только чудо на пару столетий может отсрочить агонию.

Из-за недостаточной емкости памяти людской события угасающей поры хранятся ею в тесной упаковке мифа или апокрифа, вплоть до иероглифа. Громада промежуточного времени, от нас до будущих хозяев омолодившейся планеты, уплотнит историю исчезнувших предшественников в наконец-то прочитанный апокриф Еноха, который объясняет ущербность человеческой природы слиянием обоюдонесовместимых сущностей — духа и глины...

Леонид Леонов. Пирамида (роман-наваждение).

Фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Фашизм — это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм — это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике — это шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов.

* * *

Безмолвные глазницы разбитых окон зияли пустотой брошенных жилищ. Оборванные и обгоревшие занавески развевались на сквозняке в некогда благополучном, мно-

гоэтажном доме. Они, словно белые флаги, кружевным тюлем, свисали над искромсанными осколками снарядов стенами. Это был мой дом...

Рядом стояли такие же раненые бетонные исполины. Осеннее солнышко играло, переливалось в битом стекле — под ногами шуршала мелодия недавних обстрелов. Тишина утреннего города, вместе с этим битым стеклом, режуще ворвалась в мое сердце и душу. Во дворе на лавочке сидел совсем седой, как лунь, человек. Его белая, словно у отшельника-монаха, борода вздрагивала и, казалось, что он рыдает. Я подошел ближе и с удивлением обнаружил, что старик читает вслух с экрана ноутбука последние новости интернета. Это был вовсе не старик, а мой сосед, инвалид-чернобылец, Влад. Я поздоровался, а он, не отрываясь от экрана, буркнул слова приветствия и продолжал читать:

— В течение вчерашнего дня обстановка оставалась напряженной.

Украинские фашисты продолжают игнорировать достигнутые договоренности и обстреливают населенные пункты Донецкой и Луганской Народных Республик. Зафиксировано неоднократное нарушение перемирия со стороны карателей:

— в 08.20 из автоматических станковых гранатометов карателями были обстреляны позиции Армии Юго-Востока, расположенные в Никишине. В результате один ополченец получил ранение;

— с 09.00 до 13.00 периодическим огневым налетам из самоходных артиллерийских установок подверглась южная окраина села Смелое. Разрушены два дома. Тяжело ранены два мирных жителя;

— три раза (в 11.20, 14.20 и 15.35) с огневых позиций в районе кургана Могила Острая с использованием ствольной артиллерии обстреляна Петропавловка. Поврежден дом с дворовыми постройками, ранено три мирных жителя;

— в течение дня продолжились обстрелы жилых кварталов Донецка. С 12.00 до 15.20 с огневых позиций из населенных пунктов Пески, Опытное и Авдеевка с использованием ствольной артиллерии и реактивных систем залпового огня фашистами совершены налеты на жилые кварталы и промышленные объекты административного центра. В результате повреждены два дома, здание продуктового магазина, сгорело два автомобиля, принадлежащих мирным жителям. Потери среди мирного населения уточняются;

— в 13.00 и 14.00 с огневых позиций, расположенных в районе Волновахи, огневому налету из реактивных систем залпового огня «Град» подверглась восточная окраина Докучаевска. Разрушено два дома, повреждены дворовые постройки. Погиб один мирный житель и два получили осколочные ранения.

Трехсторонняя рабочая группа из состава миссии ОБСЕ на Юго-Востоке Украины сегодня работала в Дебальцево. Основное внимание было уделено сбору, обобщению и анализу данных обстановки, а также фактов нарушения режима прекращения огня со стороны украинских фашистов.

Фашистами продолжается перегруппировка своих войск и наращивание сил и средств, привлеченных для участия в карательной операции на всех направлениях.

— Вот такие дела, дружище! — Влад отложил в сторону ноутбук и стал рассматривать меня с головы до ног, словно инопланетянина, и, поглаживая свою седую бороду, спросил:

— Откуда ты взялся, с неба, что ли, свалился?

— Приехал вот...

— А-а... Ну, что, видишь, какой беды натворили?

— Вижу. Все живы?

— Слава богу, живы, отсиделись в подвале. Нынче полегче стало, меньше бахают в городе, все больше по окра-

инам, и в тех поселках, где закрепились нацики. Недавно дали электричество и воду, а вот со связью проблема, бегаю по двору, ищу, где Интернет возьмет. Новости узнать. По телевизору брешут со всех сторон. Как ты?

— Что я, как ты, рассказывай. Бороду отпустил, словно бабай какой, не узнать тебя, Влад.

— Много чего теперь не узнать, двор наш, видишь, тоже не узнать, воронки кругом. Стоянка вон сгорела, три машины в пепел. Беда...

Автостоянка с развороченным металлическим забором и обгоревшим, разбитым шифером крытых мест была практически пустой, только черные остовы нескольких машин сиротливо стояли посередине площадки. Я еще раз осмотрелся вокруг, и снова защемило что-то внутри. Наш шумный, веселый и всегда многолюдный двор, теперь был чужим, угрюмым и только рядом с отремонтированной лавочкой и наспех сколоченным столиком, за которым сидел Влад, к моему удивлению, зацвел куст сирени, выпустил на Божий свет несколько белых веточек цветов. Эти грозди не были похожи на веселое, весеннее благоухание, они словно слезы людского горя вспыхнули в это осеннее утро в расстрелянном дворе. Невероятная картина цветущей сирени, на фоне обожженного артиллерийским налетом двора, завораживала и напоминала о том, что жизнь на этой земле продолжается, что не все здесь вокруг мертво и убито...

— Да, это просто Божье чудо, — Влад обратил внимание, что я с удивлением и восторгом рассматриваю раненный осколками куст сирени. — Я сам не поверил глазам, когда увидел, что сирень зацвела. Вот, видишь, рядом разорвалась мина и, наверное, в земле произошли какие-то термические изменения, что распустились цветы. Хотя, как знать?..

— Нет, Владик, это Божий знак, что вы здесь не одни живые души...

— Как знать...

Мы еще долго сидели у цветущего военной болью куста сирени, говорили: о друзьях-соседях, о последних месяцах гражданской бойни, о хрупком перемирии, о том, что ждет всех нас в будущем, о жите-бытье, о погибших и искалеченных горожанах. О том, что произошло с людьми, которые недавно жили и работали вместе, а теперь взяли в руки оружие и убивают друг друга.

— А помнишь, Серегу Головко, что работал на шахте инженером, и его отпрыска Ваську? — спросил Влад.

— Как же, помню, конечно, его сынок скакал на майдане вместе с активистами «Правого сектора», а потом, после референдума, исчез куда-то.

— Фашист, истинный фашист, и откуда он выродился такой? Зверствует сволота, дошли слухи, что сейчас в батальоне «Айдар» вместе с наемниками орудует в оккупированном городе Счастье. Казаков донских расстреливает, поговаривают, грабежами занимается, вот тебе и тихоня из хорошей семьи! Мир перевернулся, истинно говорю. Я с Сергеем Петровичем не один год проработал на шахте. В Чернобыле были вместе, штольню били под реактор в восемьдесят шестом. Петрович — душа-человек, мухи никогда не обидел, и слова от него, несмотря на то что начальник, грубого не слышал, а сынок — фашист! Во как!

Я хорошо знал Сергея Петровича Головко. Еще ранней весной, до всех этих трагических событий, мы разговаривали с ним о том, что происходит на Украине, тогда, пожалуй, только ленивый не говорил, что в Киеве в результате государственного переворота к власти пришла хунта — это были не эмоции, все здравомыслящие люди понимали, к чему все может привести.

Мы тогда говорили, что двигательной силой, совершившей вооруженный государственный переворот в Киеве, стали откровенно неонацистские организации, главная из которых — «Правый сектор» во главе с претендующим на роль украинского фюрера Дмитрием Ярошем.

Сергей Петрович переживал за сына, рассказывал, что еще прошлой осенью Вася бросил учебу и все это время участвовал в событиях на майдане.

«Звонит редко, — горевал Петрович. — Я-то, понимаю, что рядом с «Правым сектором» стоят все остальные не-офашистские военизированные организации. Кто в этой, так называемой «Самообороне майдана»? Горько осознавать, что твой сын с теми, кто не стесняется использовать нацистскую и неонацистскую символику. Слава Богу, что мой батя, боевой офицер, ветеран Великой Отечественной, не дожил до этого позора. Если бы он увидел на плече внука татуировку фашистской свастики и кельтский крест, собственноручно придушил бы Ваську.

Всплыли наружу, как из гнойника, идеи украинских неонацистских организаций как ОУН, УПА, дивизия СС «Галичина», и все это воплощается в жизнь «Правым сектором» и «Самообороной майдана». Но дело не только в них. Кто финансирует это мракобесие? Англосаксы вкладывают миллиарды в этот хаос, понятно, все направлено на создание враждебного государства, прежде всего для России. Этот гнойник нужен Западу и к чему все это приведет? Только к войне!»

Я также рассуждал, что политическое крыло неонацистов, партия «Свобода» имеет в новом украинском нелегитимном правительстве почти половину портфелей, а ее лидер Олег Тягнибок, как всем известно, входит в тройку лидеров «Евромайдана». Однако и «Свободой» вопрос не ограничивается. Откровенно русофобский и крайне националистический характер носит деятельность и других членов киевской коалиции — «Батькивщины» и «Удара». Эти партии также выступают с позиций силового подавления законных прав русского народа и русскоязычных граждан Украины, проводя принудительную их ассимиляцию и украинизацию, создание «национальной Церкви», героизацию бандеровских военных преступников. И это только начало!

Многие деятели этих партий известны как самые рьяные преследователи канонической Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, участники насильственных захватов ее храмов, сторонники принятия дискриминационных законов, вдохновители ксенофобской политики, осуществлявшейся на Западной Украине при попустительстве предыдущих властей Украины.

Мы выкурили с Сергеем Петровичем не одну сигарету во время того разговора, проводили исторические параллели. Двойные стандарты стали основой либерального Запада. Как и нацисты 20-х, 30-х годов XX века, неонацисты века XXI, в процессе прихода к власти осуществили массовые беспорядки, избиения оппонентов и сотрудников правопорядка, поджоги. Ответные действия власти всегда будут трактоваться, как подавление свободы, террор «коммуно-жидов», «титушек», а попытки государственного и гражданского сопротивления всегда будут представляться, как «рука Москвы».

Когда нацистов в Германии, начала тридцатых годов прошлого века, арестовывали за погромы и вооруженные нападения — геббельсовская пропаганда вопила о подавлении народа, но, придя к власти, любую попытку публичного выражения недовольства та же самая пропаганда определяла как действия «врагов германского народа», против которых тотчас же возбуждались уголовные дела. Все это, один к одному, происходит и на Украине. Мы видим, как амнистированы все, кто с оружием в руках захватывал административные здания, убивал сотрудников правопорядка, подвергал публичным пыткам представителей законной власти и журналистов.

Этот разговор с Сергеем Петровичем произошел перед одесской трагедией 2 мая, когда весь мир всколыхнул фашистский пожар в Доме профсоюзов с многочисленными жертвами. Но сейчас, после слов Влада — «Васька истинный фашист», я пытался понять, как грамотный молодой человек встал на адюв путь насилия, убийства и ненависти.

Вася был обычным малым...

Он родился 19 августа 1991 года. Папа, Сергей Петрович, говорил тогда: «Родился человек новой формации, символически родился в день «московского путча», родился человек и жить ему в новом, грядущем двадцать первом веке долго и счастливо!»

Вася ходил в детский сад, потом в школу, жил в обычной, благополучной и интеллигентной семье. Папа был инженером на шахте, профессионалом своего дела, мама работала заведующей складом в магазине, родители ему желали всего самого лучшего в этой жизни и, как могли, старались обеспечить своему чаду светлое будущее. С самого раннего детства ему ни в чем не отказывали, оберегали сынишку от «тлетворного» дворового влияния, когда пришло время поступать в институт, папа Сергей Петрович Головка заплатил одну тысячу двести долларов для того, чтобы его сын Вася учился в престижном столичном, киевском вузе.

И вот, цветущий каштанами Крещатик обнял юнца. Вася Головка приехал в Киев, как говорится, грызть гранит науки, с этого времени и началась история «человека новой формации».

Киевская профессура в духе времени «незалежной Украины» насаждала своим слушателям идеи исключительности украинской нации с ее «великой историей», а все трагедии прошлого списывались на «старшего брата», на Россию. На первых курсах института студенческую среду захлестнула пропаганда государственной истерии, голодомор тридцатых годов — геноцид украинского народа, развязанный коммунистической Россией. Вася Головка, как прилежный студент, проникся темой и даже написал курсовую работу по теме голодомора на Украине, но уже тогда его влекло к «вильным, львовским, хлопцам» и очередную, археологическую, студенческую практику

он поехал проходить не на раскопки античной Ольвии, а в полевые лагеря неонацистов Западной Украины. Его влекло к романтике факельных шествий, заимствованным у германских нацистов, а лозунги: «Украина выше всего», «Слава нации — смерть врагам» все явственней становились главным душевным порывом молодого человека.

Но больше всего его привлекали разухабистые битвы футбольных фанатов, там царила практически всегда вседозволенность и безнаказанность для лихих пацанов, именно там, у стен стадиона «Динамо», он впервые почувствовал вкус крови...

Вася, на старших курсах института, все реже стал приезжать домой в Луганск. Мама, Светлана Герасимовна, беспокоилась за своего сынишку: как он там, в столице, не голодает ли? Каждый месяц посылала ему крупные переводы денег, порой даже втайне от отца, названивала ему на мобильный. Но Вася обрывал ее на полуслове: «Мама, перестань, что мне делать в вашем лоханске, успокойся, все нормально...»

Сергею Петровичу с постоянными шахтерскими проблемами было не до Василия, только однажды, когда он приехал в Киев, в Министерство угольной промышленности Украины, между отцом и сыном произошел серьезный разговор. Было это летом 2013 года.

Они сидели в уютном кафе на Крещатике, болтали по-житейски, и тут Сергей Петрович обратил внимание на татуировку, выбитую на плече Василия, рисунок виднелся из-под легкой, просвечивающейся футболки. На фоне фашистской свастики была изображена голова волка с оскаленными зубами. Сергей Петрович был потрясен увиденным.

— Вася, что за бред, ты зачем наколол себе эту пакость?

— Папа, перестань, ты ничего не понимаешь. Свастика — это всего только приветствие, пожелание удачи, благоденствия.

Это один из самых древних и широко распространенных графических символов, который использовался многими народами мира — это символом движения, жизни, Солнца, света, благополучия.

— Что ты мелешь, сынок! Этот крест был нарисован на крыльях фашистских самолетов, которые бомбили наши города семьдесят лет назад! Этот крест красовался на броне гитлеровских танков, а твой дед Петр Васильевич Головкин, не жалея собственной крови расстреливал их из своей пушки на Курской дуге. А твой прадед Василий Головкин, в честь которого был ты, дорогой, назван в этой жизни, погиб, в Испании, воюя с фашистами!

— Папа, перестань! Когда это было? Сейчас другие времена. И вообще, это мое дело, я уже не мальчик!

— Нет, не перестану, и это мое дело! Выведи эту дрянь со своего тела!

— Ладно, ладно, успокойся, давай лучше сменим тему. Да, кстати, я скоро еду в Прибалтику и мне не помешали бы деньги. Ты не можешь мне выделить долларов пятьсот?

— Зачем ты едешь?

— Я получил грант от одного международного благотворительного фонда. И на три месяца еду учиться в Вильнюс, осваивать сетевой менеджмент в сфере информационных интернет-технологий.

— А как же институт?

— С институтом я разберусь сам, не волнуйся. Папа, мне на первое время нужны деньги, это очень перспективное направление, поэтому если можешь, помоги.

Сергей Петрович не знал тогда, что это была их последняя встреча, что в считанные месяцы конца 2013 начала 2014 года жизнь в стране, да и во всем мире, перевернется, да и никто не знал тогда, всего один год назад, что на Украину придет война.

Сергей Петрович поменял в обменном пункте часть своей зарплаты и командировочные гривны на доллары и вручил их сыну.

— Вася, свастику выведи, я в тебя верю, сынок, прощай!

— Пока, батя, не переживай, все будет нормально, мы победим...

Сергей Петрович с тяжелым сердцем уехал в Луганск, окунувшись снова в работу, немного отлегло, но в душе боль за сына не унималась. Он не знал тогда, что его Вася в Прибалтике осваивал не мирную, новую профессию, а тренировался в военном лагере «Правого сектора», осваивал новую профессию — убивать...

Потом были события декабря, когда в центре Киева, словно по мановению волшебной палочки, стали вырастать баррикады протестующей молодежи. Требования немедленной интеграции в Европу стали главным козырем в руках манипуляторов майдана, которые все больше завладевали сознанием толпы, разжигая ненависть. Невидимая рука направляла этот спланированный бунт, а попустительство власти Януковича привело к невыносимому хаосу, власть шарахалась из одной крайности в другую, их бездарная политика привела к массовым беспорядкам. После того, как был выброшен, у новогодней елки главный аргумент этой спланированной акции — «детей бьют!» — майданный процесс стал неуправляемый. Запылали крыши и административные здания, на головы защитников правопорядка посыпались булыжники и бутылки с зажигательной смесью.

Вася Головкин все это время был в центре событий. После осенних сборов в Прибалтике он был подготовленным штурмовиком и в физическом, и в идеологическом плане. Окутавшись черно-красным флагом «Правого сектора» он был одним из самых активных боевиков, майдан вооружался, и в руках фашиствующих молодцев, помимо арматуры, цепей, камней, бит и бутылок с «коктейлем Молотова», появилось огнестрельное оружие. Полилась кровь...

В конце февраля еще была надежда на то, чтобы остановить эту вакханалию. Было подписано Соглашение от

21 февраля, между лидерами «Евромайдана» и правительством Януковича, при непосредственном участии европейских министров, но затем произошло чудовищное и циничное нарушение всех договоренностей. Гарантии европейцев тут же, самими подписантами были забыты!

Как не вспомнить заветы духовного отца украинских неонацистов, гитлеровского рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа, который любил цинично бахвалиться: «Я мог бы набить сундук договорами, которые нарушил».

Неправда, подлость, бесчестие и клятвопреступление проникло в сознание зомбируемых майданом украинцев, и «народная революция» в ночь с 21 на 22 февраля переросла в кровопролитие. Вспыхнул культ «Небесной сотни» Майдана, который так явственно перекликнулся с прошлым, с «мучениками Движения» — от Мюнхенского путча до Хорста Весселя.

Высоко знамя реет над отрядом,
Штурмовики чеканят твердый шаг.
И коммунистами убитые камрады —
Незримо с нами в пламени атак.
Коричневый дорогу батальонам!
И нет преграды для штурмовика.
Сегодня свастика — надежда миллионов,
Подарит хлеб и волю на века.

Вася Головка выжил той ночью под пулями снайперов, которые били без разбора и в ту и в другую сторону, его только слегка зацепило в руку, но теперь он стал одним из героев майдана. Вот оно — единение страны на крови!

Кровавый, грязный февральский снежный ком покатился по всей стране. К власти пришла хунта во главе с Турчиновыми, Яцинюками, Тягнибоками, Порубиями, Ярошами... Зачистка информационного и оппозиционного поля, репрессии в отношении оппонентов, нагнетание в стране националистического психоза, тотальное

навязывание позиции Майдана, как единственно народной, оправдывался пропагандистским лозунгом: «Не предадим Небесной сотни», Украину пронзило фашистским крестом с Запада на Восток и с Севера на Юг, фашизм нестерпимо больно уколол Крым. И полуостров, словно величественный корабль, отчалил, от враждебных берегов «ридной неньки», домой к берегам России. Всколыхнулся возмущенный киевским беспределом русский юго-восток. Это было началом гражданской войны...

Воспоминания одолевали меня в холодной с разбитыми окнами пустой квартире. Я всматривался в темноту ночного города пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки жизни, там, за моим балконом, еще несколько месяцев назад даже ночью не утихал, сиял тысячами огней город-труженик, а теперь я с душевной болью и грустью всматривался в толщу, давящей все живое, тьмы. Изредка, одинокие фары ночного такси крадучись, прокалывали лучами света пустынные улицы, а с северной стороны Луганска вспыхивали зарницы глухих разрывов — перемирие...

Только под утро я уснул в какофонии лая голодных, бездомных собак, что тревожным, звонким эхом пронеслась над домами обезлюдевшего квартала.

* * *

Проснулся с тяжелой головой, когда солнце уже было высоко. Вспоминая вчерашний день, пришел к удивительному выводу: какое огромное количество событий может поместиться в коротком промежутке времени, сконцентрироваться, соединиться в единый клубок жизненных трагедий, переживаний, духовных и сердечных движений, отчаяния, надежды, веры, безрассудной ненависти и любви, радости встречи, горечи расставаний, тяжести разлуки, и все это в одном кровавом понятии войны.

Я вышел во двор и снова увидел Влада, все так же, как и вчера, сидящего за столиком у куста сирени, только белый цвет стал коричневым, пожухлым, осенняя хмурая и холодная ночь вернула в реальность взбунтовавшееся растение.

— Смотри, сосед, что я вычитал в Интернете, — сказал Влад, поглаживая свою седую бороду:

«В мифологии нацизма важнейшее место занимало построение государства арийской расы, государства единой германской нации. Нацисты подчеркивали себя в качестве последнего рубежа, спасителей европейской цивилизации от орд, идущих с Востока, от азиатской тьмы. Мифология нынешней киевской хунты включает в себя построение государства украинской нации, украинскому языку придается сакральное значение, его насаждение и искоренение русского в сферах государственно-образовательной жизни является для дорвавшихся до власти путчистов тотальной задачей. Не говоря уже об откровенно расистской идеологии «Правого сектора» и его составляющих. Одна из структур внутри «Правого сектора» называется весьма откровенно — «Белый молот». Также евроинтеграция политическими силами, образовавшими правительство Яценюка, трактуется и массово пропагандируется именно как сакральный акт, бегство в цивилизованную Европу, к особенным, полноценным «европейским» ценностям от «варварско-азиатской», неполноценной московской орды. Есть некая высшая ирония в том, что само слово «майдан» имеет азиатское происхождение и вошло в украинский язык, скорее всего, от оставившей в украинской культуре немалый отпечаток татаро-монгольской орды».

— И вот еще, что пишут умные люди дальше: «Крайне националистическая позиция раскольнического «киевского патриархата» и униатской «украинской греко-католической церкви» являются религиозной основой майдана и политики захвативших власть украинских путчистов.

УГКЦ имеет и вполне насыщенное бандеровско-нацистское прошлое. Религиозно-идеологическая роль «киевского патриархата» Филарета Денисенко в системе координат новой псевдовласти совпадает с тем местом, которое отводилось вождями Третьего рейха в жизни Германии нацистской «Немецкой Евангелической церкви» Людвига Мюллера. И точно так же, как нацисты ставили своей целью создание единой национальной лютеранской Церкви рейха, современные украинские неонацисты одним из важнейших пунктов программы построения украинского рейха заявляют создание единой национальной «поместной» украинской церкви, к которой должно присоединиться никак не становящееся «свидомым» православное большинство. Правда, наблюдаем мы и отличие от фашистской религиозной политики, причина которого, очевидно, кроется в комсомольско-партийном прошлом многих нынешних украинских борцов за построение государства единой нации. Речь о том, что стоящую поперек планов хунты УПЦ Московского Патриархата, объединяющую подавляющее большинство православных Украины, стремятся не по-немецки загнать сразу в нелегальное положение «исповедающей церкви», а внутренне сломать по советской методике 20-х, 30-х годов прошлого столетия, заставив саму провозгласить противную совести неправду. Ну а затем, разумеется, и в фашистском, и в большевистском сценарии роль несогласной Церкви одинаково печальна — либо ассимиляция, либо уничтожение».

Влад обратил внимание, что я почти не слышу его слов. Я смотрел на зияющий дырой купол храма Александра Невского, эту церковь построили совсем недавно неподалеку от наших домов. Золоченые маковки храма сияли в утренних лучах, но черная дыра призывно хохотала бесовской радостью, противостоя Божьему Свету. Вчера я этой раны не заметил. Это ли не символ всего происходящего на нашей земле?

— Да, в церковь попал снаряд, кто все это будет восстанавливать?

— Восстановить-то восстановим, Влад, кто будет зашивать дыры в душе человеческой? А где сейчас Сергей Петрович Головкин, в городе?

— Ты что не знаешь? Помер сердешный, земля ему пухом. Дневал и ночевал на шахте все это время, когда били каратели по городу. В копер шахты больше десятка снарядов попало, подстанцию разбили, контора практически полностью сторела, а Петрович все ходил на работу, переживал за шахту-кормилицу. Затопило нашу красавицу, каюк шахте, кто это все будет восстанавливать... А здесь еще сыночек Васька-фашист... Не выдержало сердце, пришел домой Петрович с работы, лег и помер. Ты же знаешь, что только этой весной они вместе со Светланой Герасимовной переехали в новый собственный дом.

— Да, я помню, как радовался Сергей Петрович своей усадьбе, мечтал виноград развести, сад высадил, хозяин был, царство ему небесное...

— А хоронили-то как его, под бомбежкой, в конце августа это было. Лютовали фашисты, видать и Васька снаряды шпулял по Луганску, какое родительское сердце выдержит? Гробовщики и ополченцы приехали, это потом Светлана Герасимовна рассказывала, и говорят, мол, прикопайте сердешного в огороде, а потом перезахороните, но Светлана настояла, чтобы по-человечески похоронили, денег гробовщикам отвалила, и похоронили Петровича на старом кладбище. На новое ополченцы их не пустили, там страшные бои были, с танками и артиллерией.

— Не укладывается все это в голове, Влад.

— А у кого оно укладывается? Светлана Герасимовна в те дни перебралась к нам в подвал, здесь безопаснее было, здесь и помянули Петровича при свечах. Вот так-то, дружище!

А с чего все начиналось? Вспомни. Первым законом новой украинской «власти» стала отмена закона о региональ-

ных языках, гарантировавшего, пусть и во многом декларативно, элементарные права русскоязычного большинства на местном уровне. Да, этот пастор-президент Турчинов не подписал тогда отмену закона, но не потому, что возмущился фашистским характером этого действия, а потому что, мол, отмена «несвоевременна». То есть надо выдержать лицемерную паузу, все зачистить, а потом ударить всей фашистской мощью по русским. Я вот, литовец по своим корням, но весь этот фашизм не терплю, до мозга костей ненавижу! Понимаю, что именно русскому народу, в этой политике киевской хунты уготована роль быть изгоями на родной земле.

— Это понятно, Влад, я знаю, кто готовил новый закон о языках, комиссия Верховной Рады под председательством оголтелого русофоба и неонациста Яворивского и при участии фашистки Ирины Фарион. Авторы нового закона хотели даже узаконить «языковую полицию», но пока, чтобы не будоражить европейскую общественность, «милостиво» решили тогда ограничиться вымарыванием любого упоминания в этом законе языка русского, являющегося основным языком общения на Украине.

Помнишь, как среди первых «робких» шагов хунты был запрет российских телеканалов и молчаливое одобрение уничтожения памятников не только уже советским, но и выдающимся русским деятелям.

— Как не помнить, чего я и бегаю по двору с ноутбуком, не берет в доме Интернет, а украинские каналы смотреть по телеку тошно, переворачивают все с ног на голову, мы для них все здесь террористы, сепаратисты и бандиты!

— Это так, Владик, ты на себя в зеркало смотрел, ты и впрямь настоящий бандит с большой дороги, — я улыбнулся и обнял соседа. Влад, поглаживая седую бороду, лукаво прищурился, сказал:

— Я дал себе зарок, не брить бороды пока все это бесовство не закончится.

— Ладно, ладно, шучу я. Вот ты литовец, Влад, говоришь по-русски, меньше ли ты стал литовцем?

— Я так скажу, мы все, когда жили в Советском Союзе, были больше литовцами, украинцами, грузинами, чем сейчас, половина мира говорит на английском, так что все они англичане или американцы? А теперь что, специально нас загоняют в хуторское болото, великий русский язык был и остается универсальным языком для более сотни национальностей и народностей этого огромного пространства под названием Русский Мир.

— Это точно ты подметил, Влад, но как объяснить «щирым украинцам», которые заявляют о необходимости запрета публичного общения на русском языке, и ставит в качестве национальной задачи дерусификацию, ставя эту задачу в один ряд с декриминализацией общества и власти. Все это, пусть пока и в смягченном варианте, есть ничто иное, как начало утверждения хунтой украинской версии жутких нацистских «нюрнбергских законов». И когда нам говорят, что здесь нет таких крайностей, мы отвечаем: нюрнбергские законы «во всей красе» тоже были приняты лишь спустя два года после прихода нацистов к власти, но два этих года были наполнены репрессиями, а у нас все это сразу превратилось в кровавую бойню!

— Вот тебе и ответ, соседushка! Теперь назад пути нету, я верю, что прозреет украинский народ совсем скоро и сметет с лица земли всех фашистов, кто засел сегодня в Киеве! Мы не имеем права ждать, когда закатают всех нас в асфальт. Ты посмотри, нас лишают права бороться за свои права, в то же время, любой боевик майдана, типа Васьки Головка, имеет право безнаказанно вламываться в мирные дома, крушить и жечь все в подряд, грабить, убивать — это и есть настоящее неонацистское «правосудие».

Недавно в городе Счастье убили донского казака лишь за то, что нашли в его квартире казачью форму и георгиевские ленточки, а он никаким боком к ополчению не был причастен, под обстрелами ходил на работу на Луганскую теплоэлектростанцию, давал свет всем нам. Вот тебе и результат майдана...

— Я думаю, Влад, что киевской хунте еще аукнется создание нацгвардии. Кто в этой гвардии? Прежде всего, боевики «Правого сектора», типа Васьки-фашиста, «Самооборона майдана», но большинство то, в этой гвардии, нормальных, только зомбированных пропагандой угрозы российской агрессии, молодых украинцев, которые не хотят умирать, до конца не понимая за что. И они со временем могут прозреть и повернуть, как говорится, штыки на Киев.

— Это так, но пока они прозреют, будет уже поздно, нас всех здесь сравнивают с землей, поэтому нужно давать им чаще под зад мешалкой, чтобы ума прибавилось. Ты куда собрался?

— Хочу на шахту проехать, посмотреть что там и как.

— Чего на ее расстрелянную смотреть, сердце рвать, да и только, ну давай, поезжай, соседушка, а я пойду за гуманитаркой, пенсию четвертый месяц не дают, спасибо российским братьям, что не дают с голоду помереть.

Мы расстались с Владом, и я поехал по ожившему с утренним светом городу. Везде были видны следы недавних обстрелов, по тротуарам понуро брели прохожие, спешили справить свои дела до наступления темноты. Оборванные провода и троллеи удавками свисали со столбов, подъезжая на маршрутке к шахтерскому поселку, я ужаснулся тем разрушениям, что предстали перед моими глазами. Впереди виднелся разбитый снарядами копер шахты. Маршрутка остановилась в центре поселка, пассажиры благодарили водителя за поездку, я протянул шоферу три гривны, он удивленно посмотрел на меня:

— Оставьте себе на хлеб.

И тут-то я понял, что общественный транспорт в городе бесплатный.

— Спасибо, уважаемый, а до шахты вы не едете?

Водитель с еще большим удивлением посмотрел на меня в зеркало, я еще раз поблагодарил его и вышел на исковерканный разрывом мины тротуар остановки. По-

том мне рассказали, что именно здесь нашли свою смерть двенадцать человек: женщин, стариков, детей, еще почти столько же были искалечены прямым попаданием фашистского снаряда.

Дорога перед шахтой была перекрыта бетонным заграждением, у которого стояли вооруженные ополченцы. Меня остановили. После недолгих объяснений я понял, что проход к предприятию закрыт.

— Здесь ни конные, ни пешие не ходят — вокруг десятки неразорвавшихся мин и снарядов, если надо в контору, приходите к семи часам утра, здесь собираются работники шахты, и мы организовано всех проводим, а к двенадцати часам обратно, — объяснил мне нынешние порядки ополченец. К нам подошел старший этого блокпоста и спросил:

— Кто такой?

Я показал удостоверение редактора шахтерской газеты, ополченец внимательно рассмотрел документ и, по всей видимости, узнал меня.

Это был бригадир проходческой бригады, Виталий Прохорук, орденосеиц, я помню, как на его кителе, в праздник Дня шахтера, всегда сияли с десятков не только советских, но и украинских наград, которые заслуженно были даны ему государством за доблестный труд. А теперь передо мной стоял с суровым лицом ополченец с позывным «Бугор» и на его камуфляже висел Георгиевский крест. Мы разговорились. Виталий рассказал о последних шахтерских новостях, о том, как методично нацисты уничтожали наше предприятие, о погибших друзьях. И главное, что все, кто здесь стоит, никогда не уйдут со своих позиций, не сдадутся. И какие бы силы ни бросали украинские фашисты на эту горстку ополченцев, у каждого из них есть полная уверенность в том, что они выстоят, несмотря на то что смерть почти каждый день вырывает из их рядов лучших сынов Донбасса, но дух их никогда не сломить нацистскими грязными руками.

Ничто не может остановить их душевный порыв жить и трудиться на этой земле так, как они хотят, говорить на том языке, на котором они хотят, а не то, что навязывает, насаждает огнем киевская хунта.

Виталий мне показал фотографии на телефоне, на них были изображены результаты недавнего боя под Счастьем, а также он достал атрибутику «Правого сектора» и документы погибших карателей из батальона «Айдар», среди них я увидел удостоверение Василия Головки. Я долго всматривался в лицо Василия, с фотографии на удостоверении смотрел обычный молодой человек с приятной улыбкой и голубыми глазами.

— Это сын нашего инженера Сергея Петровича Головки, — сказал Виталий и добавил: — Зверюга, каких свет не видел.

— Он погиб?

— Туда ему и дорога, фашисту!

— А мы с соседом только сегодня говорили о трагедии семьи Головки...

— Да, то что трагедия, — это точно, хорошо, что Петрович не увидел всего этого. Мы сообщили матери, хотели передать тело, но Светлана Герасимовна наотрез отказалась хоронить его, все шептала какие-то молитвы и говорила, что это не ее сын, что, мол, для нее сын умер давно и так далее. Короче, жутко! Пришлось закопать его в безымянной могиле, в донецкой степи, словно собаку какую...

У меня по спине пробежал холодок от этих слов ополченца «Бугра», до чего ожесточились люди и где предел этому ожесточению? Для них, как и для тех, кто воюет с украинской стороны, такие вещи стали обыденными, повсеместными, это последняя грань человеческого безрассудства и злости, за этой чертой только мрак и пустота! Как остановить братоубийственную бойню? Великий Божий Суд ждет всех тех, кто причастен к развязыванию этой войны!

Виталий, видя мое смятение, как бы оправдываясь, сказал:

— Если бы ты видел, что они творили с нашими пленными казаками...

Я ехал обратно с шахты домой и все время думал, что тех душевных потрясений, которые произошли за последние сутки, хватило бы на целую жизнь, и все мы еще до конца не осознаем, что произошло с нашим миром, на пороге каких величайших событий стоит человечество...

Вечная война добра и зла вошла в новую фазу, а мы все копошимся в своих мирских проблемках, живем в иллюзии материального земного мирка, в тленной глине...

Из Книги Еноха

«Слова благословения Еноха, которыми он благословил избранных и праведных, которые будут жить в день скорби, когда все злые и нечестивые будут отвержены.

И отвечал и сказал Енох, — праведный муж, которому были открыты Богом очи, — что он видел на небесах святое видение: «Его показали мне ангелы, и от них я слышал все, и уразумел, что видел, но не для этого рода, а для родов отдаленных, которые явятся.

Об избранных говорил я и об них беседовал со Святым и Великим, с Богом мира, Который выйдет из Своего жилища.

И оттуда Он придет на гору Синай, и явится со Своими воинствами, и в силе Своего могущества явится с неба.

И все устрашится, и стражи содрогнутся, и великий страх и трепет обоймет их до пределов земли.

Поколеблются возвышенные горы, и высокие холмы опустятся, и растают, как сотовый мед от пламени.

Земля погрузится, и все, что на земле, погибнет, и совершится суд над всем и над всеми праведными.

Но праведным Он уготовит мир и будет охранять из-

бранных, и милость будет господствовать над ними; они все будут Божиим, и хорошо им будет, и они будут благословлены, и свет Божий будет светить им...»

Я не заметил, будучи полностью погруженным в размышления, как снова очутился во дворе своего дома. На лавочке у столика сидел Влад, рядом стояли два больших пакета с консервными банками тушенки и рыбы, пачками макарон, гречки, муки, сахара и чая.

— Получил гуманитарку, — удовлетворенно промолвил Влад.

Я молча присел рядом. Сосед рассказывал о своих сегодняшних житейских приключениях, а потом, видя что я его практически не слушаю, сказал:

— Ладно, соседушка, пойду, а то моя старушка заждалась, видать. — Влад погладил свою шикарную седую бороду и, подхватив пакеты, тихонько побрел к подъезду.

* * *

Прострелянный купол храма Святого Александра Невского сиял в закатных лучах. В черной дыре раны, мне причудилось какое-то странное движение, мне показалось, эта дыра стала проводником в необъятное пространство, где встретились души отца и сына, где продолжают оборванный войной разговор. И в какие небесные врата войдут они, судить одному Богу, и наверное на том страшном суде будут души деда и прадеда Головки, которые сражались с коричневой чумой фашизма во время Второй мировой войны, и... Я испугался этой бездонной глубины, где, освободившись от глины, бурлил вечный дух и перекрестился: «Господи, прости мою душу грешную!»

Владимир Казмин

И СЕРДЦЕ РАЗРЫВАЕТСЯ БОЛЬЮ...

Русские под прицелом

Луганск, июль 2014 год. Я проснулся под гул канонады, знакомые мне с афганской юности характерные залпы 152-миллиметровых гаубиц и 120-миллиметровых минометов разбудили ранним утром мирный город-труженик Луганск. Областной центр, почти с полумиллионным населением, окружен батальонами нацгвардии и головорезов правого сектора, наемниками и украинскими войсками. Началось осуществление порошенковского плана «Б», началась новая фаза так называемой «антитеррористической операции» по уничтожению собственного народа. Уже погибли сотни мирных граждан в многострадальном Донбассе, уже ударил по центру Луганска, по площади Героев Великой Отечественной войны, штурмовик «Су-25». Погибло 13 человек, десятки изуродованных раненых упали к мраморным плитам солдат Великой Победы над фашизмом и содрогнулись кости воинов от снарядов украинских неонацистов. Упал сраженный осколком реактивного снаряда мой боевой афганский товарищ Саша Гизай, который выходил в это время из здания Луганской областной администрации. Если Александр Гизай террорист и сепаратист, то тогда все мы почти восемь миллионов жителей Донбасса также террористы и бандиты. Женщина с перебитыми ногами, которая прогуливалась в сквере со своим внуком и попала под авианалет — «опасная террористка», министр здравоохранения Луганской

народной республики также «террористка», и десятки пострадавших от руки палача в погонах украинских ВВС в тот день были несомненно «террористами», они только и думали о том, как бы навредить «незалежной», думали как бы разорвать страну, которая была создана искусственно, благодаря товарищам Ленину, Сталину и Хрущеву, из локутков бывших европейских империй. Но развал Украины, того уникального пространства, что досталось после беловежского сговора и развала великого Советского Союза горе-политикам, которые правили этой огромной территорией более двадцати лет, начался не в Луганске, Славянске, Краматорске и Донецке, и даже не в Крыму, этот развал начался с разрушением фундаментальных понятий идентичности украинского народа, как части славянского, русского мира. Корни этого развала, по моему мнению, лежат далеко в глубине истории прошлых веков, две мировые войны в двадцатом веке черным пологом накрывали плодородные земли Украины, и борьба шла за эту территорию не на жизнь, а на смерть. Постепенно вытесняя русских из западных областей Украины, насильственно вырывая с корнем веру православную и родной язык, лютые враги русского мира не чурались самыми подлыми и низменными методами выжигания всего русского, так было сто лет назад в Первую мировую. Вот что пишет об этом известный украинский публицист и писатель Олесь Бузина в статье «Забытый геноцид русских на Украине».

* * *

«В самом начале Первой мировой войны в Галичине было арестовано и отправлено в концлагеря не менее 100 тысяч избирателей... Русской Народной Партии. Наверное, большинству из нас покажется невероятным, что человек, родившийся в Галичине в конце XIX века, официально числившийся поданным Австро-Венгерской монархии, ходивший в греко-католическую или, что значи-

тельно реже, в православную церковь и разговаривавший в быту преимущественно на украинском языке, считал себя по национальности... русским. Но так было. И таких людей было много. Очень много! Даже больше, чем можно представить.

Только один замалчиваемый ныне, но красноречивый факт. В начале прошлого столетия, незадолго до Первой мировой войны, среди членов австрийского имперского парламента пятеро принадлежали к Русской Народной Партии. На выборах в Галицкий сейм (краевой парламент Галичины) в 1908 году та же политическая сила провела 8 своих депутатов — «послов», как тогда говорили. Ни в учебниках, ни в официальных историях никакой информации по этому поводу вы не найдете. Скажем, в широко известной истории Украины канадского профессора Ореста Субтельного, которую печатали у нас на заре независимости огромными тиражами, выдавая за образец объективности, говорится, что в 1910 году в Галичине «было зарегистрировано более 58% населения польской национальности и только 40% украинцев». А о русских в той же Галичине нет ни слова! Но кто же тогда голосовал за Русскую Народную Партию, если там не было русского народа, да еще и давал такие поистине ошеломляющие результаты? В некоторых трудах можно найти упоминания о каких-то загадочных «украинцах-русофилах» или «москвофилах», как их еще иногда называют. Наши нынешние историки задним числом записали эти «мертвые» галичанские души, как сказал бы Гоголь, в эдаких неполноценных украинцев — не совсем сознательных, что ли, надеявшихся не на близкую Австрию, а на далекую Россию. Но дело в том, что такая трактовка — обычное псевдонаучное жульничество. Один из основателей Русской Народной Партии в Галичине Осип Мончаловский в ее программе открыто декларировал, что она «исповедует на основании науки, действительной жизни и глубокого убеждения национальное и культурное единство

всего русского народа... Принимая во внимание принадлежность русского населения Галичины к малорусскому племени русского народа, а также местные условия, русско-народная партия признает необходимым и целесообразным просвещать русское население Галичины на его собственном, галицко-русском наречии, не отказываясь, однако, от помощи, какую русскому народу в Австрии могут принести и действительно приносят общерусский язык и общерусская литература, представляющие национальное и культурное выражение всего русского народа».

Никакими «украинцами-москвофилами» ни Мончаловский, неоднократно арестовывавшийся австрийцами за свои взгляды, ни его единомышленники просто не могли быть. Это признает любой человек в трезвом рассудке, который прочтет еще один пассаж этого популярнейшего некогда в Галичине публициста, писавшего в издании «Червонная Русь». «Украинствовать, — утверждал он, — значит: отказываться от своего прошлого, стыдиться принадлежности к русскому народу, даже названий «Русь», «русский», отказываться от преданий истории, тщательно стирать с себя все общерусские своеобразные черты и стараться подделаться под областную «украинскую» самобытность. Украинство — это отступление от вековых, всеми ветвями русского народа и народным гением выработанных языка и культуры, самопревращение в междуплеменной обносок, в обтирку то польских, то немецких сапогов».

Можете себе только представить тот скандал, который произвел в 1907 году член австрийского парламента от РНП Дмитрий Марков, который впервые в истории Западной Европы произнес речь о правах русского народа в Галичине на чистейшем русском языке! Вся Вена вздрогнула! Кем только не называли Маркова — вплоть до «изменника» дорогой австро-венгерской родины. А он всего лишь совершенно логично полагал, что если во времена Данилы Галицкого его родная земля именовалась Русью,

а ее население — русскими, то и он как прямой потомок этой Руси тоже имеет законное право так же называться и отстаивать свои права!

Куда же девался целый русский народ в Галичине? Почему никто не вспоминает об этих неопровержимых фактах? А потому, что в августе 1914 года, в первые же дни Мировой войны, австро-венгерское правительство провело жесточайший геноцид против русских в этой провинции. Их вешали, расстреливали, ссылали в концентрационные лагеря «Талергоф» и «Терезин», затыкали им рот, обвиняли в шпионаже, а потом старались даже не вспоминать о всех тех преступлениях, которые совершало одно из самых «либеральных», по заверениям наших историков, «европейских» правительств. Так бы мы и не знали ничего, если бы не подшивки старых газет и четыре выпуска «Талергофского альманаха», изданного уцелевшими жертвами этого террора во Львове в 20—30-е годы.

Исследователи этой трагедии, которую называют «Галицкой голгофой», считают, что через концлагеря «Талергоф» и «Терезин» прошло не меньше 100 тысяч человек. Количество расстрелянных и повешенных вообще не поддается учету. По сути, был репрессирован чуть ли не каждый сознательный русский галичанин.

Русские депутаты австрийского парламента были с началом войны тут же арестованы и обвинены в государственной измене. С 11 июня по 21 августа 1915 года в Вене по их делу прошел знаменитый судебный процесс. Главным обвиняемым был известный своими громкими выступлениями Дмитрий Андреевич Марков, а рядом с ним на той же скамье подсудимых сидели венский корреспондент петербургской газеты «Новое время» Дмитрий Янчевецкий. По сути, это было сведение политических счетов. Австрийский кайзер Франц-Иосиф заменил осужденным смерть на пожизненную тюрьму. И только после его смерти в следующем 1916-м новый император Карл — совсем молодой и достаточно гуманный человек — выпустил их

из тюрьмы, понимая, что процесс был обыкновенным фарсом. Никакой государственной измены за Марковым и его товарищами не числилось. Они просто отстаивали свою национальную идентичность и культурные права».

* * *

Такое искоренение всего русского было и во Вторую мировую, так происходит и сегодня, но теперь уже в юго-восточных областях, а это уже практически в самом центре русского мира. Необходимо понять, что Великую Россию в Донбассе враги хватают за ноги и пытаются повалить, уничтожить идеологически, экономически и вовлечь в новую братоубийственную гражданскую войну, и она уже идет!

Вот только одна трагическая история, исторический факт преступления против собственного народа киевских властей!

Судьбы, сплетенные кровью

На север от Луганска, у города Счастье, были слышны глухие разрывы снарядов. Оттуда пришла черная, страшная весть об очередном военном преступлении украинской армии и карательного батальона «Айдар», зверском убийстве донского казака Вадима Боброва.

Не для меня весна придет,
Не для меня Дон разольется,
И сердце девичье забьется,
С восторгом чувств, не для меня...

Эти слова, пронизанные грустью, из казачьей песни летят над донецкой степью, вплетаясь в разорванное мирное небо многострадального Донбасса, летят над воспа-

ханными снарядами, минами и ракетами залпового огня полями. Они влетают в разбитые окна мирных домов, православных храмов, школ, больниц, детских садиков, проникают вместе с дымом и гарью в подвалы, которые стали приютом для сотен тысяч жителей Луганска, Донецка и десятков других городов, они стелятся над окопами ополченцев, стоящих насмерть в праведном бою с киевской, фашистской хунтой. Все это происходит на наших глазах, в нашем мире, в двадцать первом веке.

Как объяснить звериную, патологическую жестокость тех, кто возмнил себя «сведомыми-сверхчеловеками» и развязал братоубийственную, гражданскую войну на Юго-Востоке Украины, в Новороссии? Как понять, для чего в мирные дома тружеников, шахтеров, металлургов, учителей врывается смерть, и каждый день, она, злодейка, косит женщин, детей и стариков, останавливает молодые сердца наших братьев?

Эти вопросы не дают покоя миллионам здравомыслящих людей, но боль и страдания русских, украинцев, жителей всего многонационального Донбасса как никогда сплотила души огромного Русского мира. Так было всегда в лихие годы истории, поэтому еще «придет весна и тихий Дон наш разольется... и с восторгом чувств сердце девичье забьется!»

То очищение, которое по Божьей Воле происходит в Новороссии, несомненно, должно просветлить умы многих заблудших и показать всему миру — кто есть кто! Показать, кто есть истинные враги нашей Великой Православной Земли.

Я смотрел в окно на погружившийся во тьму город и не мог понять, был Луганск полумертвым или полуживым... Только лай обреченных, брошенных своими хозяевами, голодных собак пронизывал темноту, лай эхом разносился, отражаясь от бетонных стен, по всему кварталу заполняя безмолвную тишину ночного города. Это ли конечная цель так называемой антитеррористической операции для

киевских властей? Нет, их цель полностью очистить от людей луганскую и донецкую землю. Их цель посеять панику среди населения, запугать и поставить на колени всех тех, кто не поддерживает политику, навязанную англосакским миром, которая направлена, прежде всего, против Великой России, а народ Донбасса и всей Новороссии для них просто разменная монета и пушечное мясо. Но как сказал Павел Беспощадный:

Донбассу жить! Сирена шлет сирене
Горняцкой дружбы благовест стальной:
Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставить не дано!
И нет земли прекрасней, вдохновенней,
Где все творцом-народом создано.
Донбасс никто не ставил на колени
И никому поставить не дано!

Не удалось поставить на колени и донского казака Вадима Боброва! Он принял мученическую смерть. Вадим Владимирович был зверски убит фашистами-айдаровцами хотя и не был в ополчении, не брал в руки автомат, а до последнего своего дня ходил на работу в оккупированном городе Счастье на электростанцию, понимая, что он нужен там за пультом Луганской ТЭС.

Над головой летали снаряды, но труженики-энергетики выполняли свой профессиональный долг даже тогда, когда в результате боевых действий возле города Счастье несколько снарядов попали на территорию Луганской ТЭС. Один снаряд повредил трансформатор. Начался пожар, загорелось трансформаторное масло. Электростанция автоматически отключилась. Продолжающийся обстрел и высокая температура горения масла не позволяла членам добровольной пожарной дружины подойти к трансформатору для его тушения. Также из-за обстрела не могли приехать пожарные подразделения ГСЧС. Кроме того, некоторые объекты станции были заминированы

карателями батальона «Айдар». Все сотрудники станции укрывались в бомбоубежище. Огонь мог перекинуться на заминированные энергоблоки и тогда, по словам специалистов, предугадать последствия никто не мог. Станция могла взлететь на воздух. Но и теперь, как говорят энергетики, ТЭС полностью «ушла в 0». Это значит, что без света осталась вся Луганская область, которую в последнее время питала единственная ТЭС. Реакция людей в Луганской области была молниеносной, началась паника. Свет пропал практически везде — даже там, где не было войны. Только благодаря самоотверженным усилиям работников станции, добровольных дружин и пожарных удалось предотвратить катастрофу огромного масштаба для всех жителей Луганщины.

Все обстоятельства гибели Вадима Боброва точно неизвестны, но со слов жителей города Счастье, известно, что во время карательных облав в городе по выявлению людей, причастных к ополчению, в квартиру Вадима ворвались каратели. Они стали производить обыск и нашли форму донского казака, папаху, георгиевские ленточки. Вадим никогда не скрывал, что он потомок славного донского рода, он гордился своими предками, которые веками жили на берегах Северского Донца, молились Богу, пахали землю.

До войны Вадим вел активную работу по восстановлению исторических традиций донского казачества в Станично-Луганском юрте Луганского округа донских казаков, в хуторе Петровка. Встречался со школьниками, рассказывал об истории донских казаков, участвовал в патриотических походах и сборах луганской молодежи.

Особой гордостью в его душе и сердце была память о своем родном дяде Виталии Чевердаке, героически погибшем на афганской войне. Он с трепетом в голосе всегда рассказывал о подвиге, который совершил в горах Афгана его дядя. Не знал и не ведал тогда Вадим, что их судьбы, как и тысячи других судеб, переплетутся в крови новой войны.

Вадима долго пытали, добиваясь признания о связях с ополчением, кололи подарочной шашкой, били, жгли, а потом ничего не добившись, прострелили из автомата ноги. Фашистская пуля, прошив Вадима задела артерию, донской казак Вадим Владимирович Бобров стал истекать кровью...

Подлые, трусливые каратели и здесь показали всю свою низменную сущность, они испугались умирающего казака, они испугались ответственности за свое преступление. Вояки вызвали «скорую помощь», и обставили все дело как несчастный случай, но было уже поздно, голубые глаза Вадима последний раз увидели солнечный свет, что разливался в небе над Северским Донцом. Он умер. И душа его встала рядом с Небесной Ратью, с великим воинством предков нашей донской земли.

Этим не закончилась земная трагедия Вадима Боброва, его тело долгие недели лежало в морге, некому было похоронить героя-казака в несчастном, оккупированном городке Счастье. Каратели не удосужились разыскать родственников Вадима. Его мама жила в городе Алчевск и долгое время не знала о смерти сына, да и зачем карателям эти формальности. Сколько их невинно убиенных лежат в моргах Донбасса, лежат в наспех вырытых неизвестных могилах или просто в донской степи, в посадках и балках, под террикониками и в шурфах заброшенных шахт. Это ли не преступление против человечности?

Закрывай глаза либеральный, демократический, гнилой Запад, закрывайте уши свои, сплющивайте свои глазницы, представители всех международных правозащитных организаций — этих преступлений нет в Донбассе! Нет массовых захоронений, нет стертых с лица земли православных храмов, нет разрушенных городов и сел, есть только «правильная антитеррористическая операция», нет сбитого украинскими военными малазийского «Боинга», нет изнасилованных малолетних девчонок, нет без суда и следствия расстрелянных мирных людей! Этого ничего нет...

Кто мы живущие в Луганске, Донецке и в сотнях других городов, станиц и поселков Донбасса? Мы русские, мы донские казаки, мы украинцы-пахари, мы греки, армяне и десятки других национальностей, мы — интернационалисты! И все мы в подавляющем большинстве говорим на «великом и могучем» русском языке, и это право хотят отобрать у нас киевские власти, нас хотят истребить, искоренить и выгнать с родной земли, как это сделали в начале прошлого века с русскими на Галичине. В России, в Москве, порой не понимают или не хотят видеть, что мы в Донбассе не какие-то там далекие родственники с русскими, славянскими корнями, а попросту часть русского народа, что оказалась за мнимой чертой границы, которая была просто административной границей южных областей великой страны. Все мои предки русские, донские казаки, Казмины, Пятаковы, Несмияновы жили на Верхнем Дону, в Воронежской губернии и только в пору великих потрясений гражданской войны, коллективизации и голода 32—33 годов, перебрались в индустриальный Донбасс в поисках простого куска хлеба. Если даже вспомнить знаменитого шахтера-новатора Алексея Стаханова, то он приехал в Кадиевку (так назывался нынешний город Стаханов Луганской области) из Курской губернии, хотел в шахте заработать на лошадь, а стал всемирно известным героем угольных пластов, нарубив за одну смену 102 тонны антрацита, выполнив 12 суточных норм. И таких семей в Донбассе сотни тысяч, мы неразделимая часть русского мира, мы русские! И нас сегодня истребляют, выгоняют с родной земли, называют террористами, бандитами и это только начало.

Вспоминая строки из моей же статьи десятилетней давности «Где наши корни?», которая вышла в альманахе Восточноукраинского университета им. В.И. Даля г. Луганска хочется еще раз крикнуть во весь голос: «Мы разные!»

Вольные донецкие степи знавали поступь множества различных племен и народов. Наверное, поэтому в нашем крае особенно стойки принципы интернационализма. Восток Украины более терпим к другим народам, и здесь складывается особая самобытная культура. Да, влияние русской культуры в нашем крае велико, а иначе и быть не могло, мы русские, потому что мы связаны не только кровными узами, но и общей территорией так же, как и западные украинские земли связаны со своими соседями: поляками, венграми, чехами и другими, которые веками влияли на западных украинцев.

Мы разные — это нужно признать!

В общепринятой исторической науке, которая живет по своим законам, в последнее время произошли неопи-сываемые метаморфозы. В угоду проводимой украинской государственной политики переписывались и продолжают переписываться учебники истории, огромным потоком плывут всевозможные статьи и «научные труды» о происхождении украинской нации. А иные «историки» договорились до того, прости Господи, что Иисус Христос был, что ни на есть «ширим українцем».

Наша эра от Рождества Христова славянским племенам принесла множество бед, но и подарила несравненные блага, главным из которых было принятие Великим древнерусским князем Владимиром христианства на Руси. Но даже в период раннего Средневековья нельзя говорить об украинцах и русских как об отдельных славянских этносах. Формирование современных братских народов восточных славян, с их языковой и культурной основой, произошло в более поздние времена, после свержения монголо-татарского ига и централизации древнерусских земель.

Честь и хвала нашим предкам, которые смогли выстоять перед напором Востока и Запада. Очутившись между

молотом и наковальней, кристаллизовался наш характер. Мы сохранили свое самосознание. Об этом нужно помнить.

В который раз мировая закулиса разыгрывает украинскую карту против Великой России. В одночасье умы перевернулись, но готовилась эта бойня не один год, промывались мозги, особенно среди молодежи, в средствах массовой информации, на телевидении, в Интернете не один год. Сотни миллионов долларов вливались в развитие национализма на Украине различными западными фондами, типа Сороса и иже с ним, они взращивали поколение люто ненавидящих все русское. В конечном счете враги русского мира создали в тренировочных лагерях на западе Украины и в странах Балтии неофашистские группировки для дальнейшего наступления на восток. И вот пришло время действовать!

Как все это знакомо по недавней истории двадцатого века. Но западные деятели не могут или скорее не хотят понять, что рожденный ими же минотавр в конечном счете проглотит своих прародителей.

Киевские власти выигрывают информационную войну. Идет непрерывная накачка умов людских, с помощью врагов, предателей и агентов влияния Запада типа Шустеров, на всей территории Украины, за исключением восточных областей, вещают только украинские подконтрольные киевской хунте СМИ, и делается это целенаправленно, методично и цинично, передергивая факты, создавая атмосферу «праведной» войны за целостность развалившейся страны, но народ в конечном счете не обмануть.

* * *

Мои размышления пронизаны болью, рвущей душу и сердце. Короткое, но емкокровавое слово — «война», да, именно это, бьющее под дых, слово «война» ворвалось в

нашу судьбу. Война ворвалась в наши дома, ворвалась в великий русский мир, и уже в который раз в истории человечества враги наши испытывают на стойкость душу русскую, нашу память, наше самосознание, бросая в омут бездны «либеральных ценностей» православную веру, устои предков наших, вовлекая новые поколения в хаос братоубийственной бойни.

Извечная цель гнилого запада разрушить единство Великой Руси, Русского мира, единство миролюбивых пахарей, тружеников, которые никогда не желали зла ближним своим, да и дальним соседям своим, по нашей грешной планете Земля не хотели беды лютой. Но во все времена, словно кость в горле, стоит у англосаксов и иже с ними «демократов» и «либералов» огромное пространство: от Калининграда до Владивостока, от Севастополя до Архангельска — пространство Великой Руси. Стоит костью в горле бесов Русский Мир, а они понимают то, что победить в открытом бою нас нельзя! И поэтому точат ножи, рвут души людские, дают свои гнилые тридцать сребреников и вовлекают в новую братоубийственную гражданскую войну братьев кровных.

Гул разрывов на востоке Украины стал входить в обычное свое состояние реальностей жизни, и он уже ворвался в души миллионов людей, которые живут в Луганске, Донецке, Краматорске, Славянске и сотнях других городов Донбасса. «Шок и трепет» по разработанной американскими варварами ворвался в мирные дома шахтеров, металлургов, тружеников, которые кормили и кормят весь украинский народ от Луганска до Львова. Шок и трепет — это конечная цель для одурманенной властью киевской хунты. Их цель уничтожить и вытеснить русских с юго-востока Украины. Вспомним заявления в недавнем прошлом зэчки с косою Тимошенко, что Донбасс нужно огородить колючей проволокой или еще лучше бросить в нас атомную бомбу. Для Яцинюка мы и вовсе недолюди, Коломойские и Таруты призывают рыть рвы и ставить

стальные заборы под током, военные вынашивают планы создания фильтрационных лагерей (читай концентрационные лагеря), что тогда говорить об откровенных фашистах Тягнибоках и Ярошах, которые просто призывают уничтожить всех русских на Украине и не только.

Мой близкий друг, афганский побратим Александр Гизай, погибший среди бела дня в начале июня 2014 года в центре Луганска, работал в Луганском лицее иностранных языков. Саша возглавлял поисковое историческое объединение «Каскад», он вырастил не одно поколение «каскадовцев» на памяти героического прошлого наших отцов и дедов. На счету многочисленных поисковых экспедиций бойцами объединения «Каскад» сотни и сотни восстановленных из небытия имен погибших солдат и офицеров Великой Отечественной войны. И для ребят «каскадовцев» никогда не станут героями фашистские прихвостни типа Бендеры и Шухевича. Когда до меня дошла страшная весть о гибели Александра Гизая, я написал такие строки:

Ты ушел вслед за строем великих солдат
Журавлиной дорогой в небесную высь,
И не верится нам, что тебя нету, брат,
Ты божественным светом над нами струись.
Твоя жизнь пусть примером будет во всем,
Не пожать нам твоей больше мощной руки,
Но мы здесь на земле еще песни споем
О солдатской судьбе. Пусть молчат рысаки,
Что разрезали жизнь напополам...
За оружие взялись ученики
И воздастся убийцам всем по делам!
А дорогу, что прервана на полпути
Твои дети пройдут, верю, видит же Бог...
Ну а нас, Александр, слезно просим, прости,
Пусть обителью будет небесный чертог!

И в заключение скажу слова, которые говорили наши отцы и деды:

«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Андрей Кузнецов

**РАССМЕШИТЕ МЕНЯ
СВОИМИ ПЛАНАМИ!**

Когда вы решитесь повторить меня — а вы решитесь, ведь человек слаб, — помните, что все пластично. И время, и реальность, и судьба каждого изогнутся в нелепую загогулину. Не верите? И да ладно!

* * *

Девушка раздражала меня абсолютно всем: манерничанием, мимикой, безумным повествованием о том, какие кары меня ожидают в случае нарушения договора и даже самым фактом своего существования. Ее литанию я слушал, стиснув зубы, и лишь периодически улыбался, таким образом заверяя клеркшу в полном понимании всего происходящего.

Я точно знал, что сегодня напьюсь. Потому что впервые ощутил, каково это — оказаться в жерновах кредитной Системы. И девушка тоже все понимала, она лишь выполняла свою роль, хотя в каждом ее жесте читалось превосходство предо мной — жалким горожанином, который дошел до такой «ручки», что решил отдать в добровольную кабалу.

— Деньги придут на вашу карту в течение трех банковских дней, сумма кредита мне неизвестна, решение принимается кредитным советом, — протараторила девушка, вручая мне пластиковый прямоугольник с банковским логотипом.

Итак, пытка, она же — проверка на лояльность, закончена.

Выйдя из банковского отделения, первым делом выхватил из кармана сигареты. Курить хотелось очень.

Нервное ожидание прихода СМС от банка достигло апогея через пару часов. Мозгами я понимал, что деньги действительно могут прийти и через сутки, и через трое — слышал о таких прецедентах. Но осознание простого факта — дома нет ни копейки — доводило меня до полного бессилия.

Не то, чтобы я вел двойную жизнь или жил не по средствам. Обычная семья, двое детей, стандартный набор мебели и бытовой техники, все без излишеств. Марципанами не питались, а вот все равно реальность однажды поставила «шах». И единственным ответным ходом было взятие средств в банке. «Дотянуть до зарплаты на кредитные 800 гривен и ладно. Потом верну кредит, в таком режиме протянуть пару-тройку месяцев, а там, глядишь, удастся выйти из пике!» — рассуждал сам с собой. Описанная картина действительно внушала оптимизм, тем более что по весне халтуры (так я называл работу на дому) действительно прибавлялось.

Не знаю, что там случилось в кредитном совете, но в тот же день вечером на карту, вместо ожидаемых 800 гривен, пришло 3000.

Знаете, чем отличаются 800 гривен от 3000, когда с деньгами в семье туго? Да ничем!

3000 закончились так же быстро, как и пришедшие позже еще 3000. Казалось, что банк проверяет меня на крепость: через полгода сумма кредита достигла 10 тысяч. Еще через 3 месяца — 14 тысяч. Естественно, они все были истрачены. Разумеется, мысль, что однажды — вот-вот! — деньги придется вернуть, потому что банк никогда не работает «в минус», ночью буравила мой мозг. Но, слыша довольное сопение детей, я засыпал с иллюзией, что все образуется.

Банк довел сумму кредита до 25 тысяч. Внутренне стесняясь над незадачливыми нуворишами, я потратил и эти деньги.

А однажды вечером состоялся телефонный звонок с незнакомого номера и вежливый голос поинтересовался, когда и какими частями мне будет удобно вернуть кредит?

По-моему, это была та же девица, что оформляла мой договор с дьяволом.

На следующий день я пришел к своему начальнику с просьбой. Меня выслушали, меня поняли. Мне четко дали понять, что помощь будет оказана и что выводы придется сделать также.

Гордо держа голову на плечах, с оттенком легкого превосходства я принес деньги в банк.

— Хочу погасить кредит! — твердо заявил клерку.

Тот равнодушно принял сумму, надлежащим образом оформил бумаги, затем невинно поинтересовался, планирую ли я в дальнейшем пользоваться этими деньгами.

Я обещал начальнику сделать правильные выводы. Но его рядом не было, а на горизонте маячила необходимость приобретения одежды для детей — они ведь имеют удивительное свойство расти. Явственно просматривалась также необходимость покупки ряда бытовых излишеств.

В общем, возвращенная в банк сумма была истрачена за неполных 5 месяцев, можно было бы протянуть и на дольше, но стремление вывезти детей на лето куда-то поближе к морю, не оставила кредитным деньгам ни копейки шанса.

Наступившая осень мощными дождевыми потоками по стеклу неумолимо смывала веру в завтрашний день.

* * *

Осознанно первый раз, если не ошибаюсь, ЭТО случилось, когда мне было около трех лет. Сама каждодневная поездка в детский сад была пыткой: я отчетливо пони-

мал — в течение целого дня предстоит находиться рядом со странными взрослыми и совершенно бессмысленными детьми, к числу которых принадлежал и сам. Весь день в детсаду — набор однообразных действий, совокупностью своей представлявших касание ко взрослой жизни, имитация взаимоотношений с неизменным «однажды вы повзрослеете и все поймете». Стоя у громадного окна и провожая взглядом уходящих на свои рабочие места мать или отца, страстно желал одного: чтобы это ВСЕ прекратилось!

А потом внезапный вердикт врачей: пиелонефрит в запущенной форме. Почки стандартно раз, а порой и два раза в год отказывались работать и все оставшееся детство я провел в больницах. Там все было более понятно. И имело смысл: процедуры, прогулки, первые робкие взгляды на девочек, общение с различными людьми.

А вот школа мне понравилась. До третьего класса. Потом начало раздражать все: уроки, домашние задания, одноклассники, учителя, друзья, знакомые. Весь окружающий мир приводил в бешенство, причем я отчетливо понимал, что сама система координат была неправильной. Она требовала однозначного и глобального **ВМЕШАТЕЛЬСТВА**.

И внезапно мы уехали. Вообще в другую точку земного шара.

До института я жил во вполне приемлемых условиях: учиться на новом месте мне нравилось, районная библиотека позволила прикоснуться к мыслям множества классиков и современников, окружающие хоть и считали меня своеобразным чудачком, в жизнь не вмешивались. Родителей, как мне кажется, вполне устраивало, что из школы не поступало на меня тревожных сигналов.

Что-то случилось на третьем курсе института. Если быть до конца откровенным, проблемой стал я сам. Учиться не хотелось категорически. А тут еще выяснилось, что дома, в связи с трудностями отечественной экономики, которую постсоветские нувориши загнали в хвост, гриву,

а также в комплексе и по частям, родители перебивались с макарон на макароны с яйцом. Ситуация требовала категорических перемен. Но я четко понимал, что несложившийся студент на хрен никому из работодателей не нужен. Мне **НУЖНА** была работа!

— Слушай, у нас открыта вакансия курьера!

Я сижу в кафе. За столиком напротив — знакомый, нашедший себя в волнах рекламного бизнеса. Рассказывает, что в его конторе работают приличные люди, а ежедневная текучка просто выматывает.

На следующий день я приступаю к своим обязанностям.

В течение последующих 20 лет система координат «починки» не требовала. Жизнь имела смысл до 2013 года. Пока с требованием погасить истраченные повторно деньги не позвонили из банка. Он и стал для меня сосредоточением зла.

Банк звонил еще несколько раз. Я уверял, что все под контролем. Я врал. И уверен, что об этом догадывались на другом конце провода. Что-то должно было произойти. Звонки банка нужно было **ПРЕКРАТИТЬ!**

* * *

Что там произошло на киевском майдане, мне не совсем было понятно. Надвинувшаяся на наш город парой месяцев позже навала перемен странным образом особо не беспокоила. Ибо к тому времени уже чувствовал: вмешательство в ткань реальности состоялось.

Первый тревожный холодок закрался за шиворот, когда самолет украинской армии расстрелял здание облгосадминистрации. К тому времени в Сети «гуляли» десятки «роликов», на которых демонстрировались целые составы военной техники, движущиеся к Донецку и Луганску. Воинствующие идиоты обещали приложить максимум усилий для подавления сепаратистской заразы, свистопляска в Сети доводила до приступов паники.

Референдум 11 мая «перегрузил» всю прошлую жизнь. Я с облегчением «сбрасывал» телефонные вызовы банка, но произошедшие перемены были настолько глобальными, что не поддавались никаким логическим объяснениям.

Скажем, никак не мог осознать, что произошло со вчерашними друзьями и знакомыми, одним росчерком курсора записавших в террористы нехилую кучу людей. Сеть наполнилась рассказами очевидцев и пострадавших, имевших неосторожность «познакомиться» с методами «освободителей».

В июле произошел перелом.

Дети к тому времени уже просто изнывали от скуки. Минометные обстрелы Луганска внесли коррективы в их повседневную жизнь и некогда обычные прогулки прекратились. В какой-то момент жена не выдержала и вместе с ними вышла погулять на улицу. Десятью минутами позже я пришел к ним.

Грохот миномета напоминает, например, разрыв громкого воздушного шарика — резко, гулко, необратимо. Прилетевшая мина неассоциативна. Она просто рвет асфальт, клумбу, землю, а осколками выносит стекла, мнет металл, рубит дерево. Первый взрыв — и мы бросились к ближайшим домам, к тому времени именно пробежка до любого подъезда казалась панацеей. За спиной грохнул второй «прилет», спустя три секунды — третий.

На следующий день я вывез детей и жену к теще, за 50 километров от города. Жена отчаянно сопротивлялась, но я «купил» ее посулами, что мне необходимо три-четыре дня для улаживания личных дел. Дескать, даже с работы нельзя уйти просто так. Не думаю, что она мне не поверила, потому что к тому времени и с работы люди уходили без предупреждения, и из города уезжали в одночасье. Вокзалы были заполнены беженцами. Проезд по центру города — на свой страх и риск.

Я задержался не на три дня. И даже не на четыре.

Подвал внушает ощущение спокойствия, безопасности. Даже звуки прилета мин сюда доносятся глухо, вот только вибрируют деревянные доски, которые прибиты к подвальным окнам разве что для приличия. Мы, живущие здесь большую часть суток, уже прекрасно понимаем — осколки или даже взрывная волна вырвет наши «самопальные» оконные укрытия в секунду. Поэтому в «горячие» часы возле окон стараемся не находиться. Нас, постоянно живущих в убежище, — человек пятнадцать. Еще человек десять — проходящие, то есть такие, которым наплевать на все, поэтому ночуют они дома, и в подвал спускаются только когда уж очень «припечет».

На той неделе у нас закончился двухдневный пир: по случаю отсутствия во всем городе электроэнергии народ массово вытащил из холодильников свои запасы мяса и прямо на улице, на самодельных мангалах, зажарил и съел, добавив для бесстрашия несколько литров водки внутрь. Кое-кто даже рискнул короткими перебежками добежать до местного ларька и «догнаться» пивом.

Пройти по городу можно только в утренние часы, где-то в промежутке между восемью и одиннадцатью часами. В это время можно запастись едой (если есть деньги), водой (которая ленивой струйкой течет из крана в квартире опять же часов до семи-восьми утра). Наиболее бесшабашные покупают даже водку, но большинство ведет себя трезво: алкоголь в крови притупляет реакцию.

У нас уже установилось нечто вроде распорядка дня и внутренних правил. Например, курить из подвала выходим не более, чем по два человека: прилетевшая три дня назад мина разорвалась метрах в ста, а нас, курильщиков, стоящих у входа в подвал, было шестеро. В итоге мы ввалились в убежище эдакой «кучей малой». Но на ссадины никто не жаловался, радовались, что вообще успели, так как осколки долетели до нас, аж со свистом, в буквальном смысле.

Бережно относимся к свечкам. В принципе, запас достаточный, но никто не знает, когда в город вернут электричество. И вернут ли вообще. Мобильной связи считай, что нет. Новости получаем, находясь в очереди за хлебом. Впрочем, стоять в очереди тоже небезопасно.

А вот слух развился отменно.

Выехать из города уже просто невозможно. Опасно. Таксисты заламывают сумасшедшие суммы. Пешком — верная погибель. Во всяком случае, такое мнение бытует.

Особая тема — табак. Один мой знакомый давеча заглядывал к кумовьям: они уехали, а он пообещал поливать цветы. Случайно заглянул на балкон и нашел целую горсть «жирных» окурков. Счастлив был безмерно, поскольку цены на сигареты уже «кусаются». Да и найти их в продаже нелегко. Особо повезло тем, кто запаса махрой. Эти сигарку делят на двоих-троих.

* * *

Дни сменяют друг друга ленивыми переливами: утро-жара-вечер-прохлада. Реальное время суток не имеет никакого значения. Город фактически опустел. Во всяком случае, автомобили ездят только военные. Или с военными. А те гоняют с сумасшедшей скоростью, может, пытаются обогнать мины?

Говорят, что Луганск в полной блокаде. Что странно, ведь в квартире до сих пор есть газ!

Вызвать «скорую» нереально. Они приезжают лишь на места обстрелов. Если дело случилось ночью, приезжают с выключенными фарами — так безопасней. У одной знакомой есть знакомая, которая сейчас вместе с оставшимися в городе медиками «скорой» живет прямо там, в здании центральной диспетчерской. Рассказывала, что они что-то там колдуют с рациями времен «привет, славные 60-е» — хотят наладить хоть какую-то связь.

До сих пор жутко хочется курить. Удивительное дело —

злостная привычка. Мозгами понимаешь, что не было бы счастья, да несчастье помогло: два раза пытался по мирному времени бросить курить, но силы духа так и не хватило. А тут такая возможность появилась, ан, нет, так и хочется сделать хоть пару затяжек! Смешно звучит: «по мирному времени»!..

Вообще превратился в идеальный механизм. Проснулся — за водой. Сперва ходил к колонке, что в двух км от дома, к особнякам наших бывших областных и городских «рулевых». Но после того, как туда два раза «прилетало», предпочел ранним утром ходить к колонке, что за СБУ. Если прийти часам к шести-началу седьмого, есть шанс не только набрать баклаги, но и обмыться.

Особый ритуал — бритье. Когда-то, неизвестно, сколько веков назад, прочел, что бритый мужчина выглядит солиднее, убедительнее. Да, осталось только понять, для кого стараюсь.

Приношу воду домой. Грею чайник, делаю кофе. Еще в относительно спокойный промежуток максимально запасаюсь внезапно увиденными на прилавке хлопьями. Одной упаковки хватает на 2—2,5 дня: достаточно, чтобы функционировать. Да, я практически все время сейчас сижу в квартире. В убежище спускаюсь затемно. Просто для того, чтобы нормально выспаться. Несколько раз до того стелил себе в прихожей квартиры. Но спал вполуха, в итоге плюнул на мужественность и ночь в подвале.

Все, что можно было сказать своим соседям, сказано. Большую часть времени молчу. Разговор поддерживаю только в рамках разумного приличия. Нелюдимость объясняю тревогой за семью. Меня понимают.

Дома перечитываю самые различные книги — от «Секса в культурах различных народов» до «Приключений Гулливера».

Больно смотреть на стариков и детей. Первые все понимают, потому что воспоминания о той войне еще живы. Вторые все понимают на особом, детском интуитивном

уровне. Все порываюсь покаяться, объяснить, что все происходящее — мое страстное нежелание платить по долгам. Но останавливает одно — все равно не поверят.

* * *

Сверток я заметил еще издали, метра за три. Хождение за водой — это особый поход. Он предусматривает неукоснительное наблюдение за окружающей средой и максимальное вслушивание в тишину, которая, по опыту, бывает разной: от легкого дуновения ветра в верхах деревьев и отдаленной канонады, до тишины, оглушающей и внезапной, когда резко замолкают птицы и замирает в воздухе редкая листва. Такой момент самый опасный, самое время падать в любую ямку и сливаться с землей. Идеально, если успеешь забежать в открытый подъезд. Оглушительная тишина — 90% того, что «прилетит» в радиусе 50—100 метров от тебя.

Поэтому именно благодаря своему тотальному поглощению в окружающий мир обратил внимание на странную упаковку в траве: небольшой, визуально — на полкило, может меньше, бумажный сверток, перевязанный бечевкой. Внимательно осмотрелся, никого подозрительного не увидел, да и сверток внешне не внушал тревоги, лежал себе, слегка тронутый пожухлой от жары травой.

Я оставил полные баклаги у дороги и осторожно приблизился к находке, наклонился над ней. Почему-то был уверен, что услышу изнутри тихое тиканье. Ошибочка вышла.

Взял сверток в руки, подержал на весу, с трудом засунул в передний карман старых джинсов и вернулся за водой. До дома еще было с пару км и расслабляться нет никакого резона. В упаковке могло быть все, что угодно: от консервы до... До хрен знает чего!

Но для меня это в любом случае являлось событием неординарным. Поэтому возвращался я в состоянии некоего возбуждения. Возле нашего квартала встретил знакомую учительницу, обменялись с ней стандартными

фразами, и я поспешил в квартиру, она — за хлебом. Да, в городе еще можно купить свежесдобитый хлеб. А если заглянуть в церковь, то можно получить хлеб даже бесплатно: его туда привозят с нашего хлебозавода.

Воду оставил в прихожей, зашел в зал и вытащил сверток. Положил его на диван и с полминуты тиранил себя вопросом «Быть или не быть?». Победило «Быть». Достал с полки маникюрные ножнички, разрезал бечевку, аккуратно развернул бумагу.

Глянув на содержимое, понял, что время «Ч» наступило. Под этим термином я подразумевал вскрытие запасника, где лежало «для особого случая» три папиросы.

Достал одну, вышел на балкон. Неспешно, где-то даже с пафосом зажег спичку, подкурил, сделал первую жадную затяжку.

И напрасно — дым обжег отвыкшее от никотина горло, но мозг, подобно старому наркоману, уже радостно повизгивал в предвкушении дозы. Я закашлялся, отдышался, потом уже затягивался неспешно, словно смакуя все оттенки вкуса и запаха дыма.

Голова кружилась, то ли от внезапной папиросы, то ли от того, что я увидел в упаковке, то ли все вместе с учетом наступающей жары.

В свертке находился «пресс» пятисотенных купюр. Навскидку, не менее ста. Но где-то внутри себя отчетливо осознавал, что там ровно (или чуть больше) той суммы, которую я задолжал Банку.

Вернулся в квартиру, прямо с папиросой в зубах. Сел на диван, аккуратно (пригодится!) снял резинку, которая скрепляла купюры. Пересчитал их и затушил папиросу прямо об пол. Получилось именно столько сколько нужно для погашения «тела» кредита и накопившихся процентов.

В ту ночь я совершенно спокойно лег спать дома: расстелил на диване свежее постельное белье, разделся до трусов, возле подушки, откровенно наплевав на довоен-

ные инструкции противопожарной безопасности, поставил пепельницу.

Долго не спалось, вспоминал последние события. Душа опять заняла: жена и дети были в неизвестности. Кстати, я два раза выходил в центре города на «точку» — место, где смельчаки-луганчане ловили слабую мобильную связь. Не пытался даже звонить, отправил оптимистичную смс. Спустя минуту после сигнала о ее доставке, телефон зазвонил, на экране высветился номер жены. Но кроме шороха в эфире, ничего не услышал.

Во второй раз не хватило времени даже на отправку смс — «прилетело». Счел это как вполне конкретный намек мироздания.

Последнее, что помню, это робкий рассвет за окном и дымящаяся сигарета в пепельнице. Я упал на подушку и заснул крепким сном.

Впервые за все эти дни.

* * *

Так и эдак взвешивал свои шансы. Добираться на Счастье или Лисичанск? Оба варианта предусматривали трату крупной суммы. Если тратить найденные деньги на проезд — значит не отдать все деньги банку. А отдать нужно именно все, в этом у меня не было ни грана сомнений. Только так!

С другой стороны, идти пешком — это попасть в поле зрения мины или патруля. Причем не суть важно, с какой стороны. Разгуливающий по трассе в период боевых действий гражданский — повод для самых категорических подозрений. Идти по обочине нельзя в принципе — «растяжку» можно было поймать просто играючи, благо рассказов на эту тему я слышал немало.

Был, конечно, один шанс на сотню. Но при этом он представлял собой наиболее реалистичный вариант, я отправился на автовокзал.

Правильнее сказать, настоящий автовокзал на тот момент был разбомблен, оторвы-водители собирали пассажиров возле ДК строителей. В последнее время неоднократно видел, как ранним утром мелкими группами из окрестностей возле ДК собирались люди, они по команде водителя спешно втискивались в автобус, который немедленно рвал с места. Точно помню, что рейс на Лисичанск я видел.

Водитель стоял возле «газели», курил и отчаянно нервничал, то и дело поглядывая на небо. Я приблизился.

— «Воздух» не объявляли? — спросил он у меня,

— А действительно, «ревуны» давно молчат, — ответил я. — На Лиссабон (так в шутку называют Лисичанск, — А.К.) часто ездите?

— Каждый день. А интересуешься по делу или просто?

— С деньгами плохо, но хочу в Лисичанске снять с карточки, тогда расплачусь за туда и обратно.

— Слышь, если у тебя есть деньги на карте, чего тебе сюда возвращаться? — водитель всем своим видом давал понять, что сомневается в моей адекватности.

— Денег немного, а здесь родители, не могу бросить, — я заранее выстроил все варианты ответов и предполагал, что о причине возвращения меня спросят.

— Короче, сколько есть? — водила четко перевел разговор в конструктивное русло, всем своим видом давая понять, что на мои либеральные ценности он не претендует.

— 35.

— Туда и обратно — 300, — отрезал водитель.

— На карте полторы тысячи, как минимум. Мне хватит, — я смотрел на собеседника спокойно, уверенно.

Водитель для приличия помялся, сплюнул, потом заявил:

— Отъезд завтра в 5.30. Опоздавших не ждем.

— Договорились, — протянул ему руку, он пожал ее ровно столько, сколько нужно для приличия и пошел к пассажирам.

Утром следующего дня я прижимался лбом к стеклу ехавшей по Луганску «газели» и смотрел, что натворила в городе война. Водитель гнал по улицам, словно намеревался выиграть Гран-при постапокалиптического ралли. Было в этой гонке что-то адски безумное: наши дороги по мирному времени ремонтировались по принципу «на следующий год все равно все заново», а тут как раз традиционному ремонту помешала война. Асфальт плавился и трескался от жары, свою лепту в разрушение местных дорог внесли бомбежки и танки. «Газель» мотало из стороны в сторону, свои вещи пассажиры держали на руках, кто-то, подобно мне, глазел в окно, другие пытались общаться, третьи просто невидяще смотрели перед собой.

Вырвавшись из города, «газель» ускорила еще больше: оказалось, что сама трасса практически не повреждена, небольшие ямы не представляли серьезной проблемы для водителя, который, разумеется, заучил маршрут наизусть.

Блокпост ополченцев представлял собою два бетонных параллелепипеда с бойницами. Рядом стояло три БМП, ЗУ, на отдельно стоящем бетонном блоке был закреплен «утес». Недалеке, в поле, — сгоревший танк.

— Украинский это, их с десятков зачем-то на прорыв пошло, один вырвался вперед всех, для чего — хрен поймешь. Ну, его с двух сторон и загасили, — сообщил мне сидящий напротив пожилой пассажир.

— Часто ездите? — поинтересовался я.

— Второй раз, дочь в Севере (так коротко называют Северодонецкую — А.К.) — хоть как-то нам помогает.

— А о танке откуда знаете?

— От ополченцев в тот раз услышал.

В салон вошли двое вооруженных людей, с водителем они, по всей видимости, были знакомы, потому что никакой агрессии не проявляли. Один из них прошелся по проходу салона, у того или другого пассажира требуя

предъявить документы. Видно было, что это — не более чем формальность.

— Так, народ, — обратился он к нам. — Дорога на Лиссабон открыта недавно, мы не гарантируем вашу безопасность: оттуда «прилетает» в любое время и в любое место. Ежели чего, передвигайтесь по центру дороги и ни в коем случае не заходите на обочины или в «зеленку» — «растяжек» полно!

Он вместе с напарником вышел из салона. Мы, то есть народ, понимающе глянули друг на друга: все закончилось обычным военным ликбезом, а уж что такое «зеленка», гражданские этим летом уяснили быстро — по-нашему лесопосадки вдоль полей.

Водитель коротко «бибикнул» ополченцам, объехал буквой «S» блокпост и двинулся дальше. На встретившихся еще двух ополченских «блоках» к нам даже не заходили в салон: водила просто выглядывал из кабины и здоровался. Нас пропускали.

Ближе к Лисичанску трасса стала хуже. «Газель» ощутило качало, но водитель практически не сбавлял скорости.

Так на одном дыхании добрались до первого поста ВСУ. Здесь нашу машину окружило человек 20 вооруженных военных.

— Всем выйти с вещами! — раздалась команда.

Я вышел одним из последних. Из вещей у меня была маленькая сумочка через плечо. В ней — паспорт и банковская карта.

Осмотр вещей пассажиров занял продолжительное время. Военные, среди которых превалировали личности с совершенно разными нашивками, по-хозяйски рылись в сумках. Другие в это время проверяли документы пассажиров. Подошла моя очередь.

— Че не в армии? — лениво процедил мне проверяющий.

— Родители в Луганске и семья, — ответил я заученной фразой.

Ответ был так себе, будь на мне толстые очки или еще какой визуальный недуг, голову бы вряд ли морочили. Но к своим 35 годам я не отрастил брюшко, на зрение не жаловался, а каждодневная жажда выжить вкупе с простым питанием привели к тому, что выглядел соответствующе призывному возрасту.

— Ну, вот у меня тоже семья, родители, но воюю же! — заявил мой визави.

Мы оба понимали, что данный диалог не имеет смысла: военный откровенно куражился над гражданским, который, в свою очередь, отлично разумел, что в серьезных заварушках вояка не участвует.

Не знаю, что случилось — то ли жара, то ли нервы, но я вдруг осатанел:

— Знаю, что скажу глупость, но это не моя война! Я — обычный человек, к автомату непривычен, выполнять команды неспособен. Меня учить — только время тратить!

— А ты че думаешь, я, что ли, всю жизнь в форме хожу?! — военный и вправду обозлился. — Да я до войны грузчиком работал, но вот пришло время и я теперь родину защищаю!

Он даже как-то непостижимым образом грудь втянул и на меня посмотрел со значением, мол, кто был никем, тот станет всем.

Я деланно «потух» и этот факт был оценен должным образом.

— Ладно, что в сумке?

Раскрыл, показал.

— Так ты, значит, голосуешь на своих еханных референдумах против Украины, а потом к нам за нашими деньгами едешь! — военный потрясал банковским прямоугольником и всей своей гордой посадкой головы демонстрировал решимость пригвоздить предателя к позорному столбу, а то и вовсе распять прямо на нем. Мне оставалось тупо молчать.

— Ладно! Иди!

Двинулся к «газели». Сел в салон. Меня ошутимо трясло.

* * *

Банковское отделение выглядело стандартно — пластик внутри и снаружи, несколько кабинетов.

Я подошел к кассе.

— Хочу погасить кредит! — твердым голосом заявил девушке в окошке.

Она попросила карту, провела ее по считывающему устройству. Посмотрела на меня. Что-то в ее взгляде было... Такое... Трудно описать. Недоверие? Сочувствие?

— Вам в кабинет напротив! Вот ваша карта!

Повернулся, чувствуя спиной ее взгляд.

Решительно открыл дверь указанного кабинета. Это был большой круглый зал, залитый мягким светом, что лился из стандартных лампочек навесных плит потолка. В центре стоял банковский терминал.

Я подошел к нему. Вставил карту в терминал. Агрегат заурчал, словно пережевывал мою карту. Потом выплюнул ее обратно.

— Что вы намерены сделать? — раздался голос из невидимых динамиков.

— Погасить долг, — повторил я свою короткую литанию.

— Полностью? — уточнил голос.

— Да!

— Сумма вашей задолженности сейчас высветится на экране терминала.

По экрану прошла странная рябь, затем высветились цифры.

Той наличности, что я привез, хватало.

— С учетом того, что вы добровольно прибыли для возврата кредитной задолженности, банк погашает часть ва-

шей процентной задолженности! — в тишине голос прозвучал как-то даже торжественно.

Я снял кроссовки, затем носки. Наслушавшись историй о шмонах, которые устраивают бойцы террбатальонов на границе, я разделил сумму на две части и спрятал ее в носках.

Терминал заглатывал купюры, словно изголодавшийся по целлюлозе робот. 500 гривен, 1000 гривен, 1500 гривен ... Я не следил на временем, скармливая банку вместе с деньгами остатки своей злости, ненависти, потерь и страданий.

Я возвращал долг.

После отданной последней купюры терминал погас. Свет мигнул, потом еще раз.

— Благодарим за ответственность, надеемся, что наше сотрудничество возобновится! — в зале вновь родился голос.

— Сильно сомневаюсь! — заявил я и развернулся к выходу.

Мне показалось или вслед таки прозвучал сдавленно-ироничный смешок?

Обратную дорогу я практически не помню. На автомате из числа оставшихся денег отдал воителю 300 грн и сел на заднее место. Поднялась температура, меня знобило. В Луганск мы приехали ближе к 16.00.

Я шел по улице и с удивлением наблюдал за большими группами людей. Это было какое-то коллективное помешательство. Люди шли радостные, расслабленные.

— Эй, народ, что случилось? — спросил я.

— С днем города! Ты что — не в курсе? — ответила мне одна девушка.

* * *

Я зашел домой, разулся, прилег на диван. Укрылся одеялом. Молча наблюдал, как в комнату затягивается темнота. И вдруг словно ослеп — сноп электрическо-

го света залил комнату. По кварталу раздался дружный вопль «Ура!».

Поставил на зарядку телефон. Электричество было недолго. Успел зарядить телефон и нетбук.

Через три дня вернулась моя семья.

Через две недели по вечерам тонкой струйкой из крана стала течь вода.

В город возвращаются люди. Я нашел работу.

Вчера пришла эсэмэска: «Ваши деньги снова ваши. Тратьте, сколько хотите!»

Барбара Мелехова

**ДЫМ И ПЛАМЕНЬ ДОНБАССА.
НАДЕЖДА**

Где-то вдалеке снова загрохотали привычным ревом Грады. Хотя каким привычным? Разве можно к этому привыкнуть? Нет, к войне не привыкают. Только душа черствеет от вида постоянных разрушений, от невыговоренной боли и невыплаканных слез, от того, что смерть слишком часто засматривается и на вас, а менее везучих и вовсе забирает с собой.

Еще совсем недавно внезапная смерть была возможна только от колес автомобиля, какой-нибудь досадной случайности или сердечной болезни. Как можно привыкнуть к тому, что каждый день умирают простые люди: женщины, дети, старики. Те, кого принято считать беспомощным слоем населения, сейчас за свою жизнь должны бороться. Или уехать.

Оставить все и уехать жить в другой город, другую страну. А ведь это «все» таит в себе не только квартиру, вещи, нажитые нелегким трудом, это «все» — это и есть вся жизнь, с рождения и до теперь. До того самого весеннего дня, когда их начали убивать. Она вот уехать не смогла, и сейчас медленно умирает сама, глядя, как гибнет, такой бесконечно родной ей Город.

Снова «Град». Инстинктивно она пододвинулась ближе к стенке. Посмотрела на людей вокруг. Несколько человек повернули головы в сторону взрывов, но из очереди никто не ушел. Гуманитарную помощь старались выдавать, как

можно быстрее. Но слишком много людей сейчас оказались заложниками пустых холодильников, закрытых магазинов, невыплаченных зарплат и пенсий. Отсутствие всех этих привычных для мирного времени составляющих и гнало людей в очереди даже под обстрелом.

Говорят, выбор есть всегда. Но почему-то в последнее время он превратился в муку. Умереть от голода или от взрывов; уехать из родного города, где есть для жизни все, кроме самого важного — мира, или остаться; сидеть в квартире или выйти на улицу, когда вдали слышны разрывы. Каждый день, каждая минута ставила перед выбором, и выбор этот часто становился роковым. Жизнь превратилась в выживание, все инстинкты обострились, а чувства порой притупились, потому что вынести это слишком сложно. Совсем не всякий человек может выдерживать день ото дня эту схватку со смертью. Первыми война меняла именно таких, самых слабых — был человек, а стало просто живое существо.

— В некоторых районах Города вроде бы большинство магазинов работают, а не как у нас. — Произнесла пожилая женщина, стоящая перед ней. — А правда это или нет, кто ж знает.

— Что тут скажешь, когда свет был, знали хоть какие-то новости, — вздохнул дедушка, который присел на бордюр, дав отдых свои уставшим ногам.

— Да что ж вам о магазинах бы рассказывали по телевизору? — с улыбкой легкого превосходства, спросила женщина.

— Вам бы, бабам, только о еде и думать. Может оно и правильно, конечно. Моя, помню, тоже спокойной не была, пока всех вокруг не накормит. А мне бы новости знать. Кто там в аэропорту нынче? Наши нет? Отбивают они их от города или как? Вот бы новости.

Она молча прислушивалась к диалогу. Света не было уже несколько дней. Она усмехнулась про себя этой мысли: «Уже несколько, а ведь в некоторых городах несколь-

ко недель. Всего несколько, наверное, более правильная формулировка». Мужчина был прав. Очень хотелось знать хоть какие-то новости. С тех пор, как сел ее телефон, связь с внешним миром временно оборвалась. А магазины? Толку от них. Зарплаты и пенсии не платили второй месяц. И у многих, стоявших в этой очереди денег на продукты уже попросту не было. Как у нее, например, или Клавдии Николаевны. Вот и стоят они все тут холодным августовским утром, вжавшись в стену и слушая, к счастью, отдаленные взрывы.

Снова залп. Почему «Грады» так называли — она понимала. Много взрывов вообще напоминают это стихийное явление. Когда после 26 мая (тогда город первый раз бомбили с самолетов) в одну из ночей началась весенняя гроза, люди в панике решили, что это снова разрывы снарядов.

Говорят, что перед началом Великой Отечественной войны гудела земля. Сейчас же громыхало небо. Больше недели, почти каждую ночь — гроза. Такая, каких она не помнила за всю свою жизнь. Молния и гром не рокотали, наплывая и исчезая вдали уходящими залпами, они непрерывно разрывались снарядами и вспышками в течение длительного времени. В те дни она с сочувствием думала о жителях небольшого Городка, в котором военные действия уже шли. Такими звуками и вспышками озарялось их небо к тому времени уже больше месяца. Сейчас же война пришла к ним.

«Война», — слово, которое она слышала только когда говорили о чем-то прошедшем и уже закончившемся (как Великая Отечественная) или очень далеко (как войны где-то там в Сириях, Ливиях, Ираках). Подумать только, ведь люди, которые живут в ее бывшей стране, которые отправляются воевать сюда, в их регион: кто-то с четким осознанием — убивать, кто-то с запудренными мозгами «освободить», так и не понимают, что такое война. Они не знают, что здесь происходит. Никто не знает. Ни те, кто

желает им смерти, ни те, кто сочувствует. Не пережившим войну — этого не понять.

Она вот тоже не понимала раньше многих вещей. А многие не понимает и сейчас. «Вот «Грады» — да, это понятно. А все эти «акации», «тюльпаны» «гиацинты» — тоже мне, юмористы. Звук-то от их взрыва слышали?».

Это она сейчас была такая умная, до того как отключили свет, все ее свободное время проходило в Интернете, в изучении военных сводок, и техники. А всего каких-то четыре месяца назад (подумать только, четыре месяца, а кажется, что все это длится бесконечно), когда она впервые увидела БМП, она решила, что это танк. Ну а что, дуло есть, значит — танк. Чем они отличаются: танки и БМП, БТР, БМД, она узнала позже. В тот день она узнала другое. Она узнала, что такое ненавидеть.

Случилось это не в Городе. Небольшой поселок, в котором жили ее друзья, радушно встретил их расцветающей весной. В те выходные 2-го мая произошло нечто, перевернувшее все ее мировоззрение. Она тогда впервые поняла, как низок, мерзок и отвратителен может быть человек. В Прибрежном городе произошла трагедия. Беснующаяся толпа заживо спалила людей, только за то, что у них были другие политические (да судя по всему и нравственные) взгляды. А за день до этого мимо поселка, где она находилась, проехала колонна техники.

Сколько стихов о Великой Отечественной посвящено тишине, но раньше она не задумывалась и об этом. С конца весны из их обихода как-то исчезли слова «Как дела?», вместо них появилось другое понятное всем сочетание: «Что там у вас, тихо?» Только пережив грозный и тревожный шум войны, она поняла все эти старые стихи о «тишине победной», «тишине благословенной».

Грохот и шум от быстро движущего железа, которое, как она понимала, ехало захватывать город невдалеке от них, в тот день поднял в ее душе худшие эмоции. Эти БМП и грузовики с пехотой несли войну. Они несли все

те смерти, которые теперь она наблюдает каждый день. Они несли разрушения и хаос. Это было то время, когда их мужчины, совершенно безоружные становились перед танками. Они просили жителей тогда еще одной с ними страны разворачиваться, уезжать домой, они просили не начинать братоубийственную войну, они ведь так хотели мира. Почему-то об этом факте очень скоро забыли СМИ Страны, называя их не иначе, как террористами, сепаратистами, вооруженными боевиками. Тех, у кого в ту пору и стрелкового оружия практически не было. А военная техника на них уже шла. Колонны танков, БТРы, БМП, установки РСЗО — это все в невероятных количествах стягивалось в их регион. Такую колонну, проехавшую на спящий город, увидела и она. Шум, поднятый военными машинами, всколыхнул все в ее душе, она впервые осознала, к чему идет, и сердце ее сжалось, предчувствуя боль надвигающейся войны. Тогда, первый раз в жизни, она кого-то прокляла.

Сейчас, чувства притупились. Притупилась даже ненависть. Ненависть саморазрушает, а сейчас, чтобы выжить, нужно иметь светлую голову.

Она вспомнила такие длинные очереди в прошлом, непременно кто-то бы ругался, был бы недоволен на стоящего впереди, и что-то выяснял. Сейчас же лишь редкие реплики нарушали тишину.

— Вы второй раз берете помощь? — спросила приветливая девушка, перед машиной с гуманитаркой

— Я да, — неизвестно почему она покраснела. Роль просительницы угнетала ее. — У меня соседка. Она на 9-м этаже живет. А света нет. Лифт не работает. Она спуститься не может. Вот я и пришла.

«Дурацкая привычка краснеть. Я же не делаю ничего плохого. Ну почему, почему я чувствую себя виноватой? Я хочу зарабатывать на еду, но где ее возьмешь эту работу. Сейчас все решат, что я обманываю».

Но девушка почему-то, наоборот, улыбнулась:

— Так вы два набора берите, если донесете. И спасибо, что помогаете и другим.

Ей стало неловко. Никогда не знала, как реагировать, когда ее хвалят.

— Я.. — начала было еще что-то говорить она.

Девушка-волонтер ее перебила:

— Все наладится, — сказала она, мягко взяв ее за руку. — Мира вам!

Домой она шла как на крыльях. Ничто не согревает сильнее, чем тепло человека. Никто не нуждается больше в тепле людском, чем те, кто в людях разочаровывается. А разочаровываться, к сожалению, в последнее время приходилось часто.

«Как же Клавдия Николаевна обрадуется. А ведь не хотела, чтобы я шла. Переживала, что это опасно. Кто знает, что сейчас безопасней выходить или сидеть в доме? Кто знает, будет ли стоять дом, когда ты вернешься, если все-таки решился выйти». Она решила, что думать об этом не стоит. Надеяться на лучшее, и делать, что нужно. Вот теперь, как хорошо получилось. Если экономно расходовать продукты, то недели на две им с Клавдией Николаевной хватит.

Клавдия Николаевна, пенсионерка, вдова ветерана войны, тоже не уехала из города. Дочь, в свое время очень удачно вышла замуж, и Клавдия Николаевна никогда не переживала за ее будущее. Две квартиры было у них только в городе. После первой же бомбежки дочь покинула город. Правду сказать, они предложили взять с собой и мать, но для всех было очевидно, что пожилая женщина никуда не поедет. «Здесь я родилась, здесь вырастила детей, похоронила мужа, меня тоже похороните здесь». Особо настаивать дочь с зятем не стали. Перевести старушку жить в центр в более безопасный район в свою квартиру, тоже не сочли нужным. «Старческий запах необычайно въедается в вещи. Да и потом своя квартира — это своя», — слегка сморщив свой изящный носик, объясняла дочь свое ре-

шение соседке, которой вот уже несколько месяцев платили за минимальную помощь и уход за старушкой.

Она вздохнула, снова вспомнив этот разговор. Ее доводы, о том, что в центре хоть немного, но спокойней, дочь Клавдии Николаевны предпочитала пропускать мимо ушей и позже, когда город бомбили уже регулярно.

Почти такого же возраста, как и дочь Клавдии Николаевны, она чувствовала себя значительно старше этой шикарной женщины. Что ж, жизнь ее не была никогда особенно сладкой. После детского дома ей повезло встретить свою любовь. Он был принцем из сказки. Она не пошла учиться дальше, потому что он решил, что жена должна быть дома. И два года она радостно варила супы и борщи, встречая его с работы и оберегая его научную деятельность. Он был центром ее мироздания, ее вселенной. Сердце, недополучившее в свое время любви, ухватилось за него, как утопающий за мачту в бушующем море. Любовь переливалась через край, он был мужем, спасителем, кумиром. А потом она забеременела. Даже сейчас ей больно вспоминать ту свою радость. Целый день она была счастлива. Она была счастлива беззаветно. Вечером она поделилась своей радостью с мужем. А еще спустя два дня он отвез ее в клинику на аборт.

Он не был готов к детям, не сейчас. Сейчас ему будет мешать шум и гам в доме. И если она хочет остаться с ним, то он позвонит доктору и все решится.

Все решилось, но не так, как они думали тогда. В последний момент она поняла, что не сможет простить ни ему ни себе этого поступка. И выбирая между двумя, выбрала более слабого, нуждающегося в защите, она выбрала жизнь своей маленькой дочурки.

Это был самый сложный выбор в ее жизни, но вместе с тем и самый правильный. Через каких-то знакомых недавно она узнала, что бывший муж стал профессором, живет за границей. У него уже третья, в этот раз молодая жена. А вот детей у него так и не было.

Она же всю жизнь посвятила дочери. Сейчас дочь вышла замуж, жила в России и все время настоятельно звала ее к себе. Она (пока был еще свет и связь) радостным голосом врала в трубку, что все не так страшно. Когда взрывы усиливались, она выключала телефон, а потом говорила, что это просто плохая связь. Ехать к дочери, которая вышла замуж за хорошего человека, но далеко не миллионера, и пока все еще жила с родителями мужа, она не хотела. Никогда никому не хотела она быть обузой или помехой. А здесь хоть какая-то работа, но была. Глядишь, и им чем-то материально поможет. Так и жила, бедно, но честно шагая по жизни. Деньги лишними для нее никогда не были, вот и согласилась присматривать она за соседкой из соседнего подъезда с удовольствием.

Клавдия Николаевна сама выбрала ее себе в сиделки. Дочь предлагала найти кого-нибудь с медицинским образованием. Но Клавдия Николаевна в первый день весны, и день первого митинга в их городе, увидела ее возвращающуюся домой, с георгиевской ленточкой в петлице.

«У нас в соседнем подъезде женщина живет. С георгиевской ленточкой, и грустными глазами. Вот ее попросим». Дочь хмыкнула на такую прихоть. Но в этот раз почему-то пошла на уступки.

И за это непродолжительное время женщины очень сдружились.

Найти георгиевскую ленточку в марте в городе было не просто. Ей повезло, с первого же митинга она принесла с собой кусочек этой ленты. Совсем маленький 6 см максимум. И эти 6 см оранжево-черной ткани соединили судьбы женщин.

Она вспоминала весну. Тот патриотический подъем. Она в такое и не верила. Ее русская душа пела под зданием администрации вместе со всеми «Русский марш», песню, которая звучала там постоянно. Недавно она снова услышала эту песню, но теперь слова почему-то отозвались в душе болью. «Неужели я не права, неужели нет уже той

России, где «русские плюют на власть Америк и Европ», или все-таки есть?»

Как же пьянил тогда весенний воздух — воздух перемен. Но, что правду таить, никто не ждал, что перемены будут такими, что столько людей погибнет, не дожив до них, что она сейчас будет идти с гуманитарной помощью под звуки снарядов, тихонько напевая под нос песню Бичевской.

Она выкладывала пакеты с крупами и консервы на стол Клавдии Николаевны. И ее взгляд снова упал на георгиевскую ленточку. Эту она уже принесла с площади 9 Мая. Какой же это был день в этом году.

Это было до референдума. И власть в городе еще не принадлежала полностью ополчению. Поэтому, когда в столице запретили георгиевские ленты, они почему-то стали внезапно символом сепаратизма, власть их города тоже официально их запретила. После страшной трагедии 2-го мая в одном прибрежном городе, и перестрелки ровно накануне в другом, тоже прибрежном, люди боялись выходить даже из дома. Все ждали каких-то провокаций. В тот день она первый раз увидела улицы города такими, какими уже привыкла видеть сейчас — мертвыми. Улицами без людей. Она ехала на площадь в полупустой маршрутке. В обычные праздничные дни, на всех остановках стояли толпы людей, лавочки были заняты веселыми компаниями, сейчас же улицы были пустынные, и даже дорогу можно было переходить в любом месте без светофора. На душе стало тоскливо. 9 Мая всегда был святым праздником для нее. Не ради отделения она пошла на первый же митинг, не ради лучшей жизни, а ради того, чтобы то, что для нее свято, не было пограно. Чтобы Подвиг отцов и дедов, победивших фашизм, не был забыт. А все шло именно к этому.

И даже тот факт, что в столице в этом году на Праздник денег решили не выделять, а вот позже летом, в разгар братоубийственной войны провели парад в День Незави-

симости, тоже говорил о многом. Вот люди и выступили против. Против такого правительства, которое хотело изменить память об их истории, навязать им новых героев, против такой власти, которая, по правде сказать, не была даже вполне законной.

Против всего этого она в знак протеста, как и в знак памяти, приколотла к своему пальто георгиевскую ленточку, идя пустыми улицами города. Вместо обычного радостного настроения было грустно и, если уж честно, немного страшно. Накануне люди говорили о чем угодно, и о возможных снайперах, и о каких-то взрывах, чтобы запугать их, раздавить, как в том Прибрежном городе.

А затем, еще издали она услышала военные песни, знакомые каждому с детства, а подойдя ближе, увидела огромную толпу людей. От эмоций слезы подступили к глазам. Большинство жителей побоялись выйти в этот день из дома. Но тысячи людей пришли. Пришли, несмотря на страх, несмотря на то, что, так же как и сидящие дома, боялись провокаций и возможных смертей. Они пришли почтить память дедов, почтить память их великого Подвига. И все эти тысячи, стоящие на площади и вокруг, прямо на центральной улице, они были для нее героями. Лица, полные радости. И на груди практически каждого горел знак борьбы не только сороковых годов, но и этой, новой войны. Их оранжево-черный протест против запретов.

Тогда она принесла ленточку и Клавдии Николаевне. Дочь неоднократно хотела спрятать ее с глаз. «Время такое, вдруг кто-то в квартиру вломится. Еще и убьют из-за этой ленты, как сепаратистку». Но пожилая женщина с завидным постоянством находила ее и устраивала на самое видное место рядом с портретом мужа-фронтовика.

— Стыдно должно быть. Их мы еще не боялись. Твой отец бы этого не одобрил.

— Мама, но время же сейчас какое.

— А тогда что, было легкое, что ли?

Переубедить старушку в чем-то было невозможно. Она

сама не раз сталкивалась с ее упрямством. Ей давно уже не платили за уход за старой женщиной. Даже если бы и захотели — деньги перевести было невозможно, банки в городе не работали. Продуктов становилось мало. На последние деньги она предлагала отвезти Клавдию Николаевну к дочери.

Но старушка была непреклонной: «Здесь я родилась, здесь умру».

В бомбоубежище она тоже отказывалась спускаться, пока еще лифт работал, и это было вообще возможно. Сейчас же, без электричества, многие пенсионеры и инвалиды оказывались заложниками бетонных коробок, где-то высоко над землей. И в случае бомбежки им оставалось только надеяться и молиться.

— Снова бахкают.

— Да, и не думают прекращать, — ровным тоном без эмоций сказала она, выкладывая продукты. Что толку вздрагивать от каждого взрыва. Все равно ведь не знаешь, когда прилетит к тебе.

— У меня там картошка еще оставалась, сейчас схожу к себе и будем готовить ужин.

Окна ее квартиры выходили на противоположную сторону улицы. Она была уже в своей квартире, когда снаряды упали где-то рядом. Оглушительный шум, дрожащие стены, лопающиеся и вылетающие стекла. В первые секунды, подстегиваемая инстинктом самосохранения, она упала на пол. Но лишь только смогла прийти в себя, вскочила на ноги. Снаряд прилетел с противоположной стороны, а это значит...

Она летела на 9-й этаж, не чувствуя ни дыхания, ни ног. Страх за себя сменился страхом за другого — за человека, более слабого и беспомощного, а значит, такого, которому она должна, просто обязана была помочь. «А что если не сумела?» — оборвалось где-то в груди.

Перелетая через ступеньки, она взлетела наверх. Дверь, которая должна была быть захлопнута, видимо откры-

ло взрывной волной. Стекла в беспорядке разбросало по комнате, оконная рама погнулась, часть подоконника вывернуло, кругом пыль, обломки штукатурки, сломанные вещи, посеченные осколками стены...

— Клавдия Николаевна, — голос сорвался на истерический крик. — Клавдия Николаевна!

Вторую комнату упавший шкаф разделил пополам. Не видя, что за ним, она в отчаянии ринулась туда. Снова какие-то обломки и осколки, от неосевшей пыли было тяжело дышать.

— Ну что ж ты кричишь так? Тут я.

Она кинулась к посеченной осколками двери в кладовую. Слезы радости обожгли лицо, когда она увидела, что старушка практически не пострадала.

— Слава богу, вы были здесь! Я боялась, что вы не успели спрятаться! Я подумала... Как вы? — она плакала, но это уже были слезы облегчения.

— Ногу вот подвернула только, встать не могу. Ну чего ж ты ревешь, дурочка? — Клавдия Николаевна гладила уставшей рукой голову обнимающей ее женщины. — Никуда я не пряталась. Это ты со своими крупами мне жизнь спасла. Только я зашла их в кладовке оставить, тут и рвануло. Да так удачно, что дверь сама и закрылась. И что бы я без тебя делала?

— Я думала, я боялась... — Помогая подняться старушке, она с ужасом снова оглядела квартиру. — У вас ведь теперь ничего не осталось.

— Глупости, дочка. У меня осталась главное. У меня есть надежда. Спасибо тебе, Наденька!

Андрей Кокоулин

УКРАИНСКИЕ ХРОНИКИ

Ян

Когда на окраине поселка заухало, заворчало, и под домом заворочалась земля, вызывая противное дребезжание стекол, Ян сразу понял, что это.

Это — война.

Бросив рисовать, он побежал на кухню.

— Баб Надя, это война?

— Война, внучок.

Баба Надя доставала из ящика стола свечи и спички и торопливо увязывала их в сложенный узелком платок. Седой пук волос у нее на затылке дергался будто в припадке.

Бумкнуло где-то рядом, наверное, за магазином, потому что пыхнувший вверх черный дым над магазинной крышей стал виден из их окна. Что-то разбилось в комнате.

— Янчик, ты собирайся, — сказала баба Надя, подставляя под кран пластиковую бутыль. — Бери все нужное, и пойдём.

Лицо у нее было белое и тряслось.

Струйка воды текла еле-еле, и бутыль наполнялась медленно.

— Это фашисты? — спросил Ян.

— Они самые.

За окном свистнуло, как Васька Сумский, когда чему-то удивлялся — фиу-у-у. Дом дрогнул, принимая на себя осколки и куски асфальта. Ян подумал, что дом ранен.

Баба Надя охнула.

— Быстрей, Янчик! Чтоб они сдохли!

Ян побежал в свою комнатку. Под сандалетами захрустело стекло, ветер теребил и раскачивал тюлевые занавески.

Ян схватил альбом, шариковую ручку и фломастеры.

— Давай, Янчик!

Янова ладошка нашла теплую бабкину ладонь, и они выскочили на лестничную площадку, а затем по ступенькам устремились вниз. Дверь в квартиру так и осталась открытой.

Чтобы попасть в подвал надо было обежать дом с торца. Всюду лежали ветки. Впереди какой-то мальчишка, постарше Яна, неся через дорогу. Наверное, спешил в свое бомбоубежище, где семья.

— Сюда! Сюда! — кричали из-за угла.

Магазин задымил сильнее, сбоку плеснули языки пламени.

— Что делают! — простонала баба Надя. — По людям, по людям-то зачем?

Они почти добрались до подвала (бабе Наде пришлось едва не нести Яна по воздуху), когда метрах в двадцати брызгами рванул тротуар.

Предваряющего свиста Ян не услышал.

Баба Надя успела закрыть его собой, и что-то раскровавило ей щеку. Она осела кулем. Из собранной сумки просыпались леденцы в радужных фантиках.

В следующий момент застывшего столбиком Яна сильные руки затащили в подвальную тьму, ощупали, огладили лоб.

— Жив?

Он кивнул, прижимая к животу альбом.

Хрипящую бабу Надю затащили следом, кто-то спрыгнул еще, стукнула жестяная дверь, отрезая хмурый дневной свет. Зажглись экранчики телефонов, из глубины подвала приплыл свечной огонек.

— Сюда ее, сюда! — зашипел кто-то.

Бабу Надю проволокли за осветившуюся пятном кир-

пичную кладку. Чувствуя страшное, Ян заплакал. Ступеньки после бабы Нади темнели красным.

— Не плачь, ты же мужчина. Ты сильный.

Какая-то женщина взяла Яна за руку и повела его во вздохи и негромкие голоса. Противная пыль летела с потолка за шиворот рубашки.

Они обогнули связку труб, обмотанных чем-то мохнатым, грязно-желтым, и очутились в небольшом помещении со сложенными из ящиков и досок скамейками, с матрасами, наваленными к стенам, и дощатым столом в центре, на котором стоял радиоприемник с подсвеченной шкалой настройки. Приемник тихо шипел.

Везде лежали или сидели люди. Между ними поблескивало стекло банок. Кто-то кашлял, кто-то кутался в плед. Дети здесь тоже были. Ян заметил девочку, спящую на коленях у мамы, а также совсем маленького мальчика, грудничка, ворочающегося в коляске.

На столе и в стенных выемках горели свечи.

— Тебя как зовут?

Женщина развернула его к себе. Она была некрасивая, лохматая и больше походила на Бабу Ягу из сказок, только лет на сто моложе, но Ян ей все же ответил:

— Меня зовут Ян. Мне пять лет.

— Это у тебя альбом?

Ян кивнул.

— Садись вон туда, в уголок. Бабушку твою ранило.

Ян кивнул снова и закусил губу. Перешагивая через чьи-то вещи, он забрался на ворох фуфасек, слабо пахнущих сыростью. Полная женщина, оказавшаяся рядом, подвинулась, давая ему больше пространства.

— Будешь рисовать? — спросила она.

— Да, — сказал Ян, опустив альбом на колени.

— А родители твои где?

— Мой папа — в ополчении!

— Ох, сейчас все в ополчении. Мой сынок тоже в ополчении. А мама твоя где?

— На лаботе.

Буквы «р» Ян еще не выговаривал.

— Ну, рисуй, рисуй, — вздохнула женщина.

Звуки взрывов проникали сквозь стены. Сначала бумкало далеко, потом ближе. Вздрагивало пламя свечей. Все прислушивались. Один мужчина встал и, хромая, ушел во тьму. Там что-то забренчало. Проем, как от включенного телефона, подсветился синим.

Взрывы вдруг стихли.

— Все? — спросил кто-то с пола.

— Сейчас перезарядят, и по новой, — ответили ему.

— Сволочи! Как они могут!

Из темноты усмехнулись.

— А мы им не нужны. Мы ж террористы, все как один.

— Господи, что же Путин-то молчит?

— Какой Путин? У нас свой президент, кем-то, туда и растуда, избранный.

— Гореть им в аду, всем гореть в аду! И Порошенко, и Яценюку.

— Авакова забыла.

— Я надеюсь, что все это не напрасно.

— Слышали про зачистки в Лимане? Вот и у нас: кого не разбомбят, тех зачистят.

Ян отер мокрые щеки и раскрыл альбом.

Он взял черный фломастер и нарисовал неровный прямоугольник в нижнем левом углу. Это был их подвал. Затем он нарисовал в нем людей: хромого человечка с короткой ногой, полную женщину, девочку на коленях — и обвел их разными цветами. Желтые точки стали свечками.

Снова забухало.

От близких разрывов фуфайки шевелились, как живые.

— Да что ж они все!.. — простонал женский голос.

— «Гвоздиками» лупят, — сказал кто-то знающий. —

А до того «васильками».

— А «гвоздика» — это что такое? — спросил Ян, подняв голову от рисунка.

— «Гвоздика», парень, — это такая самоходка, пушка на гусеничном ходу. Как танк. А «василек» — миномет, труба на станине, с сошками.

— А они фашистские?

— Знамо дело, раз по нам бьют.

Ребенок в коляске заплакал, но его сразу взяли на руки, прижали к себе, забаякали: аа-аа-а, аа-аа-а. Ян чуть сам не заревел, но подумал, что лучше потерпит до мамы, а пока нельзя. Он, конечно, всхлипнул, но совсем неслышно.

Над подвалом в альбоме построились этажи, сужаясь к небу. Этажи накрыла крыша. Фашистскую самоходку Ян нарисовал справа — из толстого черного дула рвался огонь. Как изобразить миномет он не знал, поэтому просто рядом с самоходкой поставил черных человечков, от которых тоже шел огонь. У человечков был флаг с фашистским крестом. Несколько сине-красных колючих взрывов, будто кусты, выросли у дома.

Подвальная дверь вдруг хлопнула. Дохнуло дымом, и в помещение, пригнувшись, нырнула тень, при освещении оказавшаяся молодым парнем в камуфляже.

— Все, зарядил заразу.

Достав мобильник, он сразу подсел к столу, чумазый, с челкой, свесившейся на глаза.

— Ну и не томи уже, — опустил рядом хромой.

— Сейчас выкручу на полную.

Телефон в руке парня захрипел и заплелся помехами. Ш-ш-ш. Хромой мужчина, морщинистый, бровастый, прислушиваясь, поворачивал голову то одним, то другим ухом.

Ян тоже стал прислушиваться.

— ...красная... мимо блокпоста... — неожиданно раздался голос из телефона. — На Рудакова — две воронки... Северной окраине вообще не сладко...

— Это кто? — тихо спросил Ян.

— Это пацан на крыше с биноклем передает, — ответил хозяин мобильника. — Через квартал отсюда.

Ш-ш-ш...

От долгого шипения у всех синхронно вытягивались шеи.

— ...лупят «гвоздиками» по блокпостам у заправки... наши попрятались в траншее... в лесополосе перебежки... поймешь, кто...

Даже взрывы казались тише.

Ш-ш-ш...

— Четыре танка со стороны Артемовска... БМП-2, автобус с нациками... ..ля! Лупят по жилым домам! По частному сектору!

Полная женщина, сидящая рядом с Яном, вскрикнула:

— Там же мои!

Ладонь ее замерла на груди.

— Вот, возьмите, — кто-то передал женщине таблетку, — под язык.

Ш-ш-ш...

— ...пара «сушек», кружит... передают, колонна техники из-под Донецка... лупят, как в копеечку...

Хромой, слушая, покачивался.

— А «сушка» это бублик такой? — шепотом спросил Ян.

— Нет, — повернул голову парень с телефоном. — Самолет это. «Су».

Ш-ш-ш...

В пустом шипении Ян успел нарисовать над домом самолет с крестами. Для второго самолета не хватило места, и получились только крыло и хвост.

Что вам надо? — спросил их Ян. Улетайте. Мы вас не хотим.

— ...уки! — разразился возгласом телефон. — Бьют по подстанции! ...метами с холма...

Ш-ш-ш...

— ...женцы, человек пятнадцать... по обочине дороги... куда-то они не туда, прямо на укропов...

Дом содрогнулся. Что-то посыпалось, зазвенело снаружи.

— Это в нас попали, в нас!

— Миной, скорее всего, по верхнему этажу.

— Ничего, ничего. Живы же.

Ш-ш-ш...

— Тише, — сказал парень, и все примолкли.

— ...беженцы... — глухо прозвучал в подвале голос из телефона. — ...дут, машут руками... ..ля... — голос на мгновение умер и воскрес, омертвелый, клокочущий: — ...треляли из стрелковки и кпвт, всех... Звери, суки штопаны! И детей!

— Твари, — сквозь зубы произнес хромой.

Кто-то зарыдал. Ян с удивлением посмотрел на свои сжавшиеся кулачки.

Ш-ш-ш...

— «Сушка» влупила... кажется, «нурсами»... по рынку...

— Я их зубами, — выдавил кто-то, — зубами! Никому пощады! Только увижу — всех! Не могу...

Говорящий, сутулясь, вышел в проем, заходил там тенью.

— Вот так, Янчик, — сказала полная женщина, проведя ладонью по его макушке.

По щекам ее бежали слезы.

— Не плачьте, тетя, — сказал ей Ян. — Я сейчас их всех...

Ш-ш-ш...

— Стрельба... — проговорил телефон. — Минометами еще раз по окраине... «сушки» на второй заход... Ненавижу... трупы лежат...

Многие плакали. Ян не заметил, что тоже плачет. Он сжал фломастер в руке. Это оказался красный фломастер, самый-самый нужный.

— Вы — фашисты, — прошептал Ян нарисованному самолету. И закрасил его — словно фашиста охватил огонь.

Вот так.

— Есть! — завопил телефон. — Есть! Сбили «сушку»! Какие молодцы!

Кажется, парень на крыше затанцевал — потому что эфир наполнился бряканьем, уханьем и звяканьем каких-то железок.

— Так! — сказал хромой, стукнув по столу.

— Горит!

Ян в это время зачеркал крыло и второму самолету.

— ...ля! — заорал парень на крыше чуть ли не во все горло. — И второй достали! Отлетался, сука! За всех, за всех!

Он захохотал.

А Ян подышал на кончик фломастера и взялся за танк. Зеленым он потом хотел еще нарисовать наших.

Паука

Мамка начала собирать его с ночи. Приготовила квиток, свидетельство о рождении, иконку бумажную, портретик Бандеры, памятку с гимном и рубашку желтую с надписью на нагрудном кармашке «Слава Україні!».

А утром Пашке показалось, что она и не ложилась. Как засыпал он — мамка собирала ему рюкзак, так и проснулся — все то же. Тетрадь. Носки в полоску. К рубашке — синие штаны. Моток ленты желто-синей. Чай в бутылке.

Они, конечно же, спели гимн. На два голоса у них хорошо выходило. Еще бы батя был, так вообще! Соседи за стенкою тоже пели.

— Ще не вмерли України ні слава, ні воля...

В гимне было много торжественности и грусти. Мамка глотала слезы, Пашка тоже пару раз шмыгнул носом.

— ...І покажем, що ми, браття, козацького роду.

Он замерз, пока стоял на холодном полу.

Батареи работали еле-еле, потому что москали не хотели давать газ. Но зиму как-то пережили, а значит, Украине — слава!

Мамка согрела ему на электрической плитке немного воды, и Пашка помылся. Сначала чуть-чуть горячей из ковшика, затем — заряд ледяной из душа. Как он ни ста-

рался не стучать зубами назло москалям, а челюсти сами находили друг друга.

— Це контрастний душ, Павлик, дуже корисний, ніяка хвороба тебе не візьме, — приговаривала мамка, мочалкой натирая ему плечи.

Потом они смотрели телевизор.

Президент говорил, что никакой оккупации Киева нет, что никаких условий террористов ни он, ни Рада не приемлют, что Европа уже готовит новый список санкций взамен отмененных, а американский флот везет гуманитарную помощь. И помощи этой будет — каждому. Хоть залейся по самое горлышко.

Закончил он, проникновенно глядя на мамку с Пашкой с экрана:

— З вами ми все подолаємо, і країна відродиться, тому що нам, українцям, сто сорок тисяч років.

Они снова спели гимн. Соседи в такт стучали по батарее.

К половине девятого Пашка уже был одет и собран. Все документы мамка сунула ему во внутренний карман куртки, и только квиток заставила держать в руке — очень боялась, что потеряется. В верхней одежде Пашка согрелся и даже задремал. Поэтому, когда дверной звонок неожиданно брызнул задушенной трелью, он чуть не напустил в штаны. Сердце забилося где-то в животе, и стало так страшно, что захотелось сжаться и стать не больше пылинки.

Мамка с изменившимся, бледным лицом, прижимая приготовленный сыну рюкзак к груди, подобралась к двери.

— Хто?

— Гавриленко Павел десяти лет здесь живет? — глуховато спросили с лестничной площадки.

Пашка сглотнул слюну.

— Тут, — тихо подтвердила мамка.

— На экскурсию по квитку.

— Зараз він вийде, він вже готовий, — мамка отщелкнула собачку замка и впустила говорящего в квартиру. —

Здраствуйте, пан сеп... — она осеклась и выдавила жалкую улыбку. — Не знаю, як до вас звертатися...

— Как хотите, так и зовите.

Сепаратист был громадный, слегка небритый, в теплых штанах и куртке. Разгрузка, «калаш» на плече. В ладони — планшетка с адресами. Пахло от него табаком и порохом.

— Ну, что? — присев, он большой ладонью взъерошил Пашкину макушку. — Не вмерла Украина молодая?

В серых глазах его, окаймленных лучиками морщинок, не было ни грамма веселости.

— Україна понад усе! — выдавил Пашка.

— Вот и посмотришь, — непонятно сказал сепаратист, выпрямляясь. — Вы собрали ему что-нибудь в дорогу? — обратился он уже к мамке.

— Він же ненадовго?

— Через день приедет обратно, — сказал проклятый сепар, принимая Пашкин рюкзак. — Ну, пошли, что ли?

Он легко подтолкнул Пашку к выходу.

— Синку, — вдогонку крикнула ему мамка, — не слухай, що вони тобі будуть говорити, ці сепаратисти. Україна єдина, а вони вбивці і будуть прокляті!

— Ну да, — хмыкнул гость и закрыл за собой дверь.

Они спустились по короткой лестнице мимо разрисованных свастикой стен и плакатов «Перемога!», «Голосуй за Юлію», «Проживемо і без Одеси».

Перед подъездом, заехав колесом на разбитую асфальтовую дорожку, стоял «пазик», грязно-белый, с зеленой полосой, из окон которого пялились на Пашку такие же, как он, юные экскурсанты. Пашка узнал Семку Татарчука, а еще Нику Сизовскую из одного с ним класса.

С приподъездной скамейки поднялся местный участковый, толстый, усатый дядечка, достал листик, хлопнул папочкой.

— Это все?

— Леха! — крикнул сепаратист в открытую створку. — Сколько уже набралось?

— Восемнадцать, — ответил водитель.

— Ну, наверное, хватит, — сказал сепаратист.

— Вы это... распишитесь тогда, — милиционер несмело протянул листок.

Пашка посмотрел на него презрительно.

Все нормальные милиционеры еще осенью сгнули в АТО, а этот, живой, в Киеве, перед сепаром выкаблучивается. В Киеве!

Он сжал кулаки. Эх, был бы постарше!

Сейчас, конечно, перемирие, новое разграничение, президент своей доброй волей допустил, чтобы в целях сближения детей из Киева, Житомира и Кировограда возили на экскурсии в непризнанные области. Но есть же патриотизм!

К тебе сепар, а ты ему — пулю! И хоть бы что потом!

— Ты иди, иди в автобус, недоумок, — покраснев под Пашкиным взглядом, окрысился на него участковый. — Посмотри еще мне! Люстрации захотел?

Пашка вытянул из рук сепаратиста свой рюкзак.

— Ще подивимося, кого люстрируют, — прошептал он под нос, забираясь в «пазик».

В автобусе Семка Татарчук сразу подвинулся, освобождая ему место рядом с собой, Ника Сизовская, вся в желто-синих бантиках сфоткала его на смартфон. Остальные мальчишки и девчонки были Пашке не знакомы, но он крикнул: «Слава Україні!», и ему в разноголосицу, но искренне прокричали в ответ: «Героям — слава!» Сразу стало спокойнее и вообще понятно, что они заодно.

— Был бы у меня автомат... — произнес Семка на ухо усевшемуся Пашке и глазами показал на широкую спину сепара.

— Ага, — кивнул Пашка. — Або у мене граната.

Сепаратист что-то подписывал участковому, а тот заглядывал сбоку и в конце даже пожал ему руку. Предатель с листочком!

— Ну, жовто-блакитные, — оббив подошвы от грязи, поднялся в салон сепар, — квитки все взяли?

Ему не ответили.

Пашка даже порадовался, что вот молчат они, все в синем и желтом, как флаг Украины, и сделать с ними ничего нельзя.

— Ясно, — кивнул сепар. — Саботаж. — И вдруг, стянув «калаш» с плеча, звонко передернул затвор. — Руки с квитками подняли живо!

Пашка и сам не заметил, как пальцы у него будто сами по себе выстрелили вверх. Страшное рыльце автомата смотрело поверх голов.

— Пятнадцать... семнадцать, восемнадцать, — досчитал сепар. — Поехали.

«Пазик», фыркнув, тронулся, Пашкин дом сместился и пропал, мелькнуло какое-то шествие с плакатами, они повернули, увеличили скорость, распахнулся проспект Миколи Бажана, дымный от горящих на обочинах покрышек.

Сепар сел на место рядом с водителем и уставился в лобовое стекло.

Несколько секунд Пашка ненавидящим взглядом сверлил его стриженный затылок, затем, переглянувшись с Семкой, подпрыгнул на сиденье.

— Кто не скаче — той москаль!

Семка подпрыгнул тоже.

— Кто не скаче — той москаль!

Остальные подхватили. Желто-синие волны раскачивали «пазик», заставляя его жалобно скрипеть рессорами.

— Кто не скаче — той москаль!

Весело!

Затем они спели песенку про Путина, с десяток раз крикнули про Украину и героев, смеялись и били ногами в спинки кресел. Сепар так и не обернулся.

Скоро «пазик» притормозил у блокпоста, объехал несколько расположенных змейкой бетон-ных блоков и вы-

рвался на Бориспольское шоссе. Водитель утопил педаль газа. Полетели мимо поля и домики.

— Кто не скаже...

Слова у Пашки застряли в горле. Замолчал, прижавшись к стеклу, и Семка Татарчук. Стихли голоса. По обе стороны от шоссе потянулась стащенная в кюветы разбитая техника. Очень, до дрожи, до слез хотелось, чтоб она была сепаратистская, но по камуфлированным бортам мертвых, обожженных, с дырками попаданий танков и БМП бежали белые опознавательные полосы. Валялись гильзы и железки, тряпки и какие-то бумажки, пятнала асфальт гарь. На по-весеннему голой земле то и дело возникали грядки из черных пластиковых мешков.

В мешках угадывались человеческие фигуры.

— Ще не вмерли України, — тоненько запела Ника Сизовская, и они всем автобусом подхватили, отдавая погибшим героям последнюю дань.

Пашка потер кулаком предательски увлажнившиеся глаза. Ненавижу, подумалось ему. Уроды, твари, сепаратисты, всех вас надо убить! Сепар, словно что-то почувствовав, повернул голову. Пашка спрятал взгляд и стал глядеть на носки ботинок и на болтающийся шнурок.

— Через час — остановка, — объявил сепар. — Кто хочет, сможет сходить в туалет.

— А мы едем в Донецк? — спросил кто-то с задних сидений.

Сепар усмехнулся.

— Да. В самое логово.

— А нас погодують?

— Покормят, покормят. Еще будет фильм и прогулка по памятным местам. Но это завтра.

— А зачем это все? — наивно спросила девочка, сидящая за Никой Сизовской. — Вы думаете, что мы станем думать о вас лучше? Вы же против Украины.

На голове у нее была желто-синяя пилотка.

— Я думаю... — произнес сепар, и лицо его, разгладив-

шись, приобрело странное, отрешенное выражение. — Я думаю, это как-то поможет вам самим.

Под ровный гул шин и покачивание салона Пашку сморил сон, и проснулся он только на второй остановке.

Они с Семкой выбрались из «пазика» и спустились в низинку, в заросли орешника, успевшего разродиться се-режками. Высоко в синем небе плавали перышки облаков.

Пашка долго сбрызгивал накопившимся жухлую про-шлогоднюю траву и почему-то никак не мог остановиться. То ли растрясло так, то ли чая перепил.

— Это от страха, — авторитетно заявил Семка, застег-нув молнию на штанах. — По себе знаю. — И добавил: — Может, дернем от сепаров?

Пашка посмотрел на видневшееся сквозь орешник поле и трактор, застывший на пашне.

— А квитки? — спросил он.

Энтузиазм Семки сразу увял.

— Ну да, блин, не дотумкал.

Сепар посмотрел на них, вернувшихся, с ехидной хи-трещой. Словно спрашивая: «Что, украинцы, не бежится?» Водитель, молодой парень в тельняшке и джинсах, разми-ная плечи, вышагивал перед капотом. Берцы шоркали по асфальту. Мимо проскакивали автомобили и фуры с гума-нитарной.

В автобусе Пашка перекусил бутербродами. Сало в пакете совсем размякло и жевалось как волокнистая ве-ревка. А у Семки была колбаса и огуречные дольки, но он отвернулся к окну, отгораживаясь от Пашкиных страда-ний и предпочитая жрать свое в одиночку. Вот Пашка бы, блин, поделился!

Затем появились девчонки, уходившие в какие-то со-всем далекие «кустики», и водитель, и сопровождающий сепар заняли свои места.

Тронулись.

«Пазику» махали с редких блокпостов, разбитая техника попадалась еще три или четыре раза, водитель притормаживал.

вал, объезжая полусасыпанные воронки. Мелькали, ошети-нивались досками и шифером разбомбленные дома. Вздергивались из земли обгорелые борта грузовиков. Затем перед глазами, будто кривой заборчик, проскочили самодельные кресты. Пашка сжал кулаки. Сепары! За все ответят!

Небо загустело, редкие капли нанесло на стекла.

Пашку снова сморило. Донецк — это все-таки далеко. Наверное, километров пятьсот от Киева, если не больше.

Разбудил его звонок от мамки.

— Синку, ти живий?

Мамкин голос был полон беспокойства.

— Так, тільки бутербродів ти мало поклала, — сонно ответил Пашка, все еще чувствуя в горле склизость сала.

— Так скільки було. Ну, все, цілую, а то говори ти до-рого, — сказала мамка и отключилась.

Пашка положил телефон в карман и склонился на другой бок, уткнувшись лбом в плечо сопящего Семки. Ей дорого, подумалось ему, а мы тут с сепарами воюем. И вообще, наверное, скоро победим.

Ему снилось, что сепаратисты лезут в родной двор, волнами захлестывая оградки и качели, а Пашка бьет по ним из окна короткими очередями, пулемет толстый, неповоротливый, диск с патронами, как у Сухова в «Белом солнце», сошки скачут по подоконнику. Ну и Ника сбоку мечет коктейли Молотова...

Высадили их у какой-то школы.

Было уже темно, над козырьком дымным светом горел плафон. Полная женщина пересчитала ключющих носами, вялых экскурсантов, и повела вместе с сепаром на второй этаж, полутемный, пахнувший краской и свежим деревом.

— Сюда. Только отремонтировали, — она открыла дверь в уставленное кроватями помещение, зажгла свет. — Располагайтесь.

Они побросали вещи на койки, заправленные тонкими, болотного цвета одеялами.

— Я здесь буду спать!

— А я здесь!

— А я хочу з Нікою поряд!

Сепар со странной улыбкой наблюдал, как под скрип панцирных сеток идет дележ мест.

— Хватит! — прикрикнул он, когда всерьез начал разгораться подушечный бой. — Я вам не нянька. Ну-ка, за мной на ужин.

Экскурсанты высыпали из спальни. Пашка задержался, чтобы только посмотреть, что за портреты в три ряда повешены на стене у выключателя. Оказалось, такие же мальчишки и девчонки как они. Где-то постарше, где-то помладше, первоклашки.

Глаза у всех были серьезные, Пашке даже не по себе стало.

Он привстал на цыпочки, чтобы прочитать мелкие буквы в белом квадратике с края портрета.

«Сережа Саенко, 9 лет, убит 14 августа».

— Ну ты че? — окликнул его Семка, просунув голову в дверь.

— Тут це... — сказал Пашка. — Здесь это...

— Чего?

Семка вывернул шею, чтобы позырить на фотографии.

— Вони, може, тут навчалися, — произнес Пашка.

— Ну и что? — Семка потянул его за собой. — Это ж сепары. Их еще жалеть, учились, не учились... Или ты это, — Семкины глаза расширились, — призраков боишься?

— А от якщо б ти...

— Ти, якщо б ти, — передразнил Семка. — На халяву ж кормят!

Оставив Пашку, он заторопился по темному коридору к спускающимся по лестнице ребятам. Сепар как раз остановился и, заметив отставших, махнул им рукой.

— Эй, вы там что?

— Блин, он сейчас тебе врежет! — видя Пашкину нерешительность, прошипел Семка. — Может, еще свою порцию уступишь?

— Так йду я! — разозлился Пашка.

В столовой уже гулко стучали ложками. Высоко на стенах висели плакаты «Донецк. Новороссия», «Выбор сделан!». И на каждом — сепары в камуфле, с оружием, на бронетранспортерах или танках. Подумаешь, до Киева дошли! Ничего, освободительная армия во Львове накопит силы и ка-ак врежет этим уродам! Освободит и президента, и жителей, железным катком пройдет до Ростовской области.

Кормили вкусно.

Две тоненькие девчонки-поварихи накладывали в тарелки макароны с тушенкой или мясной гуляш, наливали соки в стаканы, только не улыбались. Глядели странно, будто с трудом сдерживались, чтобы не вlepить черпаком. Пашка даже постарался побыстрее отойти от раздаточного стола, мало ли.

— Разжирили сепары, — шепнул ему Семка, нахлобучивая вилкой разом десяток макаронин, — у меня дома-то мясо не каждый день бывает.

Он запихнул наколотое в рот и, жмурясь, зажевал, заворочал щеками. Мясная подлива коричневой кровью выступила на губах.

— Надо разбомбить здесь все, — сказал он, набирая новую порцию, — а то вообще... У вас горячая вода есть?

Пашка мотнул головой.

— З листопада немає.

— Вот. А у этих... У них в спальне батареи горячие. А надо, чтоб у нас. Получается, они — террористы, но с отоплением. Разве это правильно?

Семка снова набил рот.

Пашка поковырял вилкой в гуляше, выхватывая кусочки мяса. За соседним столиком девчонки обсуждали, как скоро Украину возьмут в Евросоюз и как там, в Евросоюзе, все хорошо, и можно жить на пособие, потому что пособие, как две или три зарплаты. И все бесплатно, вплоть до массажных салонов и фруктов. Мальчишки рядом

шептались о бронжилетах, касках и дальности стрельбы. Польские бронжилеты были дерьмо, а вот новые украинские, с добавлением тонких бетонных пластин в упор держали тридцать миллиметров. «Ей-богу, не вру!» — приговаривал какой-то рыжеволосый пацан, хлопая белыми ресницами.

Сепар, прихлебывая чай из стакана, беседовал о чем-то с поварами, одна смотрела в пол, другая улыбалась. Не о булочках же?

В спальне они снова все вместе спели гимн Украины и долго скакали на кроватях, даже когда сепар отрубил свет.

— Кто не скаче — той москаль!

— Україна — в стрибку єдина!

Ночью Пашка почему-то проснулся, полежал, покрутился, слушая темноту, в которой похрапывали и вздыхали экскурсанты, приподнялся на локте.

Дурацкое световое пятно дрожало на стене, вобрав в себя несколько фотографий. Убитые мальчишки и девчонки, казалось, с затаенной обидой взирали на спящих. И на Пашку в том числе. Будто он был виноват в том, что живой.

Или в том, что они мертвые.

— Я вам нічого поганого не робив, — тихо произнес Пашка и скрестил пальцы.

Утром на него навалился Семка, будто сепар какой.

— Вставай, Украина!

— Отстань! — задушенно крикнул Пашка из-под Семки.

— Сегодня квитки отоварят, — Семка надавил на Пашку, заставляя качаться кровать. — А ты, дурень, спишь!

Они умылись в туалетах на первом этаже, позавтракали салатом из свежих помидоров и огурцов. Еще были хлеб с маслом и яйца в скорлупе, которыми тут же устроили битву: нацгвардия против сепаров. У кого яйцо побилось, тот и сепар.

Україна понад усе!

Затем появился вчерашний сопровождающий, хму-

рый, будто похмельный, построил их в две колонны и повел в город.

Только пошли они не по проспектам и не в центр, а на одну из окраин, сначала по тротуарам, бетонным плитам, затем углубились во дворы. Пока попадались люди, было даже весело. Грохнешь всей толпой, поравнявшись: «Слава Україні!» — сразу или вздрагивают, или крестятся. Или матом кроют. Смешно.

Сепары, одним словом! Ватники!

Правда, когда обезлюдело, и потянулся чахлый скверик, веселье из Пашки улетучилось, как из шарика воздух. И девчонки заглядывались.

Сепар, будто почувствовав, подгонял:

— Вперед, вперед, маленькие украинцы. Экскурсия начинается!

Микрорайон за сквериком встретил их давней воронкой, залитой талой водой. Обойти ее пришлось по мосткам. На обочине ржавел медицинский «уазик», весь в разнокалиберных дырках. Внутри болтались провода и обивка.

Было тихо. Так тихо, что Пашка нарочно пнул камешек, и он заскакал, выстреливая звуками в пространство.

— Микрорайон накрыли «градаами» после выборов, — произнес сепар, — то ли в отместку, то ли по плану. Или просто выпустили два залпа наудачу. Ваши власти отпирались потом, мол, подразделение им не подчинялось. Только... Мы все оставили как есть. Для экскурсий. Для памяти. Чтобы и вы помнили.

Голос его искажался, отражаясь от стены близкого дома, приобретал странное, металлическое дрожание. Под ногами захрустело стекло.

Девятиэтажка повернулась к экскурсантам фасадом, и две или три девчонки охнули. Казалось, от здания кто-то отъел часть крыши с верхним этажом и — насквозь — кусок в две квартиры сбоку. Отъел неаккуратно, просыпав

вниз кирпичи, штукатурку, вещи, доски, жестяные листы. Гарь пожара вылизала целый этаж.

— Здесь были убиты двенадцать человек, — глухо сказал сепар. — Одной девочке было, как вам, десять лет. Ей оторвало руку. Пока ее нашли, она истекла кровью.

— А как ее звали? — спросил кто-то.

— Оля.

— Так ей и надо, — шепнул Семка. — Родители ее наверняка были сепары.

Пашка отпихнул его подальше.

Через арку они прошли во внутренний двор. Вторая девятиэтажка не имела среднего подъезда. Вместо него был холм из бетонных перекрытий и мусора. Торчала арматура, белела чудом уцелевшая дверь. Наверху провала, с одной стороны, висело кресло, пойманное за колесико петель провода.

— Здесь вашими солдатами было отнято еще семнадцать жизней, — сказал сепар. — Никто из них не держал в руках оружия.

— Вы врете! — крикнул вдруг рыжий, обсуждавший за завтраком бронезилеты.

— Почему? — как-то устало спросил сепар.

— Потому что мы не воюем с мирным населением. Это все знают. Мы бомбим сепаратистов и террористов! Слава Україні!

Его поддержали, но нестройно и неуверенно. Пашка и вовсе шлепнул губами и замолк. Действительно ли слава?

Сепар кивнул.

— Хорошо. Пошли дальше.

Через усыпанную щепками и осколками бетона детскую площадку он повел их мимо гнутых газонных оградок, мимо одинокого крестика, скрученного из двух веточек, мимо перевернутых скамеек к просвету между домами.

Солнце, холодное, весеннее, плеснуло навстречу не греющим золотом. Затем оно протаяло, открыв Пашки-

ным глазам насыпь строительного мусора, стиснутую остатками стен. Мусор настолько слежался, что разобрать, где в нем что, было уже невозможно.

Сепар остановился.

— Раньше здесь был дом, — сказал он. — Четыре подъезда по тридцать шесть квартир. Сорок семь человек, не выехавших, не успевших спрятаться и, видимо, уверенных, что по ним стрелять не будут. Шесть детей, одному не было и годика.

Семка толкнул Пашку плечом.

— Брешет!

На насыпь взбежала лохматая собачонка и залаяла на экскурсантов. Краснела воткнутая между кирпичами гвоздичка.

— А мы стоим под Киевом, но нет, не лупим по кварталам, — сказал сепар словно бы самому себе, — хотя и очень хочется. Все, экскурсия окончена. Вас ждет обед и кино.

— А что за кино? — спросил кто-то.

— Полезное.

— Мейд ин Новороссия?

— Мейд ин Украина. Вам понравится.

На обед был наваристый, мясной борщ и рис с котлетами. Семка уплетал за обе щеки. Пашка больше смотрел на плакаты и на пристроившегося в уголке сепара. Сепар пил кофе вприкуску с сушкой. Девчонка-повариха принесла ему второе, но он мотнул головой, отказываясь. По ого-лившемуся предплечью у него, оказывается, шел шрам. Извилистый и длинный.

Это наши его, подумал Пашка.

От мамкиного звонка он вздрогнул, захотелось почему-то спрятаться под стол.

— Синку, ти квиток не втратив? — спросила мамка.

— Ни.

— Бережи. Грицько з екскурсії ковбаси і шоколаду привіз п'ять кілограм, йому з того квітку видали. Зрозумів?

— Зрозумів. Все, у нас кіно зараз.

— Ось сепаратисти прокляті!

Мамка не успела обругать донбасских — Пашка отключился.

На кино их собрали в одном из классов. Часть парт была новая, а часть — старая. Они расселись. Сепар опустил перед классной доской полотно экрана. Затем прошел перед окнами, запахивая шторы, убирая дневной свет.

— Здравствуйте, дядь Вова.

Мальчишка лет пятнадцати, коротко стриженный, неулыбчивый, притащил в класс проектор, поставил в проходе фанерную конторку, протянул провод, включил. Яркий световой прямо-угольник заполнил весь экран.

Кто-то тут же заполз «рожками» из двух пальцев под лампу.

— А это боевик будет? — спросил Семка.

Сепар посмотрел на него остановившимися глазами.

— Кому-то и боевик.

— Дядь Вова, — обернулся от проектора мальчишка, — можно я не буду снова?

В его голосе прорезались жалобные нотки.

— Хорошо, — отозвался сепар. — Только покажи мне, как тут... какие кнопки... Я же не бум-бум в мирной технике.

— Тут просто...

На экране застыла непонятная картинка, затем резкость ее поменялась, очертился человек, бегущий сквозь пламя.

— Все, ага, понял, — сказал сепар мальчишке. — Ну, ты давай.

Мальчишка вышел. Свет потух. У Пашки почему-то екнуло сердце.

— Кому станет плохо, может выползти в коридор, — предупредил сепар.

Кто-то недоверчиво фыркнул слева.

Затем началось кино. Это были жестокие, не приукра-

шенные кадры, документальные хроники послемайданной Украины, спрессованные в минуты.

Стало тихо.

Киев. Одесса второго мая. Девочки, разливающие бензин в бутылки. Ор толпы. Маски, цепи, рюкзаки. Огонь. Море огня. Прыжок из окна. Добивай, добивай, суку! Господи, что вы делаете? Остановитесь! Безумные, бессмысленные глаза. Смерть ворочается в человеческом море, под-миная отдельные фигурки. Полотно лопаты вонзается в ногу. Выстрелы. Снова огонь. Взмах руки. Ах, полетела! Колорад, гори! Колорад, гори!

Ще не вмерла Україна!

На колени! Просите прощения у людей! Вы не «Беркут», вы — убийцы! Кто не скаче — той москаль! Кто не скаче — той москаль! Безумие топит площади и скачет, скачет, скачет. Трупы лежат там и здесь, обгорелые, убитые, оставленные без помощи и участия. Кровь сворачивается на мостовых, память вглядывается седой старушкой.

Ватники! Все вы ватники! Убить, убить, убить!

Га-а, небесная сотня! Га-а, Україна понад усе! Марш-марш, правой-левой. Территориальные батальоны, бойцы национальной гвардии, добровольцы и патриоты, не дадим топтать ворогу рідну Україну! Смерть замурзаним шахтарям! Только мова! Только Украина!

Женщина лежит, обнимая ребенка. Бедро рассечено. Видны мясо и кость.

Дымки разрывов. Вздрагивает, покачивается земля. Бегут, неловко горбясь, люди. Летят щепки. Стреляй! Стреляй, это не люди — это сепаратисты!

Грохот перемальвающих асфальт гусениц. Трясется небо, прошиваемое очередью зенитной установки. Клубится пыль, укрывая лежащих рыжим саваном. Плачет ребенок, в плече застряла щепка. Звенит стекло.

Пашка забыл, как дышать. Ему выстрелили в сердце, и он умер.

Его Украина выглядывала из окопов молодыми голодными солдатыками, нетрезво покачивалась на ногах бойцами «Правого сектора», тяжело блевала, мочилась, заряжала «Грады», стреляла по своим, не забывая вещать о мире жадным до смерти ртом, тарасилась мертвыми глазами, грабила и жгла.

Он видел. Только это было еще не все.

Последние двадцать минут кино содержали фрагменты записей с камеры одного из бойцов батальона «Азов».

Снимай, Петр, снимай! Ты потом еще на развалинах Кремля меня снимешь! Не сомневайся, дойдем! Чумазые лица лезут в камеру, тычут в объектив «калашами», бойцы в разношерстной одежде гогочут и улыбаются, кто-то щурится из-под яблони, кто-то курит, кто-то жрет, доставая грязными пальцами из большой трехлитровой банки маринованные помидоры...

Снимай, Петр! Это пленный.

Страшное, заплывшее лицо. Изодранный свитер. Труссы. И голые, отливающие синевой ноги в струпьях. Это, сука, сепаратист! Шлялся по улице. Теперь вот при деле. Снимай! Пленный безучастно волочет по земле мешок с песком, чтобы закинуть его вторым рядом на импровизированный блиндаж. Он кашляет кровью. Движения его полны боли. Петр, дивись, щас я его прикладом...

Тут, Петр, дома богатые. Не пошуровать ли? А война все спит. Они же, уроды, снюхались, приютили... А мы? Они тут на наши деньги...

Снимай, Петр, мы тихонько.

Скрипит дверь, огонек зажигалки лишь слегка обрисовывает проем, старуха появляется неожиданно, привидением, набросившим платок на плечи. Ах вы, ироды! Ах вы, сучье племя! Вы чего это по чужим...

Выстрел звучит, как будто палкой ударили по железу. Старуха валится беззвучно. Сепаратистка, Петр, террористка, ха-ха! Зато никто не будет против!

Зажигается свет.

Несколько фигур наполняют ночь движением, гремят кастрюли, летят книги, скрипит мебель, кто-то поскальзывается на крови и с матом обрушивается на пол. Ты снял это, Петр? Слушай, и пожрать в холодильнике ничего нет. Спрятала, стерва старая. Мы за нее тут лишения терпим, защищаем ее... О, колбаса!

Лицо, откусившее здоровенный кусок от колбасной палки, всплывает в фокус, небритое, хмельное, морщит нос. Хочешь, Петр, часы себе с кукушкой?

Смотрите парни, кто здесь у нас!

Заспанная девочка в пижаме, моргая, закрывается от света и камеры. Она худенькая. Ей лет двенадцать-тринадцать. Любишь Украину, любишь? Мужские пальцы поворачивают ее за подбородок. Скажи в камеру, что любишь. Скажи! Девчонка отвечает еле слышно. Жмурится. В угол-ках глаз наливается слезная муть. Люблю!

А бабка твоя сепаратисткой оказалась. Да. Найдешь, что пожрать, сможешь потом похоронить. И выпить, выпить ищи. У бабки самогон должен быть.

Камера плывет, выхватывая рожи, плечи, куртку, повешенную на спинку стула, красный след ботинка, осколки тарелок, кастрюли, криво висящие часы-домик.

«Азов»! «Азов»! Слава Україні!

Колбасная шкурка вьется стружкой. Не в одно горло, Микола. Ты как сепаратист, га-га-га! Лампочка качается, бросая тени на стены. «Азов» ходит, «Азов» чешется, «Азов» пинает попадающиеся под ноги предметы, курит, сплевывает, давит «бычки» о стены.

Петр, снимай!

Девочка выходит на свет с бутылью. Светлые волосы спутались. Ее колотит. Ступни ее в бабушкиной крови.

О! Молодец! Садись с нами! Прояви украинское гостеприимство. Сколько лет-то тебе?

Звякают кружки. Булькает мутное пойло. Любишь Украину? Тогда пей. Пей. Не отворачивайся. Грудки-то и

нет почти. Хочу лапаю, хочу — нет. Сепаратистка, что ли, сука?! Ну-ка, ты че это? Куда заспешила?

Трещит ткань.

Камера не успевает отодвинуться — девчонку стучают в нее лбом. Сейчас мы тебя научим Украину любить. Вернее, сейчас Украина тебя полюбит. Вчетвером!

Не на...

Дальнейшее настолько страшно, что Пашка, наверное, закрыл глаза, если б смог. Какая-то сила, беспощадная, не человечески сильная, сжала его, стиснула до полной неподвижности, шепнула изнутри: нет уж, смотри до конца. До конца.

Изображение, прогнанное через фильтр, туманится. Но голоса слышны отчетливо. Снимай, Петро! Штаны снимай, придурок! Твоя очередь.

Камера ходит вправо и влево, ловит чужое, нахрапистое дыхание, свет дробится на пятна, горбятся тени, меняясь, прихохатывая, пошлепывая ладонями по мягкому, по живому. Лицо девчонки никак не может попасть в фокус. Не надо, шепчет она. Не надо. Я маленькая.

Ух. Ах. Поверни ее.

Затем девчонку оставляют лежать в кухне, ничем даже не прикрыв. Бледным комочком, подтянувшим колени к животу. Она тяжело, с присвистом дышит через разбитый кем-то нос.

Ну, что, слава Украине, да? Комод, наверное, домой отвезу. Хороший комод с резьбой. Что еще взять? Унитаз разве что.

Кстати, подмигивает в камеру довольная рожа. Мы сегодня, значит, застрелили двух террористок. Снайперш. Ясно?

Человеческая фигура, выдернув пистолет из кармана, ныряет в кухню. Звук выстрела короток и глух, кастрюли, и те падали с большим звоном. Ну и подпалить бы не мешало, деловито замечает кто-то. Огонь — благо великое.

Снимай, Петр!

Камера, погаснув на миг, включается снова, показывая кусты, ящики и сизую вонь выхлопа, уходящую в желтоватое утреннее небо.

Ссышь, Петр? Ничего, сейчас погоним сепаров до самой Москвы. Слава Україні! У нас — что? У нас дух украинский! Козацкий! Непобедимый! На-ка вот тебе таблечки для храбрости, водой запей. Сам не заметишь, как станешь бессмертным.

Ух, Петр, погнали!

Слава Україні! Героям — слава! Небесные тысячи смотрят на нас!

Камера с гоготом упирается в далекий лесок, приближает его, фиксирует, затем в нечленораздельном вое и дымном сполохе спотыкается, переворачивается и глядит уже только в небо.

— Все, — сказал сепар.

В классе вспыхнул свет.

Пашка с удивлением обнаружил, что не может разжать кулаки. А через несколько секунд Семка надрывно выблевал весь свой сегодняшний обед. И, кажется, кто-то еще сделал то же самое.

— Сашка! — позвал сепар. — Тащи тряпку.

Действительность для Пашки затуманилась, и очнулся он уже в автобусе.

Они ехали обратно в Киев, и вместо квитка Пашка держал на коленях большой бумажный пакет, в котором прощупывались сосиски, колбаса, то ли сыр, то ли какие-то консервы, а сверху оранжевели мандарины, пересыпанные конфетами.

Пашка совсем не помнил, ни когда получил набор, ни как оказался в «пазике». В голове у него звучало: «Не надо. Я маленькая. Я маленькая...»

Ехали тихо. Не пели, не скакали, молчали и больше глядели в пол. Пашка случайно встретился взглядом с Никой Сизовской и не выдержал, отвернулся. А Ника сразу заплакала, словно он в чем-то был виноват.

Во рту горчило, льдистая дрянь засела в груди и колобродила там, колобродила.

Я маленькая.

— Может, вы еще не совсем потерянные, — сказал сепар, прощаясь.

Была почти полночь. Мамка встретила его на пороге, кутаясь в пальто, надетое поверх халата.

— Синок приїхав! Дай я тебе, кровиночку, поцілую.

Она ткнулась сжатыми в гузку губами в холодную щеку сына.

— Ой, та гостинців від проклятих сепаратистів понавозив! Хоч такий зиск. Щоб їм згоріти, цим сепаратистам.

Пашка сглотнул. Пакет уплыл из его рук. Хлопнула дверца холодильника.

— Їсти будеш? — спросила мамка из кухни.

— Не хочу, — мотнул головой Пашка.

— А що так?

Она подошла и пощупала Пашкин лоб. Взгляд ее был так невинен, так прозрачно-чист, что что-то в нем перевернулось окончательно.

— Не хочу быть фашистом, понимаешь? — выкрикнул он, чувствуя, что еще чуть-чуть и разревется. — Фашистом быть не хочу!

И стойко снес звонкую оплеуху.

Лекарь

В Ждановку въехали к вечеру.

От раздолбанного украинского блокпоста тянуло застарелой гарью, ветер рвал целлофан с окон горевшего рядом дома. Грязными наплывами лежал нестаявший снег.

Было тихо. Ухало где-то далеко за, да и то с большими перерывами. Над крыльцом поселкового совета одиноко горела лампочка.

Речник развернул «Ниву», подал Круглову ладонь:

— Ну, все, отметишься в комендатуре, там скажут, где сможешь переночевать. Утром заеду. Паек выдали?

— Выдали.

Круглов выбрался в поздний ноябрь и хлопнул дверцей. «Нива» мигнула стоп-сигналами на повороте и пропала.

— Стоять! — шевельнулась тень у широких каменных ступенек. — Откуда?

— С Ростова, — сказал Круглов.

— Оружие?

— Нет пока.

— Доброволец, что ли?

— Почти.

— На свет выйди, — попросила тень.

— Без проблем.

Круглов шагнул под лампочку, сощурился. Тень встала с ящика, превращаясь в средних лет небритого мужика в бушлате и ватных штанах.

— Паспорт есть? Документы?

— Найдем.

Круглов сунул руку за пазуху и достал паспорт с вложенной бумажкой приказа. Мужик, раскрыв книжицу, подсветил фонариком фотографию.

— Ага. Покури здесь пока, — сказал он и скрылся с паспортом в дверях.

Круглов почесал затылок, оглянулся на темнеющее небо, на близкие дома, большинство окон которых были забиты деревянными щитами, затем сел на высокий бетонный бортик и нащупал в кармане куртки початую пачку сигарет.

Одну в рот, другую — за ухо.

Кожей он чувствовал, что в него сейчас целят один или два ствола, поэтому закуривал не торопясь, даже подул на сигаретный кончик, чтобы заалел, разгорелся — пусть видят, не нервничают.

Мужика с паспортом не было с полчаса.

Круглов успел продрогнуть и выкурить сигарету номер два. Даже подумалось: что они там, отделение милиции из паспорта пробивают?

В стороне прошмыгнул, почти сливаясь с забором и кустами на обочине, черный внедорожник. Какая-то женщина, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, прошла между домами.

— Ну, все, порядок, — вернувшийся мужик отдал Круглову паспорт. — Ты это, извини, что долго, связь барахлит.

Круглов пожал плечами.

— Мне бы по поводу ночевки.

— Это к Сергеичу. Налево и почти до упора. Он там еще.

— Спасибо.

Круглов поднялся по ступенькам. Дверь на разболтанной пружине скрипнула, не больно толкнула в плечо.

После квартировавшего в здании территориального батальона остались тряпки, бутылки, гора пакетов то ли из-под еды, то ли из-под какой-то медицинской дряни и стойкий запах дерьма. В полутьме, наступив на пластиковую, громко крикнувшую поллитровку, Круглов чуть не упал. У стен по нужному рукаву коридора лежали щепки, гильзы, крошево штукатурки.

— Разрешите?

Он просунул голову в дверь с выбитым напрочь замком.

— Что? — очнулся лысоватый, худой мужчина в камуфлированных штанах и свитере, скрючившийся под светом лампы на табурете. — Вы ко мне?

Он подслеповато сощурился, трехпалой культей опираясь на заваленный бумагами стол.

— Я — Круглов, — сказал Круглов. — Мне бы устроиться на ночлег.

— Ах, да, — кивнул мужчина, привстав, — это действительно ко мне. Луцкий, Иван Сергеевич.

— Круглов.

Они пожали друг другу руки.

— Что ж, — Иван Сергеевич опустил колпак лампы, осветив лежащую на столе карту Ждановки, испещренную пометками. — Сейчас многие дома пустуют, часть разграблена, отопления нет. Разве что центр...

— Нет-нет, — Круглов подошел к столу, — мне бы частный сектор.

— Там, конечно, люди готовы принять...

Круглов провел ладонью над картой. Пальцы кольнуло.

— Вот здесь.

Луцкий приблизил лицо к указанной точке.

— Я бы не советовал. Это Таранькиных дом.

— И что?

Луцкий помялся.

— Маринка — баба беспутая, — нехотя произнес он. — И майданутая на всю голову. У нас пол-Ждановки таких. Вроде и видели, что здесь террбатовцы творили, а все равно... Расползлись по хатам, шипят... Маринку вроде и трезвой не видели.

Круглов улыбнулся.

— Ну, не отравит же?

— С нее станется, — вздохнул Иван Сергеевич. — Так что?

Он занес оттиск над клочком бумаги.

— Давай, — махнул рукой Круглов.

Печать шлепнулась на листок, оставляя фиолетовое пятно.

— Ей потом по этой бумажке помощь выделят, — сказал Луцкий, что-то дописывая. — Так что ты ей отдай. Может, одумается баба. Дорогу найдешь?

— Да я вон по карте вижу.

— Вот здесь, — показал культей Иван Сергеевич, — двух домов нет — сожгли. Покороче будет, если напрямки. Только все же чего тебе к ней-то? Родственница?

Круглов перебрал рюкзак с плеча на плечо.

— Да нет. Посмотреть хочу.

— Ну, посмотри-посмотри.

Выйдя из поссовета, Круглов легко спустился с крыльца и зашагал по разбитому асфальту в частный сектор.

Фонари не горели. В окнах домов чудились тени, но люди там двигались или это был зрительный обман, Круглов сказать не мог.

Война, выбитая из поселка, не ушла насовсем — то чернела обгоревшим остовом грузового автомобиля, то белела стащенными в кювет бетонными балками, то звенела вылетающими из-под подошв гильзами. Тишина, необычная для жилого места, тоже была ее заслугой — Круглов не слышал ни собачьего лая, ни бормотания телевизора или радио.

Чем ближе он подходил к нужному дому, тем сильнее покалывало пальцы. У самого забора он их даже сжал и держал сжатыми, пока сетчатый забор не оборвался сваренной из стальных уголков калиткой.

Сдвинув шпингалет, Круглов оказался во дворе, не-ряшливом, неухоженном, со снегом, лежащим на грядках, и разваленной поленницей. Макушка задела провисшую бельевую веревку. Прищепки заколыхались на ней.

Дом был темен. Круглов, привстав на носки, стукнул костяшками пальцев в окно.

— Хозяйка!

Изнутри к стеклу, помедлив, приблизился огонек.

Осветилось женское лицо, вязаная кофта с воротом. Стукнула форточка.

— Чего вам? Вы кто?

— Мне сказали, вы принимаете на ночлег.

— Вы с бумажкой или без?

— Да, мне дали.

— Сейчас.

Круглов уловил шаги, затем звякнул запор, и женщина возникла в дверном проеме, скрестив руки на худой груди. Свеча, поставленная сбоку, слабо освещала ее плечо.

— Квиток дайте, — сказала она.

В голосе ее сквозило непонятное напряжение.

— Пожалуйста, — Круглов протянул клочок бумаги, выданный Луцким.

Листок был выхвачен, словно это была крупная купюра.

Женщина отвернулась к свече, сгорбилась по-старушечьи, жадно разглядывая подписи и печать.

— Заходите, — спрятав бумажку в вырез кофты, посторонилась она. — В дверь направо.

— Спасибо.

Круглов вошел в едва разбавленную мерцающим светом темноту. Дом пах сыростью и гнилью, из глубины тянуло навозом. Скрипучие половицы прогибались под ногами.

Дверь в жилые комнаты была приоткрыта, из нее выглядывал мальчишка лет шести, большеголовый, бело-брысый, в камуфляжной курточке и носках.

— Вы, дядя, к нам?

— К нам, к нам, — сказала женщина.

Она толкнула дверь через плечо Круглова.

Внутри было нищенски пусто. Безнадежно. Стол. Лавки. Голые полы. Застеленная драным пледом кровать. Такое Круглов видел в деревнях в девяностые. И то не во всех.

В горле набух ком.

Круглов шагнул, Круглов окунулся, неосознанно стараясь держать голову выше. Словно чтобы не нахлебаться этого всего.

— Мне куда?

— Сюда.

Женщина проводила его во вторую комнатку, узкую, с кроватью, окном и шкафом без створок. Стену с порыжелыми обоями украшали цветные, вырезанные из журналов и газет фотографии: президент на трибуне, президент среди солдат, президент кому-то грозит, вскинув кулак. Наверное, в адрес России.

— Чаем угостите?

Лицо женщины выразило сложную гамму чувств, но в конце концов она принужденно кивнула, вцепившись в кофту пальцами.

— Без сахара. Сахара нет.

— Ничего, — улыбнулся Круглов. — Я, если позволите, пока распакуюсь тут. Вас зовут...

— Марина.

— Очень приятно.

Круглов прикрыл за женщиной дверь. Свечу она унесла с собой, и стало темно. Синь в окне лишь слегка обозначила стены.

Рюкзак брякнулся на пол. Вжикнула молния на куртке. Круглов сел на кровать, обхватив ладонями лицо. На миг ему захотелось заплакать, но он справился.

Надо, надо работать, сказал он себе.

Всклип получился неожиданно, и ему пришлось закусить ребро ладони. Не до крови, но больно. Он посидел еще, собираясь, уталкивая слабость на дно души, затем вышел из своей комнаты в большую. Здесь горел огарок, и мальчишка рядом с огарком болтал на лавке ногами.

Где-то за стенкой пощелкивали дрова.

Без верхней одежды Круглов обнаружил, что в доме холодновато.

— Чай-то будешь пить? — спросил он мальчишку.

Тот неопределенно пожал плечами.

— Ясно, — Круглов сел рядом. — Как-то у вас тут зябко.

Мальчишка вдруг рассмеялся. В глазах его отразился свечной огонек.

— А вы, дядя, военный?

Круглов вздохнул.

— Можно сказать и так.

— А где ваше ружье или автомат?

— А мне не нужно. Я другого рода военный.

— Разведчик?

— Скорее, врач. Но особенный.

Мальчишка скривился.

— Стоматолог?

— Вовка! — прикрикнула на ребенка появившаяся из темноты Марина. — Отстань от человека! Извините...

— Андрей, — сказал Круглов.

— Андрей, пойдите сюда, — сказала она. — Здесь теплее.

— А Вовка?

— Он наказан.

В закутке стоял маленький стол с табуретами, пламенила печная пасть. Печка была сделана из бочки. Ржавая труба, изгибаясь, уходила в дыру над окном. На узких полках стояла посуда — несколько алюминиевых мисок да пара блюдец.

Круглов, испытав приступ боли и жалости, на мгновение отступил в темноту, чтобы не было видно ни глаз его, ни желваков.

— Вы садитесь, — сказала Марина.

Он, чуть выждав, сел, подобрав под табурет ноги.

— Пейте.

Марина подвинула ему жестяную кружку, парок из которой слабо пах чем-то травянисто-кислым. Отсветы свечи делали ее некрасивое лицо испуганным. Чего-то ждущим.

Круглов вспомнил разговор с Луцким.

— Это что? — спросил он.

— Чай. Смородиновый.

— Серьезно?

Он посмотрел, как тискает свою кружку Марина, и бесстрашно отпил. Чай был совсем жиденький, вкуса смородинового не чувствовалось совсем. Хоть катай на языке, хоть обкатайся. Как же они здесь это пьют?

— Вы пейте, пейте, — торопливо сказала Марина, заметив, что он поднимает голову.

— Так гольный.

— Мам! — в закуток припрыгал Вовка, дернул мать за

рукав кофты, зашептал что-то на ухо, кося на Круглова из-под челки.

— Погоди!

Марина заслонила Вовку, что-то сунула ему в руки не понятно что — Круглов не увидел. Наверное, конфету. Или, скорее, кусок хлеба. Наказанный тут же убежал. По стене, по косому обойному рисунку плеснули тени.

Круглов отхлебнул, затем поднялся.

— Вы куда? — обеспокоенно спросила Марина. — Посидите, что ж вы.

Она игриво развернула худые плечи, стараясь быть обольстительной и развратной. Ей совершенно это не шло. Но пальцы уже выковыряли верхнюю пуговицу из петли. Как висельник, она повисла на нитке.

— Я покурю на крыльце, — сказал Круглов.

— Я открою, — Марина подхватила за ним следом.

Круглов только сейчас вдруг осознал, что у нее короткая юбка в складку и голые, в пятнах синяков ноги.

Дурочка совсем.

— Марина, вы бы... — начал он, застревая в дверях.

— Нет-нет, все нормально.

Марина подсветила ему путь через сени.

— Вы лучше идите в дом, — сказал Круглов, доставая пачку. — Холодно. Или тоже курите?

Но дверь уже хлопнула, и вопрос сделался не актуальным. Н-да, курила ли ты на ночь, Дездемона?

Сырая, промозглая темень заливала все вокруг. Казалось даже невозможным существование рядом других домов, улиц, людей.

Круглов пожал плечами, запалил сигарету и, для верности досчитав до пяти, прищепил ее к бельевой веревке. Затем, пригибаясь, пошел по стылой земле в обход дома. Один раз под ногу попало полено, другой раз он больно ударился косточкой о камень, но в целом подобрался к окну в комнатку без приключений. Маленький светодиодный фонарик у него всегда был при себе. Поворот ос-

нования фонарика до щелчка — и пятно синеватого света скакнуло сквозь стек-ло. Оно прыгнуло с подоконника на кровать, а затем метко перекинулось на Вовку, который деловито вскрывал ножом кругловский рюкзак.

— Воруем?

Голос из-за стекла прозвучал, наверное, глухо, но оттого не менее страшно. Застуканный на месте преступления мальчишка с криком выскочил за порог. Освобожденная банка тушенки покатила по половицам.

Н-да, подумал Круглов, возвращаясь к крыльцу. Горловину, значит, растянуть не смог, попросил у мамки, чем вспороть ткань. Теперь по его милости зашивать.

Марина, наверное, хотела закрыться от него на крючок, но не успела — они столкнулись уже внутри, в сенях, среди пустоты и тряпок. За отступающей, испуганно глядящей на него женщиной Круглов вошел в жилую половину.

— Зачем же? — спросил он.

— А есть нечего! — выкрикнула Марина, слепыми руками пряча Вовку за спину. — Уже неделю впроголодь живем.

— Так спросили бы.

Круглов сделал шаг, и женщина отступила к стене. Глаза ее сделались тоскливыми.

— Спросишь вас!

Вовка выглянул из-под руки.

— Вы гадкий, — сказал он. — Ватник!

Круглов вздохнул.

— Странные вы.

Развернувшись, он сходил в комнатку, взял рюкзак, подхватил тушенку с пола. Вернулся и, ни слова не говоря, будто гвоздь вбивая, грохнул банку о столешницу. Затем вторую. Марина вздрогнула. За второй — третью. Распустив горловину, выбросил добавкой к тушенке два килограммовых пакета риса, две пачки галет и упаковку сахара.

— Но за это...

Марина скривила губы.

— Сынок, иди спать в маленькую, — сказала она, цепляя Вовку за плечо.

Круглов едва не завыл в голос — так было противно.

— Не надо, — процедил он сквозь зубы. — Вот этого — не надо, понятно? Мне нужен разговор. Откровенный.

— И все?

Марина посмотрела, не веря. Взгляд ее перескочил на продукты, потом вновь на Круглова.

— И рюкзак зашить, — добавил он.

— Это я хоть сейчас!

Облегчение осветило Марино лицо. Из некрасивого, помертвелого, оно вдруг сделалось ясным, почти одухотворенным.

Рюкзак из рук Круглова переключивал под свет свечи.

— Я заплатку снутри сделаю, даже не заметите, — сказала Марина. — Только, извините, я продукты похочу сейчас. Спрячу. А то что им на виду...

Она вскочила и торопливо сгребла весь кругловский паек, прижала к груди. Хлопнула дверь. И куда спрячет? — отстраненно подумал Круглов. Закопает? Или в подпол?

Вовка ковырял в носу.

— Так и живете? — спросил его Круглов.

Мальчик пожал плечами.

— А когда террбат стоял?

— Они все время пьяные были, — сказал Вовка. — Мамка с ними пила, чтоб меня не трогали. А я в сене спал.

— Ясно. А телевизора что, нет?

— Разбили.

— Все, я готова, — Марина появилась в дверях запыхавшаяся, с бутылкой мутной жидкости. Кофта топорщилась в карманах.

— Это зачем? — спросил Круглов, кивнув на бутылку.

— Ну так, откровенный же разговор. На-ка, сынок...

Она выложила перед сыном несколько белоснежных кубиков сахара. Вовка сразу сгреб их себе в кулак, один сунул в рот. Зажмурился.

Как мало надо для счастья!

— Пойдемте к печке, — сказал Круглов.

— Я, наверное, еще подтоплю, — сказала Марина. — Если разговор долгий. Вы же журналист? Или терапевт?

— Почти.

Чай в кружке был уже холодный. Круглов, взболтнув, выпил его махом. Глоток, будто ком снега, по пищеводу скользнул в желудок.

— Вовка, ты ложись! — крикнула Марина, присев у печки.

— Сейчас дососу и лягу, — деловито ответил Вовка.

Марина раздула угли, добавила щепы и два куцых полешка. Отсветы пламени заплясали на лице. Как ей не холодно? — подумал Круглов.

— Свеча еще есть? — спросил он, подмяв табурет.

— Последняя.

Марина, порывшись в оббитой тумбочке, достала искривленный стеариновый столбик. Круглов поджег свечу от вконец захиревшей преемницы, установил в центре стола.

— Садитесь.

Марина села.

— Я выпью? — она вынула из бутылочного горлышка бумажную пробку.

— Как хотите, — сказал Круглов.

Он смягчил голос, добавил в него бархатной глубины. В груди затеплело, нагнетая жар к шее. Вовка выглянул из-за угла, постоял, посмотрел и скрылся.

Марина прямо в кружку с чаем набулькала из бутылки грамм семьдесят. Перед глотком зубы ее звонко стукнули о жестяной край.

— Волнуюсь, — Марина подняла глаза на Круглова. В них стыло странное, застенчивое выражение.

— Ничего, — сказал он, — положите на стол руку.

— Какую? Левую?

— Левую.

Грязная ладонь легла на столешницу. Круглов своей правой накрыл холодные пальцы с неухоженными ногтями.

— Ай!

— Что?

— Колется.

— Так и должно быть.

Марина хихикнула.

— Похоже на свидание. Рука в руке.

— Почти, — сказал Круглов.

— А что мне говорить? — спросила Марина.

Огонек свечи дрожал между ними, отзываясь на дыхание то одного, то другого.

— Что хотите. Где муж ваш?

— Утек. Сгинул. Деньги взял, что были... — Марина отвернулась, сбивая со щеки непрошеную слезу. — Тогда как раз блокпосты появились, а он поехал за чем-то... То ли лежит где, то ли действительно бросил нас с Вовкой...

— А войска украинские?

— А с ними весело было! — с вызовом сказала Марина, глядя Круглову в глаза. — Весело! Тепло! Каждый день грели! Кричи только: героям слава! — и ничего.

Она закусила губу.

— Мы виноваты? — спросил Круглов.

Марина шумно втянула воздух.

— А кто же еще? Кто еще? Это все вы! Вы! Все вам мало!

— Разве? А откуда вы знаете?

— А у меня телевизор был! Там все про вас! Мы плохо жили, мы восстали, мы скинули старую власть. Но вы приютили! А надо было расстрелять!

— Дальше, — попросил Круглов.

Ему, в сущности, уже не надо было ничего делать, грязь, боль, безумие потянулись из Марины к нему. Он только принимал, втягивал в себя слова — жаркие, черные, липкие, страшные, клокочущие.

— Мы — не Россия, поймите вы! — закричала ему в лицо Марина. — Украина — не Россия. Мы сами хотим,

отдельно. Дайте нам! Мы ничего у вас не просим. Но вы же начинаете душить, сразу начинаете подло! У вас у самих ничего нет. Не умеете! Россия же сидит на советских запасах. Все разворовали. А когда нечего стало воровать, вы к нам! И труба вам нужна, и заводы наши нужны. Мы считали вас братьями, но вы все время с требованиями, с подковырками. Сдался нам ваш газ! Он даже бесплатный нам не нужен. У нас — дрова! Да, назло вам будем топить дровами! Что, съели?

Марина перевела дух. Хотела вытянуть руку, но Круглов не дал. Глаза ее широко смотрели в пустоту.

— Мы же все содержали! Крым был убыточный, восток был убыточный. Мы всей Украиной давали им жить достойно. Но власть, конечно, воровала. Поэтому майдан, он сам, это волеизъявление, мы прогнали Януковича. И стало лучше, свободней. Воздух очистился. За Януковича были только титушки и ФСБ. Хорошо, что он украл у вас три миллиарда! За это вы послали снайперов и взяли Крым. В нарушение всего! Там люди не голосовали, там был обман, они все сейчас плачут, потому что Россия их подло обманула! Продуктов нет, воды нет, электричества нет. А мы не даем, потому что еще приползут и попросят! Там все разрушено. Под дулами автоматов! Там сейчас в морду дают за русский язык! Да-да! Здесь, в Украине, должен быть украинский. Мы все украинцы. У нас украинский язык. А русский — не государственный, его не будет. Это не запрет, но зачем он нам? Это язык угнетения, язык лжи. Это временная мера, что мы все говорим на нем.

Марина, не глядя, поймала бутылку свободной рукой и хлебнула прямо из горла.

— Мы воруем газ! — она рассмеялась. — Как мы могли? Это ложь! Это же европейский газ. Украина хочет в европейскую цивилизацию, поэтому смешно! А вы навязали нам грабительский договор и хотите, чтобы мы не воровали? Даже если мы и взяли, это же вам даром досталось. Жалко вам, да? Мы — мирные. Мы не жгли. В Одес-

се была провокация. Там случайно сторели. Случайно! Но это правильно! Они шли против Украины. Почему? Что страна-то им сделала? Теперь-то, конечно, можно выть! Я бы плюнула на их могилы, на кости их...

Марина моргнула.

— Еще, — сказал Круглов, чувствуя, как пот скользит по лбу и пропитывает брови и ресницы.

Ему казалось, все сказанное Мариной, все пойманное им раздраженно жужжит внутри, в животе, в груди, в горле, колется, жалит, хочет вырваться из ловушки. У каждого слова — острые уголки. Украина. Огонь. Смерть.

Он прикрыл глаза.

— Дальше.

— А дальше что? — усмехнулась Марина. — Дальше вы подняли Донбасс. Мало вам Крыма было! Мало! Самолет сбили, упыри! У всей вашей власти, у вашего Путина руки — по локоть в крови! Ваш «бук», ваши ополченцы! Наших там не было, никто не видел, как стреляли, а фотографии — неправда. И диспетчер — постановка. А самолет должен был упасть на вашей территории, чтобы вы были точно виноваты. Упыри! Кровопийцы! Так и жадете большой войны. Но у нас нет войны, у нас — антитеррористическая операция. У нас — добровольцы, любящие Украину. И у них есть право уничтожать тех, кто Украину не любит! Кто поддерживает террористов! Даже женщин, даже детей! Потому что они нелюди! Мы к ним со всей душой... Мы не бомбим, не стреляем, но они же ненавидят нас, ненавидят Украину, ненавидят майдан и данную им свободу. Как с такими быть? Конечно, надо лишить их всего! Они недостойны жить. Они недостойны украинской любви. Пусть как хотят, но без нашего электричества, пенсий, денег...

Круглова затрясло, но он сцепил зубы, грудью налег на стол. А Марина продолжала:

— Вы же сами их обстреливаете, чтобы потом сказать, будто это мы, украинцы, обстреливаем. Террористы наси-

луют и грабят, а у наших — приказ: не поддаваться! Мы защищаем! Голодные, без одежды, со старым советским оружием. Разве солдат не имеет права взять что-то, раз он защищает? Имеет! Но это единичное. Только там всех надо... Мы двадцать лет с ними, один язык, одна страна, а они! Кто они? Предатели! Что им Россия? Их за это надо в лагеря, в рабы, пусть искупают! Надо жестко, надо, чтоб страх был, чтобы мова от зубов... Кто не знает, того вешать! — Марина взвизгнула. — С нами вся Европа. С нами весь мир. ООН! Нас поддержат! Мы вбомбим Донбасс в шахты! И настанет мир! Мир! Украина... Укра... Ук...

Глаза Марины расширились. Рот по-рыбьи беззвучно хлопнул. Она, выпрямившись, застыла.

Круглов отнял руку от ее ладони. Пальцы совсем не чувствовались. В плече засела тупая, ноющая боль.

— Укра... — прошептала Марина.

Взгляд ее, обретая осмысленность, поймал в фокус Круглова. Несколько секунд она словно не могла справиться со своим горлом.

— Украина, — наконец произнесла она слабым голосом, — не Россия...

И скривилась, словно от непонятной горечи.

— Украинцы, — прохрипела она, — исключительная нация.

Ее вдруг перекосило, будто слова отдавали отвратительной тухлятиной. Круглов смотрел, как колеблется в настороженных глазах пойманные свечные огоньки.

— Что? — проговорила Марина тихо. — Что вы сделали со мной? Верните, верните, пожалуйста. Я прошу вас, верните!

— Что вернуть? — спросил Круглов.

— Я не хочу! — вскрикнула Марина. — Вы что, не понимаете? Я хочу сойти с ума! Здесь нельзя без этого! Как жить? Здесь нельзя нормальному, когда тебя вчетвером, впятером, взводом... Среди сумасшедших можно быть только сумасшедшей. Что вы сделали?

Она всхлипнула.

— Марина... — сказал Круглов.

— Верните! — вскинулась женщина. — Пожалуйста! Верните меня туда! На Украину верните, в тот мир! В тот! Ее худой кулачок стукнул ему в грудь.

Круглов неловко отклонился, потом, поднявшись, неловко выставил руки — и Маринины удары обессилено заклевали предплечья. Один, случайный, правда, достал скулу.

— Верните! Как мне жить? Как? Я не хочу... Понимаете?

— Марина...

Круглов кое-как прижал женщину к себе.

Вовка, прибежавший на крик матери, вцепился ему в ногу.

— Оставьте маму!

— Господи! — заревела Марина, вырываясь. — Почему, Господи?! Я не хочу думать! Я хочу, как раньше. Мне страшно, поймите, страшно!

Круглов все же удержал ее, и она, вздрагивая всем телом, в конце концов наклонилась к нему, прильнула, утонула щекой в плече. Устало, с черными мушками в глазах, он подумал: как бы не упасть, не грохнуться вместе на пол. Потом и не подняться будет.

Затихший Вовка обнимал ногу — не вырвешься.

— Вам надо поспать, — сказал Круглов, отворачивая нос от жестких, невымытых Мариновых волос. — Вовка, давай, отведи маму...

Он кое-как отлепил их обоих от себя.

— А я покурю на улице. Давайте, ложитесь...

Его шатнуло, но ноги на автопилоте довели до крыльца сквозь сени. Он не сразу даже попал сигаретой в рот. Подавился коротким, кашляющим смешком — вот мазила-то! С пятого или шестого раза закурил.

Тусклые звезды Донбасса мерцали во тьме над головой. Безучастные, холодные.

Затянуться полностью не получилось — его повалило на стылую землю, и сигарета брызнула искрой во мрак.

Круглов задергался, засучил ногами, дыша тяжело и хрипло, выскуливая отдельные слога и звуки. Слова Марины умирали в нем, раздергивая тело на части, заворачивая руки, разбивая губы о хребет замерзшей грядки, заставляя сжиматься и изворачиваться от боли.

Ватники! — толкалось изнутри. Ла-ла-ла-ла! Уроды! Сжечь! Только люстрация... Доблестная украинская армия... Любишь Украину? Надо любить! Мы тебя заставим... Ще не вмерла... Ну, повторяй, повторяй, не ной, сука... Ще не вмерла...

Пять, десять секунд. Или минут?

Затем было удивительно сладко лежать, не чувствуя ни холода, ни времени, ощущая лишь яс-ную пустоту.

Где-то рядом шевелило ветвями дерево. Упокаивающе: ш-ш-ш, все хорошо, все кончилось.

Круглов поднялся, кое-как отряхнулся, ощущая руки палками, сбил землю и снег с лица. С трудом сообразил, нашел глазами темную глыбу дома.

На ошупь он добрался до узкой своей кровати в комнате и, не раздеваясь, рухнул в мертвый, без сновидений сон.

Утро вползло в сознание Круглова шорканьем веника по полу.

Ших-ших. Тишина. Сизый утренний свет с красной рассветной полосой на стене. И снова — ших-ших.

Круглов оторвал голову от кровати.

В неплотно прикрытую дверь виделся сосредоточенно подметающий пол Вовка. Пыль и крупички земли, маневрируя, будто армии перемещались с места на место.

— Эй! — позвал Круглов. — Сколько времени?

Вовка подбежал к двери.

— А вы, дядя, уже проснулись? — спросил он, зажмурив один глаз.

— Да, — Круглов сел на кровати.

— Ура!

Вовка исчез, простучали по полу ботинки, с натугой скрипнула входная дверь. Холодный воздух пошевелил занавески.

Круглов вздохнул, почесался и обнаружил, что куртка его, почищенная, висит в шкафу на гвозде, а у рюкзака, лежащего на полу, линия ножевого разреза стянута аккуратными стежками. Сделалось вдруг легко.

Круглов натянул не первой свежести носки, боты, в которых вроде бы и уснул, но во всяком случае, не помнил, чтобы снимал их ночью.

— Вот, мам, он проснулся уже!

Круглов вышел в большую комнату в самый раз к появлению Марины с сыном.

— Здравствуйте.

Марину было не узнать.

Вместо легкого платья появилось худое пальтишко, вместо короткого бесстыдства ноги до колен закрывала плотная, вручную сшитая юбка. На голове — платок. Но главное было в другом. Лицо Марины светилось. Круглов видел много таких лиц, но каждый раз в нем оживало трепетное ощущение чудесного преображения. Словно новый человек вылупился из старого, пророс и новыми глазами посмотрел в мир.

Губы у Круглова дрогнули.

— А мы вас ждали, чтобы позавтракать! — радостно сказала Марина.

Она свалила к печи нарубленную щепу.

— Все хорошо? — спросил Круглов.

— Да, — сказала Марина, гремя чем-то в закутке. — Я... даже не знаю... словно по воздуху хожу.

Она появилась, держа маленькую, попыхивающую паром кастрюльку за продернутое через ручки полотенце.

— Рисовая каша. Не на молоке, конечно. И хлеба нет.

— Ерунда, — сказал Круглов, усаживаясь.

— Ерунда, — повторил Вовка, забираясь на лавку.

Марина поставила кастрюлю, зачерпнула ложкой. Хлоп! — островок каши в одну миску. Хлоп! — в другую.

— Ешьте.

— Горячая! — заулыбался Вовка, утонув мордочкой в пару.

Марина потрепала его по макушке.

— Вы знаете, Андрей, а мне жить хочется, — произнесла она, глядя на Круглова светящимися глазами. — Вроде как смысл жить появился. Светло на душе. Наревелась, конечно, вчера. И перед людьми стыдно... Очень стыдно. Но все равно... Я словно заново... Спасибо вам!

— Ничего, все образуется, — сказал Круглов.

— И еще! — Марина метнулась в сени и вернулась с банкой тушенки. — Вот, нам двух хватит. А там как-нибудь. Вы же тоже...

— Спасибо, — улыбнулся Круглов.

Речник ждал его на площади у поселкового совета.

Круглов кинул рюкзак на заднее сиденье «Нивы», втоптал в землю окурок и сел рядом с водителем.

Моросило. По лобовому стеклу елозили «дворники».

— Куда сейчас? — спросил Речник.

— Карта есть?

— В бардачке.

Круглов отщелкнул замок, достал карту, разложил, расправил ее, поплыл пальцем по области, над кружками населенных пунктов.

Пальцы кольнуло.

Круглов приблизил карту к глазам, разбирая название.

— Похоже, в Николаевку, Харон, — сказал он.

— Какой я тебе Харон! — фыркнул Речник. — Мы что, души с тобой перевозим с берега на берег? С живого на мертвый?

— Почти, — вздохнул Круглов. — Только наоборот.

Лариса Мосенко

ДВЕ ВОЙНЫ

В Краснодар война пришла в июне. Первые глухие разрывы оповестили нас о том, что украинская армия приблизилась к городу, а значит судьба ежедневно обстреливаемых Славянска и Краматорска, судя по всему, теперь ждет и нас. Странное дело, но эти страшные и пока что непривычные нашему мирному уху звуки ничего в одночасье не изменили. Люди все так же гуляли по улицам, спешили на работу, занимались своими обычными делами.

Мы тоже делали вид, что ничего страшного не происходит. Храбрились, пока что без усилий пряча за напряженными улыбками начинающий копиться страх. Снаряды еще не летали над нашими головами, мы находились вне зоны досягаемости артиллерии храбрых укровоаяк и жили наивным убеждением, что скоро все образуется. Но ежедневные видео и фото из стонущих под молотами укороартиллерии городов к западу от нас не давали никаких поводов для оптимизма...

А потом начались бои за пограничье, Луганск оказался в частичном окружении, ВСУ прошагали по южному подбрюшью бывших Луганской и Донецкой областей и притащили с собой войну. Первые минометные обстрелы выбили из наших наивных голов остатки показного самообладания, и потянулось кроваво-пыльное шумное лето 2014-го.

За пару недель город опустел едва ли не наполовину, вымер, обезлюдел, притих. Ожесточенные бои в округе

каждый день гнали людей к границе, где уже скапливались толпы беженцев, жаждущих оказаться в безопасности. А мы остались, как и сотни других. Бежать нам было в сущности некуда. Первый порыв схватить все самое необходимое и рвануть куда глаза глядят спал сразу же после того, как на смену одной наивной мысли «авось пронесет» пришла другая — «отсидимся в подвале». Никто не думал о том, что в один из дней мы просто не успеем до него добраться. Да и подвал панельной многоэтажки — не самое надежное убежище. Теперь это знает любой из так называемой «зоны АТО». Необходимое, но такое горькое знание...

Так мы и стали жить в пугливо замершем городе под звуки лежащих совсем рядом визгливых мин, под тяжелые вздохи «Градов», под страшный шорох приближающихся истребителей и гул проходящей в предрассветье «военторговской» техники.

* * *

День выдался странный, не по-летнему холодный и дождливый. Правда, карателей это не останавливает, и на подходах к городу продолжаются бои, гул артиллерий сегодня слышен особенно отчетливо. С утра и до раннего вечера провели в подвале с притихшими, уже уставшими обсуждать последние фронтовые новости соседями по подъезду. Очередной день, который должен был заполниться полезными делами, потерян, безнадежно похоронен, съеденный тревожным ожиданием нового обстрела.

Вздохи тяжелых орудий на какое-то время затихают. Проходит час, другой — и уже начинаешь верить в то, что больше никогда их не услышишь. У меня, наконец, иссякает всякое терпение и силы продолжать сидеть в тесной подвальной каморке. Встаю, чтобы подняться в квартиру, но мама просит остаться, в ее глазах от бомбежки до бомбежки уже не успевают вытаивать затравленность и страх.

— Есть хочу, — я стараюсь экономить слова. — Если вдруг начнется, сразу прибегу. Или в ванной спрячусь.

— Хорошо, — она, конечно, соглашается, не зная, что у меня на уме сегодня больше сюда не спускаться.

В конце концов, у нашей семьи относительное преимущество — живем на первом этаже, и до подвала рукой подать. Так что добежать успею. Наверное.

В квартире прохладно, пусто и темно — днем пропало электричество. Скорее всего, где-то из-за непрекращающихся боев повреждена линия электропередач, или один из снарядов угодил в ТЭС. Это кажется сущей мелочью по сравнению с тем, что дом наш все еще цел. Как-нибудь переживем. Без проточной воды было бы куда хуже.

Несмотря на прохладный вечер, окна везде открыты — за это лето мы привыкли прислушиваться к малейшему шороху, нам просто жизненно необходимо слышать улицу. Кругом тишина. Отыскав свечку, наскоро ужинаю, каждую секунду против воли ожидая возобновления «воспитательных мер» от ВСУ. После ужина всякие остатки благоразумия окончательно меня покидают. Нет, хватит с меня на сегодня подвала. Будь что будет.

Заняться нечем, вокруг темнота. Сажусь в прихожей пустой и тихой квартиры подальше от окон. Просто сижу. Наверное, впервые за довольно долгое время выдался момент подумать обо всем, что происходит. Но я не знаю, как и зачем. С одной стороны, все вроде бы совершенно ясно, с другой — все очень тяжело и запутано. Мы ощущаем себя жалкими, ничего не стоящими, брошенными, застрявшими в страшной огненной трясине без надежды на помощь и поддержку. Может быть, по этому поводу даже не грех и всплакнуть. Но слезы почему-то не идут на глаза. Нет, плакать не хочется, хочется свернуться в тугий клубок и залечь в самый темный угол, где тебя не достанет ни пуля, ни снаряд, ни холод, ни голод.

Совсем скоро в замке начинает клекотать ключ, и мама с уже привычным обеспокоенным видом застывает на пороге:

— Поела?

— Поела.

— Что сидишь тогда тут, в темноте? Пойдем в подвал. Там хотя бы фонари.

— Не пойду. Уже несколько часов тихо, дождь все сильнее. Сегодня стрелять уже не будут, вот увидишь.

— И все-таки лучше бы спуститься...

— Мам...

Мама разучилась спорить, не хочет лишних ссор. Меня оставляют в покое. Ближе к ночи все остальные тоже потихоньку расплозаются из подвала по квартирам. Там уже заметно похолодало, сгустилась сырость, а продолжительная тишина убедила сидельцев, что эту ночь можно рискнуть переночевать в своих постелях.

* * *

Сижу под одеялом, понимая, что все равно не засну. Это лето приучило меня засыпать не раньше шести утра — тогда просыпаются родители, и я могу сдать им вахту, чтобы не проморгать очередной авианалет или артудар. От свечки осталось не так уж много, а новой у нас нет. Вопиющая безалаберность: никаких НЗ на черный день мы не делали, свято надеясь на то, что война обойдет нас стороной. Тогда закупать тушенку, соль, спички, свечи казалось нам верным способом позвать войну к себе не порог, смириться с ее существованием, поверить в нее, наконец, по-настоящему. И мы не хотели. А теперь вот он, жалкий огарок... Я подтянула колени к груди и опустила голову, следя за прыгающим желтым огоньком...

* * *

Я сижу на деревянной лестнице в тесной кладовке бабушкиного дома. Бабушка рядом жарит на старой электрической печке сладкие, вкусные оладьи. Масло шипит

и плюется крохотными колючими капельками, сверху из маленького окошка брызжет медовый солнечный свет, в котором беззаботно порхают пылинки.

— Ба, а где ты была, когда началась война?

Красуясь зажаренным боком, пухлая оладья шлепается в широкую тарелку.

— Мы с рынка как раз ехали, с города. Приехали, а нам говорят: «Война началась».

— Страшно было?

— Да как сказать... Мы еще вроде как не понимали, что оно такое — война...

Я вот тоже могу себе представить, но понять и почувствовать не получается. На дворе мирное солнечное лето, а о войне я знаю только из фильмов и телепередач, из книжек и из бабушкиных рассказов. В школе нам тоже рассказывают о войне, но она больше напоминает безликие сухие хроники с обилием цифр и фамилий, за которыми не разглядеть человеческой трагедии и покаленных судеб. Поэтому я люблю раз за разом спрашивать бабушку о страшных сороковых так, будто делаю это в первый раз. Она не возражает, она любит свои воспоминания.

— И ты сразу на фронт решила пойти?

— Сразу не получилось. Мне шестнадцати еще было. Не брали.

Я же знаю, как ей удалось туда попасть, но все равно с удовольствием жду ее пояснения.

— Жорж тогда работал в паспортном столе. Он мне лишний год приписал. Так и попала на фронт.

Жорж — старший брат. Именно благодаря ему пятнадцатилетняя Анастасия за миг повзрослела сразу на год. Повзрослела и отправилась на войну, но не убивать, а спасти жизни.

— На санитарном поезде весь Союз объездили.

— Даже представить сложно...

— Да... Где только ни были.

— И немцев раненых подбирали?

— Подбирали. Конечно, подбирали. Всех подбирали.

Я невольно ежусь. Для меня все немцы — фашисты. Краснодонцам это слово хорошо известно не только из учебников и фильмов.

— И не страшно вам с ними в одном поезде было?

Бабушка задумчиво улыбается:

— Первое время я к ним не ходила — их в отдельном от наших раненых вагоне перевозили. Но раненые — они везде раненые. Лежат, беспомощные. И я со временем перестала их бояться.

Я тогда еще не понимала, почему наши лечили врагов, ведь они враги! Я тогда еще не понимала, что война — это куда больше и сложнее, чем битва своих против чужих.

— И как ты вообще там находилась?.. Я бы не смогла. Ну, знаешь, кровь и все такое.

Я снова вижу ее улыбку. Оладьи прыгают со сковородки на тарелку, масло шипит, а на меня в мгновение ока надвигаются картины войны. Сквозь дожди и метели по бесконечным стальным колеям бесстрашно мчится санитарный поезд-крестonosец от одного поля сражения к другому через городские ж/д узлы, где безостановочно сгружает и принимает все новых и новых жертв той страшной, бесконечной бойни...

— Я самой младшей была, меня все опекали.

— Но за больными-то ходить все равно приходилось.

— Конечно. Ой, помню, было дело: грузят солдата и меня зовут помочь. Подбегаю, смотрю: а у него лопатка на честном слове держится, так что сквозь рану легкое видно. Ой! — бабушка качает замотанной в цветастый платок головой, но улыбка не покидает ее губ, а морщинки у глаз становятся еще глубже. — Как стояла там, так и упала. Долго привыкать пришлось. У меня от этого на нервной почве сыпь пошла по телу. Так меня и в простыни мокрые заворачивали и что только не делали. Но ничего-ничего, время прошло, привыкла...

* * *

В воспоминания врезается неясный отдаленный гул. Вырванная из странной полудремы я поднимаю голову и прислушиваюсь — как будто тихо. Дождь продолжает шелестеть по листе мерно и успокаивающе. Гул повторяется, и я понимаю, что это всего лишь отголоски грома. Слава богу, ложная тревога. И я снова кладу голову на колени, я не закончила беседу.

* * *

Оладьи высятся на тарелке аппетитной золотисто-коричневой горкой, но я сдерживаюсь, решив дождаться чая. Я хочу услышать что-нибудь новое. Что-нибудь такое, о чем бабушка еще не рассказывала.

— А кормили вас как?

— Кормили хорошо. У нас и масло сливочное было, и чай, сахар и молоко. На Новый год, помню, даже икру доставали! Санитарный поезд все-таки. У нас отдельный вагон был для продуктов, с ледником.

— Ну да, — притворяюсь осведомленной. — Раненым же питаться нужно было хорошо.

Бабушка кивает.

— То есть праздники вы праздновали?

— Праздновали, а как же?

Мне это представляется невероятным. Война кругом, а люди не унывали. Я бы так не смогла, просто духу и смелости не хватило бы радоваться. Господи, как хорошо, что у нас нет и никогда не будет войны!

— И что, прямо в поезде и праздновали?

— Прямо в поезде, — лопатка ловко поддевает оладью и опрокидывает ее сырым запузырившимся боком в кипящее масло. — Гитара была, и девочки у нас так красиво пели! У Тома голос был сильный, звонкий. К нам в вагон часто легкораненные приходили ее послушать.

Сюрреалистичная картинка и в то же время такая жизненная.

— Ба, а под бомбежку попадали?..

— А то.

Знаю, что попадали, но каждый раз от этих рассказов внутри все сжимается от тягостных ощущений.

— И как это было?

— Да как... Начинают бомбить, поезд останавливается, мы высыпаем все из поезда и вниз, на землю.

— А раненые как же? — ахаю я.

— И раненых вытаскивали. А как же?

— Под бомбежкой?

— Под бомбежкой. Было такое: у нас в один из вагонов снаряд попал, но он, слава богу, тогда пустой шел. Дошли до следующей станции, отцепили...

— Просто счастье какое-то, что тебя ни разу не задело.

— Раз осколком ранило.

А вот об этом я слышу в первый раз.

— В ногу, но легко. Вытащили сразу, даже шить не пришлось.

* * *

Тяжелый гул вновь прерывает мою странную дрему. Теперь он слышался отчетливо: мерный, низкий, странно убаюкивающий. Я, кажется, знаю, что это. Выбираюсь из постели, стряхивая с себя остатки сонливости, и на цыпочках крадусь в дальнюю спальню, становлюсь у окна. Тут гул слышен совершенно четко — это идет наша техника. Ополченцы перекидывают свежие силы ближе к границе или, возможно, идут на Луганск — там сейчас так же несладко, как и у нас. Небо из серого постепенно перекрашивается в нежно-голубой. Сейчас самое время подремать. Ночь прошла спокойно — наверное, стоит поблагодарить дождь. Эта ночная вахта далась мне без особого труда — спасибо бабушке.

Я возвращаюсь в постель, задуваю крохотный огарок и уже почти проваливаюсь в сон, когда где-то на грани слы-

шимости в мозг, словно горячий нож в масло, проскальзывает пока едва различимый шорох. Страшный шорох. Я вскакиваю, зная, что времени у нас меньше минуты.

— Ма! Па! Самолет!

Родители выпрыгивают из постели в мгновение ока, сонные и растерянные.

— В подвал не успеем, — шорох неумолимо приближается. Теперь его уже хорошо слышно. Где-то наверху хлопает балконная створка — соседи тоже начеку. — Давайте-ка в прихожую.

Все троим становимся у входной двери в глухой угол, подальше от окон. Во дворе уже слышны чьи-то взволнованные голоса. Ну, куда же они на улицу-то высыпали? Вокруг ведь многоэтажки: груды бетона и стекла. Я не успеваю додумать свою мысль, отчетливо слышу низкий вой «сушки» над головой, так словно хищник проходит прямо над крышей нашего дома. Короткое свистящее шипение и раскатистый треск взрыва. Мы невольно ойкаем, вижу мамины округлившиеся глаза и спустя пару секунд тишины глупо хихикаю. Ноги ослабели от облегчения — близко, но не в нас.

Гул и шорох начинают стихать, но это еще не значит, что нас оставили в покое. «Грач» вполне может зайти на второй круг.

— Постоим еще чуть-чуть, — моему предложению никто не возражает. Секунды текут нехотя, дольше оставаться в неизвестности выше всяких сил.

— Вроде тихо, — мама боязливо вытягивает шею, заглядывая в кухню. — Куда же это он так шарахнул?

Отец шагает на балкон — голоса на улице все громче. Слышно как кто-то с верхних этажей авторитетно информирует, что попали куда-то в район ГШО — оттуда сейчас поднимается столб густого дыма.

А днем мы узнали, что артиллерия ополчения накрыла колонну ВСУ у Зеленополя. Это едва ли не первая новость о том, что наши дают отпор карателям, пришедшим

«освободить» краснодонцев от «террористов». На душе становится чуточку легче. А вдруг нам еще удастся спастись?..

* * *

Два блаженных дня проходят в относительном затишье, создавая хрупкую и обманчивую иллюзию окончания войны. Первые залпы «Градов» разрушают ее около двух часов ночи. Стекла в оконных рамах мелко дребезжат, пол под вмиг ослабевшими ногами превращается в зыбучий песок.

Родители уже на ногах и, спешно накидывая на себя верхнюю одежду, готовятся выбегать из квартиры. Подъезд оживает: с верхних этажей спешат вниз полусонные соседи. Никто не галдит и не гомонит, как в первые дни бомбежек, — топают с хмурыми, сосредоточенными лицами.

Не проходит и десяти минут, как мы в подвале. Кто-то тут же обустроивается, чтобы продолжить прерванный сон, кто-то слишком для этого взбудоражен. Мама держит на коленях объемистую сумку с самыми необходимыми вещами, деньгами и документами, зевает. Мой сон где-то слишком далеко, чтобы попытаться кануть в него до окончания бомбежки. Все мысли сосредотачиваются на брате: у него сегодня последняя смена перед отпуском. Рядом сидит его девушка Ирина, и в ее глазах я вижу отражение собственных страхов. Она сжимает в руках телефон, и я знаю, как только наступит относительное затишье, тут же выберется наружу и попытается дозвониться.

Бьют где-то очень близко. Слышны залпы и спустя 10—12 секунд — разрывы снарядов. Иногда в ночное небо взмывает сразу целый пакет, иногда шумят одиночные.

— Ну вот и кто их разберет, наши или не наши? — ворчат соседи.

— Вот если залп слышнее, чем разрыв, то наши.

Мы напряженно вслушиваемся, пытаюсь определить. Наши выводы разнятся. Через какое-то время разрывы становятся слышнее.

— Вот это уже ответка от укровояк пошла, — делится кто-то авторитетным замечанием.

— Н-да, похоже на то...

Спустя полтора часа самые смелые выползают наружу покурить, потому что вот уже десять минут над городом царит тишина. Ирина выскакивает, чтобы попытаться дозвониться Сашке. Я просто брожу по двору. Небо начинает светлеть, от недавно лютовавших «Градов» над онемевшим городом поднимается сильный ветер и кто-то замечает, как в стороне шахт поднимается столб дыма. Мое сердце начинает биться, как кузнечный молот. Ира убирает телефон и обхватывает себя руками.

— Связи нет? — спрашиваю.

— Связь есть. Трубку не берет.

— Работает, наверное, — слежу, чтобы голос не выдавал моей внезапно вспыхнувшей паники.

Ирина кивает и снова хватается за телефон. Спустя несколько минут обстрел возобновляется, и мы спешим в подвал. Трубку Сашка так и не взяла.

Внутри прохладное сонное царство. Немногие бодрствующие молчат — такой сильный и продолжительный обстрел мы переживаем впервые. Отец, сидя на лавке, дремлет и мама вроде бы тоже. Тем лучше, иначе мое всевозрастающее беспокойство непременно передалось бы им.

В конце концов, невзирая на все тревобления, сон смаывает и меня. Я клюю носом прямо на низкой самодельной лавке, мечтая только о том, как бы растянуться во весь рост на кровати, послав войну к черту. О брате стараюсь не думать — сейчас мы совершенно бессильны что-либо предпринять. Но я знаю, как только затихнет и эта волна обстрела, Ирина снова ринется звонить.

Еще через полчаса удается наконец дозвониться. Смена почти закончилась. Да, снаряды рвались в непосред-

ственной близости от шахты, но у них все живы. Страх понемногу отпускает, и под самое утро меня отправляют в один из отсеков подвала на импровизированный лежак хоть немного вздремнуть. Я не сопротивляюсь.

— Ба, у вас же столько раненых было. Прямо, считай, настоящие герои. Нравился кто-нибудь?

— Ой! — бабушка смеется, заливая в старый фаянсовый чайник крутой кипяток. — Я была очень стеснительной. Девчонки, бывало, бегают, зубами блестят, прихорашиваются, если кто в вагон заглядывает. А я не могу. Сяду себе в уголочке тихонько или говорю, мол, пойду белье гладить. И сбегая.

— Ну, я не поверю, что вообще никто не нравился, — сердце восторженной школьницы требует романтики, да настоящей, а не той, которую выдумывают в книжках.

— Был один, — бабушка уже не улыбается. Горячий крепкий чай льется в чашки. Я не спешу хвататься за оладьи, застыв в ожидании. Эту историю я тоже слышу в первый раз.

— Его Алексеем звали. Летчик. Красивый, высокий, голубоглазый, волосы светлые и густые-густые! Вот такая копна! А я что, мышка серая: худющая, с тонкими косичками, платья на мне болтаются. Не верила я, что он это серьезно.

— Ба, ну это глупости. Честное слово, разве в красоте дело? Ты бегала от него что ли?

— Бегала. Он как ни зайдет к нам в вагон меня спросить, а я говорю девчонкам: «Скажите, что на дежурстве. Нет меня».

— Вот надо же! — я досадливо морщусь и дую на горячий чай. — Ну а он что?

— Не отставал. Я говорю: «Вот что ты за мной ходишь?» А он...

Между нами опускается молчание — тяжелое, прямо-таки неподъемное, и я просто не решаюсь спрашивать дальше.

— Мы прибыли в Орел, и там с другими ранеными его транспортировали в местный госпиталь.

— И ты больше никогда его не видела? — моему огорчению нет предела.

— Нет. Но он письма слал... Он погиб в сорок втором. Мне сказали, сбили его под Орлом.

Молчание снова овладевает нами. Я невольно шмыгаю носом. Война — жестокая, ревнивая стерва...

* * *

Из сна меня вырывает родной голос, я открываю глаза, вглядываясь в тусклый свет фонаря, освещающего переднее подвальное помещение: брат вернулся. Обнимает Ирину, рассказывает о том, что случилось на шахте. Слава тебе господи, целый и невредимый. И только после этого я проваливаюсь в долгий и глубокий сон безо всяких сновидений.

Та ночь оказалась самой тяжелой и длинной для нас за всю войну, но именно она положила начало Южному котлу и постепенному оттеснению частей ВСУ и нацгвардии от границ города на юго-запад.

* * *

— Ба, а ты помнишь, как объявили Победу?

— Конечно, помню. Мы прибыли на станцию, а нам кричат: «Все, закончилась война!» Вот так мы и узнали.

* * *

Во уже два года, ба, как я не могу больше попросить рассказать тебя о твоей войне. Но теперь сама смогла бы рассказать тебе о своей — о той невозможной и невероятной, в которую я, расспрашивая тебя, никогда и ни за что бы не поверила...

Михаил Надежин

МОГИЛЬЩИК

— Иду-иду, что греметь-то?! — дед Василий, пожалуй, самый старый житель маленького шахтерского поселка, что возле Горловки, не зажигая света, ногами нащупал под скамейкой тапки, неведь когда вырезанные из старых валенок, подхватил старый шахтерский фонарь, по привычке оставленный на ночь у изголовья, и быстро, как сумел, засеменял к двери. Громко упала щеколда, и дверь, нехотя, со скрипом отвалилась от косяка. Просочившийся из дома через дверной проем скудный пучок света обозначил в темноте контур нескольких фигур, одетых в камуфляж с выцветшими «жовто-блакитными» шевронами на рукаве. Тот, кто стоял ближе к входу и вероятно колотил в дверь, человек с трудно угадываемым возрастом, со следами недельной щетины на багровом лице и бегающими глазками, грубо ткнул хозяина автоматным прикладом так, что тот отшатнулся и почти упал. Судя по всему, это был по званию старший из пришедших. Убрав с дороги хозяина дома, он бесцеремонно ввалился в хату. За ним последовали и остальные.

Пугливо озираясь и пригнувшись, как обычно делают во время обстрела, Старший, прошелся вдоль стен хозяйской горницы. Не обнаружив ничего опасного для себя, он откинул за спину автомат и распрямился, затем то ли прохрипел, то ли прорычал: «Що так довго не відкривав, ховаєш кого або як?» В маленькой комнате стало душно

от недельного перегара и протухшей от пота одежды незваных гостей.

— Некого мне прятать, один живу. — Старик медленно приподнялся от перенесенного удара, перевел дух и расправил плечи. Потом с нескрываемым отвращением повернулся спиной к вломившимся в дом и сделал несколько шагов к старому комоду, стоявшему у стены, чтобы положить на него фонарь. — Чего хотели-то? — не поворачиваясь, бросил дед стоявшим за спиной воjakам. — Ночь-полночь, а все бродите, покою от вас нет: весь день бабахают, стреляют, так еще и ночью не угомонятся!

— Ты, старый хрыч, придержи язык, — взбешенный невозмутимостью деда почти завизжал Старший, неожиданно перейдя с мовы на русский, — мы быстро вправляем мозги особенно разговорчивым! С этими словами он подскочил к деду, схватил его нервно трясущимися руками за отворот рубахи и резко рванул к себе. Тут же другой, альбинос, с бесцветными глазами-дырами, отточенным движением выхватил со своего пояса длинный армейский нож с вырезанными на нем двумя эсэсовскими молниями на рукояти и приставил его острие к лицу деда Василия.

— Говори быстро, гнида, есть еще дома кто или нет?! — вопил, брызжа слюной, Старший, почти уткнувшись в лицо деда.

— Нет никого, — медленно переведя взгляд на физиономию карателя, не разжимая зубов, спокойно и мерно ответил хозяин дома. — Те, кто жил раньше в поселке, либо погиб под обстрелами, либо успел сбежать куда подальше, чтобы вас не видеть, оставшиеся — по своим подвалам от стрельбы прячутся. Собаки, и те из поселка ушли, как только вы тут появились. — Голос старика ни на мгновение не дрогнул, напротив — он с каждым звуком становился все глубже, тяжелее, казалось, что голос этот нарастающим гулом все растекался, раскатывался, обре-

тая объем, заполнял собой пространство дома, каждый его угол. В дерзости его не было ни тревоги, ни какого-нибудь страха. Скорее, можно было ощутить в каждом слове, в обжигающе ледяном взгляде старика, насколько тверд и крепок был дух его. В мгновение все замерло в ожидании того, что будет дальше. Накатившись на спокойствие хозяина дома, каратель разжал пальцы, выпустил ворот рубахи деда и отступил.

* * *

С тех пор, как ушли ополченцы и окрестная территория перешла под контроль «айдаровцев», привычная жизнь сельчан изменилась. Оставшиеся еще на поселке люди, в основном те, кому некуда было уехать от пришедшей войны, прятались по подвалам и старались без крайней необходимости не выходить даже во двор.

Каждая семья в поселке так или иначе была связана с работой в шахте, и здешние шахтеры, проводя в забое часть своей жизни, научились по особенному понимать значение дневного света. Так, наверное, чувствуют его, пробирающиеся из земли ростки деревьев, для которых свет дает ощущение жизни и осознание того, что завтра, за ночной темнотой, снова придут проблески рассвета, проснутся птицы, утренняя роса смоем остатки ночного забвения и жизнь, полная красок, радостей и ожиданий, продолжится. Теперь здесь все иначе. С войной тихий и светлый мир шахтерского поселка погрузился в темноту подвалов, а с ее приходом исчезли птичьи голоса, детский смех, все то, что человеческую жизнь наполняло радостью и смыслом. Кажется, что сама жизнь теперь закончилась, и люди из своего подземелья выбираются на поверхность только лишь для того, чтобы похоронить убитых во время очередного обстрела или облавы или тех, кому довелось умереть своей смертью.

Первую пару дней после взятия поселка батальоном «Айдар», когда никто еще не знал, что приготовлено лю-

дям их «защитниками от сепаратистов», жители позволяли себе выходить из своих уцелевших домов или подвалов, полагая, что стрельбы теперь уж не будет и им бояться больше нечего. Многие смирились и поверили, что война отступила, и хоть какой-то мир, но установился. Люди выбрались во дворы, вышли на улицы с тем, чтобы заняться привычными делами, которыми наполнена обыкновенная жизнь простого человека. Кто-то принялся за починку мотоцикла или машины, кто-то начал править пострадавшую от обстрелов хату или хлев, кто-то занялся делами на огороде. И казалось, что все, разрушенное и изуродованное войной, теперь постепенно наладится. Но дальнейшее развеяло остатки хрупкой надежды на возврат к мирной жизни. Оказалось, что страх, боль, людское горе, все самое страшное, с чем приходит война, начинается только теперь.

Украинские «освободители» и «защитники», войдя в поселок, набросились на людей, как стая обезумевших от голода волков на добычу. Они хватали, избивали любого, кто попадался на глаза, чей взгляд, походка, одежда или какой-то другой повод, вызывали подозрение. Но чаще всего никакого повода не требовалось, чтобы бросить прохожего лицом в землю, заставить, не обращая внимания на пол или возраст, ползти на четвереньках или попластунски, подгоняя жертву ударами ног или автоматных прикладов. Кого-то из не успевших спрятаться селян ставили к стене или к дереву и забрасывали его пустыми бутылками так, чтобы, намеренно не попадая в мишень, бутылка разбивалась рядом и разлеталась десятками осколков, впивающихся жертве в лицо, руки, тело. Других привязывали за ноги к БТРу и потом долго «катали» по кочкам, пока человек не утрачивал способность кричать от боли. У «устроителей нового порядка» был широкий ассортимент всяческих забав, и все они были грязными и кровавыми.

Каждый день в поселке стали пропадать люди. Это мог

быть кто угодно: и женщины, и дети, и старики. В особенности часто стали приходиться вести об исчезновении подростков: молодых девочек и парней. И стали люди понимать, что не будет возврата к той прежней мирной жизни, к которой они привыкли. Эти люди с оружием пришли сюда не для того, чтобы кого-то защищать. Они пришли сюда не с миром. Это оккупация — неизменный атрибут войны, а у нее свои правила и любимые забавы: расстрелы, доносы, аресты. Новый порядок вломился в семьи смертельным ужасом, страхом, беспросветным мраком душного и сырого подполья — единственного убежища и единственной возможности спрятаться от пуль и бомбежек, чтобы выжить.

Дед Василий, возможно, единственный из оставшихся в поселке, кто не пожелал прятаться в подвале. «Стар я, чтоб по лестнице туда-сюда лазать, — сказал он однажды своему соседу, — да и совестно как-то в мои годы смерти бояться. Жизнь я, слава Богу, повидал, да и что такое война еще помню, хоть и было мне, когда немец пришел, шесть лет от роду.» Так и жил он один, как мог, в своей хате на самом краю поселка, каждый день бросая вызов снова пришедшей в его жизнь войне.

* * *

— Собирайся, есть работа для тебя. Лопата в доме имеется? — несколько остыв, Старший подошел к обеденному столу, заглянул в стоявшую на нем кастрюлю и, не найдя ничего, что могло бы его заинтересовать, с раздражением пнул стоявший у стола табурет.

Дед Василий молча прошел в свою комнатенку и начал одеваться. В это время остальные принялись шарить по углам дома и, бесцеремонно разбрасывая вещи, пытались найти что-нибудь ценное для себя.

— Де горілку зберігаєш, кліщ колорадський? — крикнул один из карателей.

Надев старые, но еще добротные штаны, в которых обычно занимался домашними делами, накинув поверх рубахи рыбацкую штормовку, дед Василий вышел к своим незванным посетителям.

— Нет у меня спиртного. Не пью я. — Также холодно, с длинными паузами, разделяя каждое слово на слоги, произнес дед Василий. — Пошли, я готов. Лопату возьмем в сарае. Идти далеко?

— Не-ет, здесь рядом, устать не успеешь, — криво немного нараспев ухмыльнулся альбинос. Все двинулись к выходу.

Возле двери старик на мгновение остановился, как будто вспомнил о чем-то, оглянулся и окинул взглядом комнату, словно прощаясь с домом. Потом тихо перекрестился, подобрал седые, не по-старчески густые волосы и, надвинув кепку, шагнул за порог.

* * *

Выйдя за калитку, все направились в сторону от поселка. «Жовто-блакитные» торопливо организовали подобие боевого построения. Альбинос и с ним еще один, с вываливающимся из камуфляжа огромным животом на неестественно коротких ногах, шли впереди по разные стороны дороги, держа автоматы на изготовку. За ними в метрах десяти двое других. Старший шагал после остальных, двигаясь на расстоянии полутора—двух метров за замыкающим, и постоянно оглядывался при каждом тревожащем его звуке. Дед Василий шел между шеренгами «айдаровцев», не опуская головы и не глядя под ноги, словно пытался что-то рассмотреть в густой темноте сквозь поднятые ветром столбы пыли. Он шел молча, отмеряя стариковские шаги, опираясь на лопату, как на посох. «Однако, эти герои даже ночью ходят группой и в боевом порядке, — отметил старик, — стало быть бояться. Стало быть, нет им покоя на нашей земле...».

* * *

С утра в природе все еще было спокойно и тихо. Но с полудня начал подниматься ветер: сначала он, слегка утомившись от нескольких дней своего безделья, начал робко тревожить заспавшиеся деревья, осторожно шевелил им кроны, пробираясь под плотно одетую листву, дразнил птиц. Затем, разгулявшись и повеселев, гонял по некошеным и уже начинавшим терять без дождей свою свежесть травам, то взъерошивая их, то раскачивая плавно перекатывающимися волнами. Потом ветер, осмелев, потерял интерес к земным делам и, набрав силу, принялся гонять разбухшие и лениво висевшие в небе кучевые облака. К вечеру они уже густо закрыли все до самого горизонта и совсем спрятали солнце, отчего вечерние сумерки, а потом и ночная темнота, пришли в поселок раньше обычного. Облака, растревоженные назойливостью ветра, явно не желали нарушать свою привычную жизнь, потакать ветряным шалостям и поддерживать навязываемую им игру и, постепенно раздражаясь, они темнели, все ниже спускались на кроны пирамидальных тополей, а с наступлением темноты и вовсе рассерженно стали порывивать приближающимися громовыми раскатами. Собирался дождь. И когда погружающаяся в темноту группа прошла мимо пышного кустарника, условно обозначавшего границу поселка, на завешенном густыми тучами горизонте засверкали зарницы, а на земле появились первые, еще не частые дождевые кляксы.

* * *

... «Что им нужно? — пытаюсь понять происходящее, спрашивал себя старик, отмеряя шаги. — Если хотели бы убить, это можно было бы сделать в хате или во дворе. Зачем ночью в такую погоду вести куда-то? И для чего-то им лопата понадобилась? Что можно копать ночами, не

цветы же сажать они собираются, в самом деле? На кого эти отморозки не похожи, так это на мирных садовников. Впрочем, они и на людей-то не очень похожи... Может, им нужно, чтобы я сам себе могилу выкопал, а потом они в ней меня и зароят? Может. Но не слишком ли много суеты с прогулками на ночь глядя для одного-то старика? И не в их это правилах: они вон белым днем людей убивают хоть в домах, хоть на улице, ни от кого не прячутся и Бога не боятся. Нет, здесь что-то другое... На днях бои с ополченцами шли совсем недалеко отсюда. Говорят, что те контрнаступление начали. Может, к штурму готовятся и хотят подступы к поселку заминировать? Тогда им кто-то нужен, чтобы ямки для мин прикапывать? Или может они собираются скрытые окопы готовить?»

* * *

Между тем ветер становился сильнее, он высоко поднимал еще не успевшую намокнуть и превратиться в грязь придорожную пыль, вихрем кружил ее в завывающем хороводе, образуя воронки, а потом больно стегал ею лицо и руки. Уже все было готово для прихода настоящего летнего ливня, но он, по какой-то причине не торопился приниматься за дело и пока только дразнил изголодавшуюся без воды природу, разбрасывая хоть и сочные, но редкие капли своей живительной влаги.

* * *

«Однако они не пошли искать мужчин помоложе и сильнее, — продолжал думать старик, — и к тем, кто прячутся семьями по подвалам, тоже не пошли. Значит, им нужен такой, чтоб не смог долго сопротивляться, если что. Одинокий старик для этого подходит как нельзя лучше. А раз делают все ночью — значит, им не нужны лишние глаза. Что же это такое может быть, что даже эти озверев-

шие от безнаказанности подонки пытаются спрятать? Что бы это ни было, но после своих дел при таком раскладе, они меня не отпустят.

Ладно, скоро все прояснится. И если это конец, то надо уйти так, чтобы перед Богом стыдно не было. Что ж, я пожил свое и все, что должно у человека случиться в жизни, было у меня: и любовь была, и семья счастливая, и падал, и поднимался, и смерти в глаза заглядывал, и выжил. Дочки выросли и разъехались, у них теперь жизнь и судьба своя, и хорошо, что нет их здесь теперь. Можно было бы что-то в прожитом и поправить, но за жизнь свою мне не стыдно. Еще бы уйти достойно и последними минутами жизнь свою бы не вымарать, не испортить, не перечеркнуть».

* * *

— Повертаемо, — прорезал тишину гнусавый голос одного из впереди идущих. Все, кто шел в кордоне, свернули с дороги. Перебежали придорожную насыпь, гремя каким-то своим скарбом, кое-как навешанным на армейскую амуницию, и через несколько шагов оказались у небольшой лесопосадки.

— Ось тут давай, — шедший впереди «альбиноса» показал стволом автомата на участок с провалившимся на полметра грунтом и начинающем формироваться оврагом.

Подошел Старший и подтолкнул деда к краю грунтового провала.

— Давай копай вот здесь, — Старший обозначил участок шириной примерно метра четыре, — землю сюда складывать будешь. Да побыстрее работай, погода портится, — каратель отошел в сторону и присел. Он что-то шумно начал перебирать в своей амуниции, затем послышался звук отвинчивающейся крышки на жестяной фляге и нескольких громких глотков. Отхлебнув своего пойла, Старший громко выдохнул, закрыл флягу и затих.

— На какую глубину?

— Глубину? — чем-то чавкая, переспросил коротконогий толстяк. — Ну-у, на глубину окопа... Як думаєш, Микола, так нормально буде?

— Нормально, приїде «Стоматолог» і вирішить, — присипел Старший.

«Значит, все-таки окапываются, к обороне готовятся. И еще кого-то ждут, наверное, такого же, как и я — землю рыть», — почему-то почти с облегчением подумал дед Василий и шагнул на дно грунтового провала. Потом поправил кепку, как бы приноравливаясь, несколько раз повернул в руке древко лопаты и начал свою работу. Металл с лязгом вонзился в высохший от долгого ожидания дождя грунт.

Через какое-то время послышался мерный, глухой рокот небольшого грузовика, пробиравшегося со стороны поселка. Недалеко от того места, где расположилась ночная группа, грузовик сбавил ход и свернул с дороги. Дед Василий узнал звук этой машины. Для всех оставшихся в поселке за каких-то несколько недель оккупации звук ее двигателя стал предвестником беды и страха. Какая-то догадка в одно мгновение током прожгла все его тело, отчего по спине пробежала дрожь и какая-то невидимая сила сдавила горло так, что ему пришлось прервать работу, чтобы перевести дух. Ноги, руки и все тело его, словно залитое свинцом, сразу отяжелело и отказывалось подчиняться. Деду Василию потребовалось время, чтобы перебороть себя и возобновить работу.

Это был фургон, на котором расположившиеся в поселке каратели выезжали на свои «задания» и «рейды». На нем они свозили к омертвевшей поселковой больнице, где расположилось что-то вроде их штаба, награбленную еду, выпивку и все ценное, что удавалось найти и забрать у перепуганных сельчан. На этом фургоне каратели устраивали свои пьяные объезды, горланя песни, и с криками «Слава Україні» расстреливали не успевших спрятаться собак, кошек, палили по кустарникам, по хатам, по всему,

что могло вызвать опасение в залитой горилкой обезумевшей голове.

Но не грабежи или пьяные стрельбы, а нечто более ужасное заставляло застывать кровь при появлении этого фургона: людей, которых хватали во время облав или обысков, и даже подростков и детей, неосторожно оказавшихся на улице или во дворе собственного дома, увозили куда-то именно на этом фургоне. Из попавших в этот фургон пока еще никто домой не вернулся.

* * *

Медленно подкравшись, подъехавшая машина осветила поляну. Хлопнули двери, и в лучах запыленных фар появились три фигуры в камуфляжной форме, касках и даже в перчатках, но по какой-то причине без оружия. Среди них выделялся один, по его надменной походке и нарочитому высокомерию угадывалось, что именно он здесь главный. К нему торопливо заковылял Старший.

— Слава Україні! — посмотрев по сторонам, пытаюсь оглядеть площадку, небрежно сплюнув, бросил офицер и, не поворачиваясь к Старшему, начальственным тоном продолжил: — Подивилися, де вивантажувати будемо?

— Героям слава! — подбежал Старший и, суетливо перетаптываясь за спиной офицера, захрипел: — Ось тут краще всього, біля ями. Тільки дід ще не закінчив.

— Гарзд, нехай порпається, тільки подшустри його, а то, я дивлюся, він зовсім заснув. Давай вивантажуй! — окликнул он остальных. — Розверни машину, та світло погаси, доки нас не накрили, — сказал он, повернувшись к стоявшему рядом громиле с засученными по локоть рукавами на гимнастерке, из-под которой торчала татуировка в виде оскалившейся волчьей головы во всю ширину его мускулистой руки. Он, по-видимому, выполнял роль водителя.

— Добре, Стоматолог, — обратился громиле к офицеру и пошел к машине.

Через минуту фургон несколько раз фыркнул, вздрогнул, нервно зарычал, недовольный тем, что ему не дают покоя, потом машина развернулась и подъехала, встав под разгрузку недалеко от края ямы. Свет от фар погас и снова опустилась непроглядная тьма. Четверо подошли к задним дверям фургона, дверь с лязгом открылась и из кабины салона послышался чей-то сиплый голос:

— Эй, давай сюди, витягуй.

Все подошедшие к фургону принялись за разгрузку и стали сбрасывать на землю привезенный груз.

Через несколько минут Старик, почти по плечи закопавшись в податливую землю, опираясь на лопату по заранее сделанным ступеням принялся выбираться из ямы, чтобы сказать о сделанной работе.

* * *

Ветер между тем окреп. Ошалев от ощущения своей силы и вседозволенности, не находя сколь-нибудь заметного противоборства или препятствия, и, видимо, совершенно разругавшись с тучами, все злее метался по полям, по кустарникам, вздымал клубы пыли и песка и гонял, гонял их по всей округе. Он рвал листву, ломился в опустевшие дома, грозно выл печными трубами. Он словно пытался показать всему на земле, что здесь теперь установлен новый порядок, и он в нем главная сила.

Так продолжалось еще некоторое время. И вот ветер, ненадолго затихнув и затаившись, чтобы перевести дух перед очередным своим бесчинством, взмыл к уже почти лежавшим на верхушках пирамидальных тополей разорванным в клочья тучам и оттуда, бешено разогнавшись, обрушился на землю с мощью настоящего штормового шквала. Охваченные паникой деревья и кустарники содрогнулись и, как будто желая защититься от ударов урагана, судорожно закачались, пытаясь закрыться ветвями,

да так, что их тела застонали, захрипели, заглушая нарастающий рев бури. В природе, казалось, воцарился хаос, все пришло в неистовое беспорядочное движение, смешалось, заметалось, ища спасения. Но где было найти это спасение? Как было защититься от эдакой стихии здесь, в этом мире, таком беззащитном, привыкшем к своей размеренности и тишине, где жизнь каждого существа была наполнена покоем, безмятежностью и простым желанием жить в ожидании своих маленьких радостей? Ведь еще недавно ничто не предвещало такой стихии, такой беспощадной и безжалостной бури. Да и как можно было поверить в то, что такую-то беду может принести тот самый ветер, который был частью твоей предсказуемой и тихой жизни, твой сосед, твой приятель, твой помощник? Откуда появилось вдруг столько злобы, столько желания подчинять себе все, с чем раньше был дружен, с кем тебя столько связывало, с кем ты давно сосуществуешь в единой жизни, создавая целостный, полный любви, красок и гармонии мир? Что за напасть вселила в легкую, веселую, добродетельную душу его такую безмерную злобу и ненависть, откуда взялась эта страсть подавлять чью-то волю и достоинство, упиваясь своей безнаказанностью, заставляя всех дрожать от страха? Как овладела им жажда получать удовольствие от возможности топтать и глумиться над тем, кто не может ответить и кто вынужден безропотно склоняться перед его силой?

* * *

Едва удерживаясь на ногах под ударами шквала, опираясь на свою помощницу лопату, дед Василий вылез из выкопанной ямы. Из-за тьмы и урагана, где в бешеном хороводе кружили и пыль, и песок, и сорванные с деревьев листья, нельзя было что-нибудь увидеть даже на расстоянии вытянутой руки. По голосам вояк он понял, что они стоят где-то совсем рядом с ним.

— Эй вы, герои, — окликнул дед Василий, пытаясь перекричать рев разбушевавшегося ветра, — работа закончена, идите смотреть.

— Зараз подивимося. Стоматолог, давай по швидкому закінчимо. Дивися що з погодою робиться, — кто-то ответил скороговоркой из темноты.

— Включи ліхтар, — вошел в разговор тот, кого называли «Стоматолог».

Свет фонаря сквозь поднятую пыль сначала ударил в лицо старику, а потом осветил выкопанную яму.

— Мало викопав, потрібно було глибше, — с раздражением сказал Стоматолог. — Та пес з ним, давайте скидайте усе це лайно.

И тут луч света от фонаря упал на выброшенный из фургона груз. Дальнейшее повергло деда Василия в оцепенение. Глазам открылась страшная картина, в реальность которой еще совсем недавно ни один человек, кто в ясном рассудке, не смог бы поверить: перед ним лежали мертвые тела. Их руки были туго скручены за спиной у кого скотчем, у кого проволокой. Также были обездвижены и ноги. Лица у большей части тех, кого успел увидеть старик, были сплошным кровавым месивом: разорванные ноздри и губы, вывороченные конечности, чернеющие запекшиеся раны с висящими кусками кожи. У одного из тел, лежавшего совсем без одежды, сквозь пробитую грудь торчало сломанное ребро. Ниже лежал еще кто-то с обожженными ногами без ногтей.

Тела и лица этих несчастных были так изуродованы, что вряд ли кого-то из них можно было бы узнать. И все же по их телосложению, по остаткам изорванной одежды можно было понять, что убитые большей частью были молодые девушки и ребята. Все увиденное было столь чудовищным и противоестественным, что разум и все существо старика оказались не способными принять такую реальность. Да и возможно ли простому человеку, за всю его долгую жизнь не видавшему столь изощренной и столь

бессмысленной жестокости, поверить в такое? Руки его задрожали, глаза налились кровью. Стало трудно дышать, сердце, словно пораженная смертоносными щупальцами ядовитой медузы морская рыбешка, беспомощно задрожало в груди.

Трудно представить себе тот ужас, те невыносимые страдания, ту нечеловеческую боль, через которую прошли эти несчастные, прежде, чем смерть облегчила их муки. Но также трудно было себе представить и то, как могла человеческая суть дойти до такого непостижимого предела, чтобы причинять живому человеку столько зла. Чем могли быть наполнены мысли и души этих людей, что черпают они в своем кровавом деле, противном Богу, противном всему, для чего дана человеку жизнь? Разве для того породили их на свет их матери, чтобы стать насильниками, палачами? Чей это промысел и как могло случиться такое, что кто-то позволил себе присвоить право отнимать Богом данную жизнь и с одной лишь только целью: установить свое всевластие?

Полный ужаса взгляд старика вдруг остановился и замер. Он увидел на тонкой шее лежавшего на земле хрупкого, совсем еще детского тела мертвой девочки родимое пятно, похожее на изогнутое заячье ушко. Эту родинку нельзя было спутать ни с чем и он сразу узнал этого ребенка. Сомнений быть не могло, это была Дашутка, его крестница, внучка старого друга, с которым только месяц назад они отметили ее десятую весну. Она пропала несколько дней назад и ее убитая горем мать приходила и, навзрыд рыдая, не готовая поверить в то, что с ее ребенком могло произойти что-нибудь страшное, все расспрашивала и расспрашивала его, не слышал ли он, чтобы кто-то встретил ее девочку, и она искала в его глазах и в словах хоть какую-нибудь надежду. Она так и ушла, не видя дороги и не понимая куда идти, безжизненно склонив голову, растворилась в ночном сумраке.

Он вспомнил, как Дашутка прошлым летом часто при-

ходила к нему собирать малину. Дед Василий давал ей большое ведро и она с лукавым взглядом бежала в кустарник и долго-долго там возилась, больше закладывая сочные, сладкие ягоды за пухленькие, еще детские щечки, чем в ведро, которое так и оставалось к вечеру почти пустым... «Да как же это?! Что этот ребенок-то мог сделать вам?! Звери! Нет, вы и не звери вовсе, вы — нелюди, вы то, чего не должно быть на земле этой!» — все, весь разум, и все существо старика, закипевшее поначалу, вдруг успокоилось, глаза его погрузились в непроглядную бездну, глубины которой нельзя было постичь. Он ощутил, как все вокруг: и грозный, сбивающий с ног ураган, и звуки, и счет времени, и даже сама его жизнь остановились. И только глаза этой маленькой девочки, как отголосок теперь и его прерванной жизни, все смотрели на него, словно пытаясь что-то сказать.

...А каратели уже сбрасывали тела в яму, молча и так обыденно, будто это была для них привычная, каждодневная работа.

— Глянь, а цей, здається, ще живий? — сказал кто-то из карателей, показывая на тело парня с жестко скрученными проволокой руками.

— Та пес з ним, все одно він не живе, сам здохне, — услышал он в ответ и они продолжили свою страшную работу.

Старик как каменное изваяние стоял в оцепенении возле еще не отправленных на дно вырытой им могилы тел.

— Ну, что оцепенел, что-то не нравится? — откуда-то из-за спины по-кошачьи гнусавой ухмылкой обратился к старику тот, кого каратели называли «Стоматологом», — или кого-то знакомого увидел?

Дед Василий повернулся и взглянул в глаза обратившемуся к нему карателю, словно не расслышал, о чем его спросили. Перед ним стоял средних лет тип с впалыми щеками и провалившимися, как у обглоданного черепа, отверстиями для глаз. Губы его были столь тонкими, что

казалось, будто их вовсе нет на лице, и это делало его облик еще более отталкивающим.

— Что? — тихо переспросил старик. Его пальцы в это время крепко впились в древко лопаты. Голос карателя будто вернул деда Василия в происходящее.

— Ты никак привидение увидел? — издевательски прицокнул «Стоматолог». И в этот миг старческие руки, забывшие о прожитых годах, об усталости с неведомо откуда взявшейся силой выбросили вверх штык лопаты, на которую только что опирался старик. Стальное лезвие взлетело пулей и, переворачиваясь в воздухе, полоснуло карателя по горлу. Это смертоносное движение старика кажется вобрало всю злость, на которую был он способен, весь гнев за истерзанные тела, за загубленные молодые души и за всех тех, кого накрыло горе с приходом убийц-«освободителей». Холодный металл рассек жиденькую шею «жовто-блакитного» героя и из перерезанной гортани вырвалась наружу его гнилая кровь, которая тут же заполнила его рот, и, клопоча, полилась на землю. «Стоматолог» с застывшим удивлением на лице даже не успел понять, что произошло, что он уже на пути в чистилище. Он, схватившись руками за рассеченное горло, упал сначала на колени, а потом рухнул лицом на еще не убранные тела тех, над кем только недавно он глумился со своими соплеменниками.

— Хлопці, дід «Стоматолога» пришив, — оцепенев, проямлил коротконогий толстяк. Остальные каратели, увлеченные их страшной работой и ослепленные разгравшейся бурей, еще не поняли, что произошло. А старик, управляемый какой-то неведомой силой, как копье метнул лопату в толстяка. Удар был такой мощи, что острие пробило карателю переносицу и глубоко врезалось в глазницы до самого виска. Из горла толстяка вырвался истошный предсмертный крик, он качнулся и рухнул за-
мертво.

Обжигающая ненависть полностью поглотила старика,

наполнила его рассудок и душу, вытеснив из них всякую способность чувствовать что-либо кроме желания мстить, и это придавало ему какую-то противоестественную силу. Это уже был не человек, а хищный зверь, который, встретив на своей тропе врага, не думая ни об опасности, ни о боли, ни о том, что враг моложе и сильнее его самого, и враг этот не один, бросался в схватку.

Еще не успело тело толстяка упасть, старик шагнул к стоявшему ближе всех карателю и освободившимися руками схватил его за горло с такой силой, что послышался хруст шейных позвонков. Каратель упал под тяжестью навалившегося на него тела, пальцы старика впились в его шею мертвой хваткой так, что уже никто, и даже он сам, не смог бы их разжать.

Каратели, только теперь выйдя из оцепенения, бросились к оружию, тут же щелкнули затворы и спину старика прошили несколько автоматных очередей. Простреленная рыбацкая штормовка на дедовой спине протекла негустыми багровыми пятнами, тело старика чуть вздрогнуло и навсегда затихло. Так закончилась его жизнь, как он и хотел: без сожаления и без страха, без повода стыдиться за последние минуты свои...

— Як це? Цей хрін старий один трьох поклав? І «Стоматолога» пришив! І Звірюка, а на вигляд не скажеш! Що тепер скажемо? — ошалевши от произошедшего выдавил «Альбинос».

— Скажімо, що на диверсантів напоролися, там і підстрілили його. Гарзд, линяти звідси потрібно. — Старший заторопил остальных.

Потом оставшиеся «жовто-блакитные» сначала безуспешно попытались разжать сделавшиеся каменными пальцы расстрелянного старика и сросшиеся с горлом их соплеменника, но, так и не сумев, сбросили труп мертвого карателя с закончившим свой земной путь дедом Василием в ставшую общей для всех: и жертв, и палачей могилу.

«Освободители», то ли спасаясь от разбушевавшейся непогоды, но, скорее, боясь более оставаться в месте своего злодеяния, наспех присыпали брошенные в яму тела, потом быстро запрыгнули в фургон. Тот кое-как завелся и, уже не разбирая дороги, зло, беспощадно растряхивая и взбивая погрузившиеся в него остатки группы карателей, скрылся в темноте заглушаемый гулом урагана.

* * *

Только лишь закончилось это страшное действие, все в природе решительно изменилось. Огромная молния, раскинувшая по провисшему небу свои могучие руки, где-то совсем рядом ударила о землю и тут же все содрогнулось от оглушительного раската грома. За первым разрядом последовал следующий, потом еще и еще. Раскаты грома едва успевали за своей небесной слепящей предвестницей. Одно мгновение — и из туч мощной стеной, словно из прорванных молнией небесных резервуаров, на землю обвалились потоки воды. Все вокруг сначала вздохнуло, оправилось и, будто воспрянув духом, стало подниматься с колен, хотя еще только минуту назад вся природа в страхе и беспомощности дрожала от нескончаемых ударов шквалистого ветра. Началась гроза, объявившая миру о появлении новой, могучей силы, способной остановить бесчинство урагана. Не желающий терять власть и признавать свое поражение шквал попытался было собрать остаток своей прежней мощи, чтобы ударить еще раз по восставшей природе, но он уже был не властен над происходящим. Теперь уж ветер, с таким усердием и злобой нагнетавший грозу, оказался бессильным перед ее мощью и вынужден был отступить.

А гроза с грохотом разбрасывала молнии, иссохшая земля уже не успевала проглатывать хлынувший с небес водопад и из воды стали образовываться маленькие ручейки, которых становилось все больше и больше, и вот

уже они стали сливаться в одну большую реку, полностью покрывавшую землю. Воздух очистился от пыли и наполнился живительным, ароматным грозovým озоном. Вдруг захотелось дышать. Казалось, что все на этой земле бросилось смывать с себя накопившуюся грязь, с которой должно уйти все зло, еще недавно заставлявшее дрожать каждый куст, каждое деревце, каждую травинку. В мир пришло и тревожное, и радостное ощущение неизбежности грядущих перемен.

Юлия Сергеева

ДОНЕЦКОЕ ПИСЬМО

Пишу тебе, сидя на упавшем тополе, среди березок, в тетради с березками на обложке. Есть в этом что-то, ты не находишь?

В понедельник выхожу на работу. Работу, на которую собиралась никогда больше не идти. Она называется «нет ни времени, ни денег». Но так как время мне сейчас все равно девать некуда, а деньги хоть на поддержание штанов нужны — иду.

Почти две недели назад меня направили на обучение в Красный Лиман. Это было волнительно, мягко говоря. Вечером накануне вбила в поиск «Красный Лиман»: то стреляют, то не стреляют. Поняла только, что еще больше себя напугала.

Давно я не вставала по будильнику... Сначала кофе, потом все остальное. Встала пораньше, чтоб успеть сообщить, что я делаю на ногах в такую рань. Домашние еще спят, поэтому стараюсь метаться по квартире как можно тише. Уже на пороге понимаю, что нужно все-таки надеть что-то другое — метания продолжаются.

Сажусь наконец-то в автобус. Выглядит все довольно буднично. А чего, собственно, я ждала? При моей любви к перемещениям в пространстве даже такое путешествие в автобусе — увлекательное приключение.

Крайний раз я уезжала из дома больше трех месяцев назад. И тоже в Красный Лиман. Там я собиралась сесть

в поезд до Ростова. Вырваться в другой мир: где продолжается жизнь, где начался прыжковый сезон у парашютистов, где можно строить планы на отпуск, где можно спокойно купить георгиевскую ленточку. Ты скажешь, что здесь нет никакой логической связи. Да нет. Просто это то, чего я почему-то оказалась лишена. Я хотела вдохнуть эту жизнь полной грудью и потом вернуться домой — 9 и 11 мая я должна быть дома. Я уже мечтала, как возьму себе чай в подстаканнике, а сахарок оставлю на память. Как буду лежать на верхней полке и наблюдать схождение и расхождение проводов...

Но поезд пустили в объезд: где-то на пути следования взорвали железнодорожное полотно. Кстати, теперь этот поезд вообще идет в объезд территории бывшей Украины. Вместе с остальными пассажирами несколько часов мы пытались сдать билеты. Был там россиянин, у которого в этот день заканчивалось разрешение на пребывание в Украине. Были разные люди, каждый со своей историей. Но особенно запомнилась женщина, которая бежала от бомбежек в Славянске. Она рыдала, практически не переставая, от безысходности и необходимости возвращаться обратно. Не знаю, как сложилась жизнь этих людей, живы ли они.

Тогда я впервые почувствовала, что нас отрезали от мира. А когда вернулась домой, узнала об Одессе. Это было 2 мая.

* * *

С местом в автобусе мне не очень повезло: сзади тараторили две женщины, что даже плеер был не в силах их заглушить. Но когда въехали в «зеленку», стало тихо. Мне даже показалось, что весь автобус напрягся. Наверняка показалось.

На остановке в Яровой обрывки приглашения на референдум. И тут на меня нахлынули воспоминания...

Зима. Киев. Майдан.

Они назвали этот хаос «Революція гідності» («Револю-

ция чести»). Не понимаю, где в этом балагане усмотрели признаки чести и достоинства? Они превратили главную площадь страны, центр столицы в сумасшедший вертеп. С первого крика «Слава Украине» мне стало все понятно. Неужели они не знают, что выкрикивают фашистские лозунги? Тогда мы начали терять друзей и родных. Это было больно и непонятно.

Началось стремительное падение моей страны в бездну. Это сейчас я уже почти спокойно об этом говорю. А тогда происходящее казалось непрекращающимся бредом сумасшедшего. И мы терпеливо ждали, когда «перегнет майдан»...

Крым первым сказал свое «нет». Мы ждали 16 марта. Ждали дня, который должен был нам показать и наш путь. Это был такой праздник, такой подъем и эйфория! Хотелось туда, на площадь, к этим людям со счастливыми лицами. Хотелось разделить с ними их радость. «Крым идет домой» — подступали слезы.

Мы начали подготовку к своему референдуму. Мы тоже хотели домой.

Утром 11 мая я с мамой и с сестрой пошли искать палатку для голосования. Мы готовились к тому, что только мы трое и проголосуем. Но мой тихий городок меня удивил: к тому времени, когда установили палатку, уже выстроилась очередь. И я пошла помогать. Несколько часов люди шли практически непрекращающимся потоком. Ни на одних выборах за всю независимость Украины такого не было. Это был праздник надежды и веры в то, что мы в силах что-то изменить. Люди гордо говорили свое «Да!» Республике, фотографировались с бюллетенями. Я очень устала. Но это была усталость человека, сумевшего хоть чем-то помочь общему делу.

Потом я видела фотографии огромных очередей на участках в других городах, читала впечатления участвовавших в референдуме людей. Мы были горды и счастливы. Нас было много и мы были вместе.

А теперь... лишь обрывки приглашения на референдум на сельской остановке...

С тех пор столько уже всего произошло. Никто и подумать не мог, что война разрастется и поглотит целые города.

Почти два месяца прошло с тех пор, как ополчение ушло из Славянска. Больше не приходилось по ночам слушать взрывы, засекаать время и периодичность. Больше я не ждала четырех-пяти-шести часов утра с замиранием сердца. Ложась в постель, я не думала больше о том, что это может быть в последний раз. Мне стали сниться сны. Славянск и Краматорск «освободили»... Я понимала, что так было нужно. Но ощущение, что нас бросили, не уходило и давило к земле. Российские каналы отключили и везде понатыкали свои желто-голубые тряпки. Больно. Тошно.

Ехать до Красного Лимана около часа. Подумать можно о многом. Какая-то мелочь выдергивает из реальности — и понеслось. На остановке большими буквами написано «РЫСЬ». Тот ли это Рысь? Не знаю. Но я вспомнила о нем. Наши герои всегда живы нашей памятью.

А здесь был блокпост наших ребят. Уютный такой: с сосновыми веточками и дымком от костра. Возможно, кто-то из них погиб на этом месте. Теперь же это просто кучи мешков с песком и мусора.

— Ваши документы.

— Вы прям как на блокпосту.

— Ой, хорошо, что нет уже этих блокпостов, так надо-ели.

— Уже снова строят, скоро все вернется.

Улыбаюсь. Возвращайтесь, ребята. Мы ждем вас. Возвращайтесь и уберите эту гадость с нашей земли.

Зашла на почту купить конверт. Два парня в камуфляже песочного цвета ожидают посылку из Сум. Те самые песочные человечки. А почему бы вам, ребята, самим не обратиться в Сумы, а?

Первый рабочий день мне дался тяжело. Более всего тем, что приходилось разговаривать с людьми. И совсем не с теми, с кем хотелось бы, и не о том, о чем хотелось сказать.

И когда я добралась домой, тяжесть навалилась на меня. Я почувствовала себя мешком с песком. А утром в автобусе — мешком с песком на блокпосту. Наверное, так все же лучше. И мысли тяжелые, как мокрый песок со множеством следов, находящихся друг на друга. Они путаются. Песочный человечек — это я. Сложно выразить словами все впечатления первой поездки в мир людей...

* * *

Когда утром заиграл будильник, я вспомнила, что значит не высыпаться.

Ехать было уже не страшно, поэтому можно было полностью отдаться своим мыслям.

В «освобожденных» городах готовились к празднованию дня независимости Украины (я буду с маленькой буквы писать, можно? — никакого уважения ни к этой стране, ни к ее мифическому празднику у меня не осталось). И чем гуще развешивались желто-голубые тряпки, тем острее становилось желание показать, что «не все так однозначно». Красную краску я купила в Лимане, синюю и черную сестра купила у нас в разных магазинах. Никогда я не писала на стенах. С детства заложенное уважительное отношение к чужому имуществу мешало и сейчас. Это мелкое пакостничество, хулиганство теперь наполнилось для нас особым высоким смыслом. Мы должны были показать хоть таким способом нашим людям и многочисленным беженцам, что борьба продолжается. И как бы ни казалось, Украине здесь уже не быть. Два часа до рассвета мы ходили по городу. Это было опасно. Но надеюсь, кого-то согрели наши короткие сообщения на заборах.

На день независимости я смотрела по телевизору военный парад в Киеве. Да, наверное, для украинцев по ту сторону фронта это было гордо, красиво и независимо. Все сине-желто-вышитое. А от лживой речи их президента просто выворачивало. Счастливые украинцы провожали военную технику на Донбасс...

... а в Донецке Герои Донбасса по главной улице города провели под штыками колонну пленных карателей. И три поливальные машины проехали следом и смыли эту грязь с нашей земли. Слезы выступали на глазах от гордости за наших людей, за нашу страну. Донбасс не сдастся! Я выросла с этим. Хоть воевать до этого года приходилось лишь с работодателями и с собой.

Завтра на работу.

И завтра в школу. В «освобожденных» городах учебный год начинается 1 сентября. Учиться собираются в две смены — очень много беженцев. Согласно вчерашней сводке, на территории ДНР подверглись разрушению 93 школы. И лишь об одной школе в Славянске я слышала, что ее восстановили. Жена президента Украины засветилась. Молодец.

* * *

Несколько дней назад, здесь в березках, на этом дереве я сидела со своей подругой, с которой не виделась с начала апреля. Мы пили вино и говорили о парашютах и парашютистах, о войне, о Новороссии и немного о мужчинах. Как без них?

Когда раньше я смотрела фильмы о Великой Отечественной, казалось странным, что среди всего этого кошмара люди еще и находят время любить. Теперь я это очень хорошо понимаю. Жизнь чувствуется острее. А любовь — главное проявление жизни.

С тех пор как наши пошли в контрнаступление, уже не так раздражает и расстраивает укросимволика на каждом углу. Ничего, еще немного. Точно так же радостно все пе-

рекраются в цвета Донецкой Республики и Новороссии. Мы ждем. Мы верим в нашу Победу.

Уже совсем стемнело, и я почти не вижу, что пишу. И холодно. Это осень. За сумасшедшей зимой пришла Русская Весна, потом было кровавое лето. Какой будет эта осень?

Когда-нибудь, совсем скоро, я приеду в Москву, и мы вместе отпразднуем нашу общую Победу. А пока я пойду домой и буду продолжать пытаться выжить.

* * *

— Разве это война? В 41-м была война. А сейчас: хочешь войой — хочешь не войой, — дедуля в автобусе.

Середина сентября. Очень красивая солнечная осень. Но даже в лесу сложно найти тихое место без людей. А в городе не сразу и дорогу перейдешь — столько машин. Но даже это для курортного городка норма вполне. Бахает басами откуда-то музыка, иногда голоса слышны. И если забыть, не думать — чудесный воскресный мирный день. Завтра на работу. Обычная жизнь обычного человека.

Не проходит и дня, чтоб червячок совести не грыз за это мирное голубое небо. И только для того и нужна была эта никчемная неблагодарная работа, чтоб заглушить совесть. Почему я не в Донецке? Почему я не там, где, наконец буду чувствовать себя на месте? Не там, где буду полезной? На это у меня есть отличная отмазка. И не одна.

Первая (самая неопровержимая) — я женщина, а война не женское дело. Хорошо. Отлично. Но не всегда и не для всех работает.

Вторая — у меня ребенок. Да, у нее есть бабушки-дедушки, тети-дяди. Но я хорошо помню момент, когда была реальная угроза моей жизни. Я боялась не за себя тогда. Я думала, как будет она жить, если найдут ее маму в посадке с перерезанным горлом. И я не имею права на такой риск.

Теперь же у меня есть работа с утра до вечера, которая отменяет всякие сомнения и терзания. У меня же совершенно нет времени воевать, ну что вы?

Могу предположить, что многие из «сепаратистов» думают что-то подобное: у меня нет даже времени, чтобы жить, а уж умереть я всегда успею. И так и выходит, что кто-то идет и борется, а остальные тихо радуются их победам, любят Стрелкова и ждут.

Стыдно быть такой трусливой.

После нескольких долгих месяцев терзаний я не могу винить мужиков, сидящих по домам. Не их вина в том, что женщины перестали рожать воинов. Но и уважать я их тоже уже не могу.

Еще весной, когда я мысленно (и только мысленно) стояла на баррикаде с флагом Донецкой Республики, мой друг сказал мне: «Твоя задача сейчас — выжить». Тогда мне это показалось недопустимым, неправильным. Только со временем я поняла, о чем он говорил.

Идет глобальная чистка русского народа. Мы зажирили в своем мещанстве. Мы забыли о том, кто мы есть. Мы думаем не о том. Мы хотим не того. Русский народ был всегда силен своей идеей. Победит тот, в ком она жива.

Благодаря этой войне я снова могу гордиться своей страной. И не важно, как ее назвать. Я все та же, на том же месте. Нам дан шанс создать молодое, сильное государство. Новороссия будет гордостью и для России. Все самое важное и сильное поднимается в душах русских людей.

Теперь я вижу со многими людьми. И ни разу в разговорах, каким бы ни было отношение к происходящему, не слышала слова «террористы». Только ополченцы.

Я буду ждать: либо когда решение воевать придет ко мне, либо когда у меня не останется выбора. Я все же верю, что мне не придется разрушать и убивать. Моей душе бли-

же созидание. Верю, придет и мое время, когда и я смогу быть полезной.

Так тихо. Только ветер шумит в соснах, шелестят листочки. И птички, и насекомые издают свои всем знакомые звуки. Ворона. Пушинка медленно летит сквозь солнечный луч из пункта А в пункт Б. Муравей шекочет спину. Я пускаю все новые корни в свою землю. Я лежу на поверхности планеты. Слышу, вижу, ощущаю, верю, люблю.

«Новороссия станет Россией, а мечта так и будет мечтой...» (*Леонид Корнилов*).

Дмитрий Стешин

ПЯТЬ ЭТЮДОВ О ВОЙНЕ

Чаша страданий из нержавеющей стали

Я купил ее в Славянске и сознательно оставил в Славянске Андрею Стенину, чтобы он мог заварить в ней вермишель или побаловать себя чайком, разгоняя тоску. Может быть, мне не хотелось везти домой все, что скопилось на донышке и осело на стенках этой здоровенной литровой кружки из нержавеющей стали. А еще я хотел как-то утешить Андрюху, он опять оставался один. Мы забрали его дней десять назад из съемной квартиры на улице Ленина. От его скупого рассказа шевелились волосы под мышками. Шевелились и медленно седали. Стенин снимал за копейки какую-то скромную квартирку на пятом этаже кирпичной хрущевки. Толку в этой квартире не было никакого. Свет отключили, газ еле дышал. За водой для унитаза и умывания приходилось таскаться чуть ли не за километр к бассейну возле горсовета. Бассейн стремительно мелел на глазах, антисанитария заедала быт. Ночью был плановый артоналет на центр города, причем били с разных сторон и положили снаряды в десятке метров от норки Стенина. Слава Богу, дом был соседний. Когда осела пыль и осыпались стекла, Стенин услышал дикие крики и вой и пошел в эпицентр чьих-то страданий:

— Я взял свечку, фотик. Часа два помогал мужику откапывать из кирпичей убитую жену. А пораненная бабка сидела в кресле и повторяла: «Где Маня? Где Маня?» Мы ей

объясняли-объясняли, а потом бросили. Она, наверное, с ума сошла. А потом я двинулся домой и вдруг понял — я вообще живу один в подъезде. В доме пара человек осталась, они из подвалов не вылезают. Меня, если убьет или завалит, так вообще никто и никогда не найдет. Можно, парни, я у вас поживу?

Три дня Стенин жил у Коца, который ночные артобстрелы встречал мужественным увеличением громкости в наушниках и не оказывал никакой моральной поддержки своему постояльцу. Поэтому мы рассудили, что социопату лучше жить с социопатом, и Стенин переехал четко на этаж выше, в мой номер:

— Бывайте, ихтиандры, — напутствовал нас Коц на дорожку, — если что, все равно ко мне в комнату провалитесь...

Быт у меня был налажен несколько лучше, я этим славлюсь. В углу комнаты лежала поленница свечей и связка антикомариных спиралей. Стояли пакеты с крекерами и не прокисающими сливками, по утрам я заваривал кофе «Лавацио», а вечером готовил чайный напиток «Бич Божий» — шесть пакетиков «Липтона» на стакан кипятка и три столовых ложки сахара. Грохот орудий заглушала ревушая паяльная лампа и вишневое пятно расплывалось на боку моей железной кружки, рождая агасферовский уют.

Такие здоровые кружки — моя слабость. Я их таскаю в лес. За пару походов кружа так пропитывается дымом, что наливаешь в нее под Новый год кипяток и по всей квартире расплзается запах леса, хвои и березового дегтя вытопленного жарким пламенем костра. Крайнюю кружку я притащил с собой чуть ли не на Северный полюс, на погранзаставу Северной земли. И когда я налил в нее кипяток, всех зашатало от буйства запахов. Арктика стерильна, а на Северной земле тем более. До полюса как от Москвы до Питера, фауны нет, а флора представлена цветком «камнеломка», который

живет при минусе и подышает в тепле. На запах волшебной кружки прискакал из своего кабинета командир заставы — за двадцать метров учуял, и сосуд перехватил у коллектива. У него через пять часов начинался день рождения. Я потом подглядел случайно, он прятал подаренную кружку в сейф.

Эту же кружку, «славянскую», я и подарил Стенину вместе с газовой горелкой и запасом баллонов — чтобы хоть как-то утешить его, остающегося здесь ждать отложенной или скорой смерти. После грозных криков начальства, и топанья ногами по телефону, нас все-таки заставили выбраться из Славянска. И вовремя, через два часа после бегства, на последней партизанской тропе встал укровский пост и нашего водилу встретили дружеско-освободительной очередью впритирку к крыше машины. Мы уехали, а Стенин остался. И кружка осталась, не повез я Войну домой. Просто, я купил ее 1 мая в елдьшащем хозяйственном магазине напротив ГУВД Славянска. И продавщица, моментально все просчитав, спросила меня в лоб:

— Что, война начнется?

Я отшутился, ходил потом, привесив эту кружку на пояс, уцепив ручкой за карабинчик — изображал окруженца, что было уже сушей правдой и в целом не являлось темой для шуток. Только никто этого не понимал. Через десять часов я уже сидел за мешками с песком во дворе бывшего СБУ, с компьютером на коленях и пытался собрать в кучу разбегающиеся мысли, чтобы настучать первую заметку. В голове крутилась лишь дурацкая кружка и продавщица-провозвестница. Тишина вокруг на фоне заполошной стрельбы вдали придавливала меня к земле. Люди, рядом со мной, не отрывая щек от прикладов автоматов и пулеметов, курили «последнюю», выцеливая туманную утреннюю даль, из которой должны были появиться и смерть, и горести, и страдания. А кто-то звонил домой и прощался навсегда.

Восточная прогулка

На заднем дворе славянской «Украины» у каждого была любимая качелька. Саша Коц уважал фиолетового дракона на пружине. Стенин и Фомичев оттягивались на парных качелях, не переставая упрекать друг друга в неправильном, не техничном или эгоистичном качании. Я сидел на садовой скамейке, привязанной к самому небу цепями, укрытый лапами голубых елей. Лапы создавали иллюзию безопасности и покоя, рождали сказочный уют. Час назад, укры с Карачуна ровняли какой-то несчастный квартал за гостиницей. Жители пятиэтажек давно разбежались кто куда, поэтому никто не погиб, не был ранен и не горевал, оставшись без крова. Мы даже не пошли снимать развалины. Там не было ни картинки, ни эмоций. Только оседающие клубы красноватой пыли, которую потом негде и нечем будет отмывать или отстирывать. Невеселый, но богатый жизненный опыт подсказывал, что скоро информационное поле пресытится артобстрелами Славянска, боевой дух и беспокойный ум диванных хомячков найдет себе другой повод для волнений и тревог. Опять же футбольный чемпионат на носу... А война так и будет идти своим чередом, интересная только тем, кто попал в мясорубку или в «...орез», как называли всякие фатальные экспириенсы славянские ополченцы. Было все это, все пройдено, заучено и даже описано: «В подвале я увидел знакомую картину — несколько напуганных малышей, униженный бессилием отец семьи, его бесцветная жена и старуха, погружившаяся во тьму своих воспоминаний. Снимать это в сотый раз не было смысла, и не было смысла идти в машину за вспышкой».

На задний двор упругой походкой вышел Сема Пегов, обмотав чресла несвежим полотенцем. Прошествовал к бассейну, затих, а потом плюнул в него — мы все слышали, но никак не отреагировали. Утром случилось чудо или явление. Наш небесно-голубой бассейн, поилец унитазов,

принявший и обмытый с грязных пыльных тел десятки литров предсмертного кошмарного пота, вдруг поменял свою масть. В одну ночь, превратившись в гнусно-изумрудное болото без жаб. Жизнь победила химию и хлорку. В недружелюбной среде зародилось что-то новое, возможно, достойное внимания Босха. Мой стих: «Голые дяди по небу летят, в бассейн «Украины» свалился снаряд», сегодня ночью потерял свою актуальность. Да и дяди почти все разъехались по своим редакциям, да по отпускам, оставив умирающий город осыпаться стенами и крышами в самую историю, туда, куда уже ушли десятки тысяч городов, оставленных испуганными людьми, сожженные варварами, разрушенные без причины или от зависти жестокими завоевателями. И даже археологи не плачут по этим городам, сидя в раскопах, полосатых от культурных слоев, как матросские тельняшки. Но наш читатель или зритель должен плакать каждый день, хлебнув дистиллята из нашего увиденного и пережитого. Бог зачем-то определил нас ретрансляторами чужого горя и пока берег, придерживая нас, где надо за плечи, а где надо — крепко прижимая к земле. Вечером позвонил старый товарищ, которого инфернальный обреченный град засосал на несколько месяцев и позвал на утренней зорьке в небывало интересный трип, исполненный эксклюзива. С касками и бронежилетами опционально.

Утром на какой-то заброшенной станции техобслуживания, нечаянно ставшей базой отряда ополченцев, мы хлебнули кофе, того самого дьявольского сорта, который после трех чашек вызывает необратимый некроз тканей желудка. Кофе нам принесла будущая жена Моторолы, и ее ресницы уже хранили какую-то лукавую женскую тайну. Есть, по обыкновению, не стали — хирургу будет проще ковыряться в кишках и не выяснять, где тут дырка, а где плохо пережеванная картошка или огурец. Длинный, чуть сутуловатый мужик в краповом берете, усадил нас в потрепанный джип, и мы отправились в сумрачный и се-

рый мир пригородных пустырей и промзон Славянска. На крайнем блокпосту наш проводник с позывным «Собр» выяснял обстановку по рации. Блок был примечателен тем, что третьего мая в него долбили прямой наводкой из танка, но когда танк, отстрелявшись, попытался проехать по дороге дальше, его встретил такой дружный залп, что механу даже не пришлось искать заднюю передачу — сама воткнулась. Кто-то из ополченцев принес показать российский флаг, реявший в тот день над блоком. Я чужд благоговению перед гос. символами, но тут и меня проняло. Не роса этот флаг целовала, а осыпь от осколочно-фугасных и вторичная — от бетонных блоков. И ярость, и отчаяние обреченных записались на этом куске материи, как двоичные символы на компакт-диск. Я даже не решился его потрогать. Истерзанный флаг унесли, спрятав чуть ли не на груди, а мы поехали дальше.

— Там нет никого в этом поселке, — втолковывал нам Собр по дороге. — Ни наших, ни «укропов». Правосеки, бывает, в магазин заходят, и все. Нейтралка.

Слезли у какого-то железнодорожного переезда, на высокой насыпи. В ста метрах уже начинались ладные дома поселка Восточный, за которым день и ночь вздыхали, бурлили и клокотали плохо переваренные войной останки Семеновки.

Джип как-то торопливо уехал, а мы пошли куда-то вдоль ряда домов, и с каждым шагом мне становилось все прохладнее и прохладнее. Слева от нас тянулась вереница железнодорожных цистерн, которые уже начали ржаветь там, где не было мазутных подтеков. По словам Собра, укровские снайперы устраивают лежки между колесных пар этого мертвого состава. Но стреляют паршиво, можно и перебегать и играть с ними в дразнилки. Изредка попадались местные на велосипедах. Кто-то старался не смотреть на нас, а кто-то, наоборот, глядел с плохо скрываемым сожалением. Так, наверное, юный Турбин смотрел на кадетишку с винтовочкой, который выполз на улицу

повоевать аккуратно в тот момент, когда петлюоровцы вошли в город. Мне не нравился этот поселок Восточный. Не нравился он Стенину, Коцу и Краснощекову. Большая мурашка ползла по моей спине вдоль хребта, чуть оттопыривая бронезилет. Каску я снял, чтобы не рисоваться своим стремным силуэтом. Коц, наоборот, остался в каске. Тут дело вкуса — кто-то сахар в чай кладет, а кто-то сразу в рот сыпет и чаем этим запивает. Разницы, в итоге, никакой.

Я догнал Собра в три прыжка:

— А куда мы, собственно, идем?

— К магазину.

Я представил на секунду, как с двух сторон к этому неведомому магазину, одновременно, подходит наша компания и компания правосеков. И мы, по совету Собра, укрываясь в складках местности, двигаемся к месту нашей высадки и там жалобно зовем на помощь, а наш проводник прикрывает нас огнем. Сначала автоматным, а когда кончатся семь рожков — пистолетным. А потом нас ловят по кустам и сараям правосеки, перекликаются по галицийски: «Тримай яго, хлопци!» Двое в списках СБУ под номерами 75 и 76, Стенин с Краснощековым... их впишут в конец, задним числом, после поимки. Делов-то, открыть файл и дописать две строчки...

— Надо было автоматы взять, раз уж в такую сумеречную зону поехали, — заметил я, плохо скрывая свое недовольство.

— Бери, — сказал мне Собр и протянул автомат.

— А ты?

— А у меня пистолет есть!

— Не, автомат будет мешать снимать, а камера стрелять. Не управлюсь.

Дальше шли молча, лишь Собр крутил головой как заведенный и ссутулился еще больше. У сельпо все как-то перевели дух. Уже через минуту мы собрали митинг из местных жителей. Видокамера фиксировала жалобы, сте-

нения, злобу, растерянность, страх, отчаяние. Я молча снимал, думая лишь об одном — попросить представиться в конце синхрона. Совершенно феерического типажа молочница на велике, с золотыми серьгами-калачами, как у моей бабушки-казачки, рассказывала про общение с нац. гвардейцами на их блокпосту БЗС.

— Если по-русски говорят, эти пропускают. Но если западэнцы, то сразу: «Назад, проходу немає, повертайся!» И автоматом мне этак кажет! Мы ж тут все террористы-сепаратисты. Еду тогда домой, тврог делать...

Заслышав мову, из толпы выскочил крепкий мужик, лет так за пятьдесят и стал кидаться на молочницу с криком, что своей поганой мовой она поганит честный поселок Восточный... Назревала совершенно неадекватная свара людей с «боевыми психотравмами». Пораженная таким нечеловеческим напором с козлячьими предьявами, молочница, я так понимаю, судя по ее статям, способная проораться, как гудок тепловоза, вдруг совершенно растерялась... И только бормотала, оправдываясь, мол, я хлопчикам только объясняла как эти... Со мной... Каждое утро издеваются на блокпосту... Не знаю — проеду к вам или нет, а в лесопосадке мины везде стоят, и трупы, страшно... И ночью стреляют, у коровы от страха глаза мутные и молока дает литра два, на что жить, не знаю...

Мужик кричал, не унимаясь, что у него сегодня ночью разбомбили дом, и он этого так не оставит — скоро гробы подорожают! Каким-то чудом мы вместе с Собром переключили внимание этой седоватой «жертвы войны» на прессу и пошли глядеть разрушения. Судя по трейлеру нас ждала как минимум Хиросима. Но в реальности имелись вполне живые куры и нереальных размеров огород с разными сельхозкультурами, растимыми в каких-то промышленных масштабах. Все это великолепие прикрывал забор из профнастила, неубедительно посеченный осколками и один разбитый стеклопакет в окне справной и целой кирпичной хаты.

Мужик маячил в окошке видеоискателя, воздевал руки к небу, кричал, что первого же нац. гвардейца падлюку, который появится на его улице он взденет на навозные вилы, и сразу будет заражение кишок, а потом смерть на гноище. И чем больше он верещал, тем крепче я думал... не забывая следить, чтобы в нижней части кадра оставалось место для титра или бегущей строки, а сверху было не слишком много воздуха. Я снимал и думал:

«Никуда ты не пойдешь воевать, и ни на какие вилы никого не насадишь. У Стрелкова автоматов? хоть попой ешь, иди и получай. А огородик твой кто поливать будет, хер ты свой огородик бросишь, есть кому за тебя повоевать. Вот только мало их, и война пришла к тебе, не удержали ее. Вас много здесь таких, и все думают что пронесет. Не пронесет никого. Миллион бамбуковых пик спасли бы Японию, сделали пятьсот тысяч, но самые смелые уже погибли, а остальным было все равно. Ага, служил заправщиком баллистических ракет на подводной лодке. Опа, а теперь он служил в Афганистане... На подводной лодке... это какой-то пиздец, товарищи...».

Мужик выдохся и мы поняли, что он невменяем. Просто сбила кукушку близкая Смерть. У всех такое было, потом просто не замечаешь. И тебе кажется, что привык. И ты ешь мясо, только что, минут десять как отсняв сотню трупов у нашего посольства в Дамаске. Ешь, потому что не завтракал утром — сразу убежал, как качнуло стекла в гостинце. И сейчас ты сделал все дела и можешь пообедать. И понимаешь, что куриный шашлычок на тарелке такого же шафранно-желтого цвета, как большинство погибших от взрыва дрянной самодельной взрывчатки из аммофосных удобрений и машинного масла. Но ты ешь, не срыгиваешь. А когда-то не мог, и трупный запах месячной давности из сентябрьского Беслана вдруг проявлялся в октябре в невинном выхлопе московского автобуса.

На окраине Восточного, дальней окраине, стали падать минометные мины. Примерно по mine в минуту. Собр

сказал, что надо уходить. Мы предложили вернуться не вдоль железки со стремными вагонами, а по параллельной улице. Собр на удивление легко согласился, тем самым развевая свою уже сложившуюся репутацию Харона-общественника. У пресловутого переезда, на самой маковке высоченной насыпи нас остановил мужик. Остановил с дурацким вопросом:

— Тело надо увезти на кладбище, пропустите машину?

Собр коротко бросил:

— Конечно, пропустим, когда мы и кого не пропускали?

Но, мужик, не выслушав ответа, уходил. В полуденном мареве дрожала и пузырилась его ярко-белая рубаха. Мужик торопился, почти бежал. Собр понял все, да и мы поняли, что косому укровскому снайперу нужны были лишние секунды, чтобы отстроиться-прицелиться. Снайпер успел, но промазал. Мы услышали только жестяной щелчок. Тело мое в этот момент падало на асфальт, а я уже хвалил сам себя: «Молодец, не стал выбирать место, где стоял — там упал, все как надо». Первой, впрочем, с дребезгом шлепнулась на асфальт каска. Мы полежали минутку. Собр бормотал в гарнитуру: «Присылайте карету. Карету. Ка-ре-ту присылайте, прием!»

Карета появилась слишком быстро, я на такое не рассчитывал. Думал, будем тут лежать минимум полчаса, нюхать асфальт и разглядывать муравьев с расстояния в сантиметр. Может, куда поползем. Звиздец, последние чистые штаны, вода в бассейне гниет, в чем стирать? В минералке?

Карета должна была перекрыть обзор снайперу, но Стенин почему-то стал оббегать машину, а Краснощеков, ехавший в багажнике, требовал зачем-то, чтобы закрыли его заднюю дверь. Боялся, что его продует? Я отснял эту суетливую погрузку, беготню, прыжки, водилу, сползшего куда-то под рулевое колесо. Потом зачем-то бросил камеру на сиденье, вылез и запилил Краснощекову дверь об-

ратно, хотя Собр рычал: «Едем, бля, так!» В этот момент укроснайпер собрал зрение и все свои небогатые способности в кучу и попал нам в заднее левое. Но мы уже двигались в перекосившейся машине, со стуком и скрежетом, воняя резиной, и заползали за кусты, которыми была обсажена на наше счастье дорога. На блоке мы выскочили из машины и стали снимать наше дымящееся колесо, а Краснощеков пленным сизокрылым голубем опять бился в багажнике джипа и требовал, чтобы теперь дверь ему срочно открыли...

— Я в гробу видал такие прогулки по нейтралкам, — резюмировал Коц, когда мы вышли на исходные. То есть расселись по любимым качелькам во дворе гостиницы. Стенин пошевелил бородкой, сильно толкнулся ногами и взлетел в небо, я что-то промычал в знак полного согласия с Шурой. Фраза была пророческой.

Утром нас разбудил «вестник смерти», волонтер похоронной команды Виталик, со зловещим позывным «Дровосек»:

— Ночью на Восточном трех стариков минами поубивало, поехали. Кто-то, садитесь в труповозку на гробы. Она у меня чистая, не парьтесь.

Старики лежали на той самой улице, идущей вдоль железки, прикрытые домоткаными половиками. Солнце уже припекало чувствительно. Если человек был полным, и куски его плоти полежат на горячем асфальте, солнце вытопит из них жир черным масляным пятном. Я вот не знал раньше. Теперь знаю, и вряд ли когда такое позабуду.

Пять сигарет

Семеновка с ночи курилась разнообразными дымами — подожженная дворниками куча листьев, прибитая холодным и яростным ливнем. Машину мы бросили на многострадальном перекрестке, во дворе бывшего кафе

«Метелица», точно напротив известных всему миру букв из нержавеющей стали: «СЛАВЯНСК». Вместе с машиной оставался наш «одноразовый» водитель Руслан. Они тут все в последнее время стали недолговечными — день поработает, а утром он за тобой не приезжает. И вообще, исчезает с радаров и из города. Видать, после наших пресс-туров люди лишаются последних сомнений и надежд.

Наше двухнедельное отсутствие не пошло придорожному общепиту на пользу — из стен «Метелицы», как огонь, торчали языки теплоизоляции. Вокруг валялись хвосты от мин, осколки, окровавленные клочья брезента и камуфляжа, гильзы и куски сайдинга, через которые вполне можно было отбрасывать макароны — столько там было мелких дырочек. На фронте кирпичной автомойки зияла дыра от танкового снаряда. Били практически в упор, по прямой. С такого расстояния выстрела из танка не слышно, каждый «бах» — в тебя и для тебя. Наслаждайся войной и фатумом.

Торопливо распахнул по карманам две пачки сигарет — воздух без никотина здесь похож на марсианский или высокогорный. Гоняешь его взад-вперед пересохшей носоглоткой, и никакого удовольствия. Потом, в бездонных штанах исчезает крошечный фонарик, редакционное удостоверение, горсть барбарисок — мощное, почти колдунское коммуникативное средство, запасной аккумулятор от камеры, ручка и блокнот. Кажется, все. Рюкзак со всем добром — от денег до документов, бросаю в багажник нашей машины. Бегу вниз по пологому склону вслед за товарищами, на ходу примечая тонкости их перемещения. Бросок через шоссе. В ловком прыжке, упругой, разведчицкой походкой пересекаем насыпь железной дороги. С одного конца на железке наш блокпост «тридцатка», с другого — блок «химик». Мы пока в тылу, но могут стрельнуть и свои, поэтому не нужно лишний раз торговать своей тушкой на линии огня. Так я понимаю маневр нашего сталкера. Нас ведет Андрей Стенин. Му-

жество его, хитрость и осторожность выкормлена в сырых подвалах Семеновки ядовитыми миражами страха, среди волглых одеял и сморщенной прошлогодней картошки. Образ его и бородатый лик вылеплен бритьем при свечке, с тусклой золотистой крышечкой от домашней консервации вместо зеркала. Поспешаю по высокой траве, не забывая глядеть под ноги, и думаю, что этот Стенин странный и подозрительный тип. Во-первых, у нас фамилии отличаются на одну букву. Во-вторых, уже много лет я встречаю его то в Ливии, то в Сирии, то в мятежном Каире в лагере братьев-мусульман окруженном армией. То на майдане или в Крыму. Ходит за мной как приклеенный... Иногда делает фотоснимки. Часто в темноте и без вспышки. Зачем?

Украины Семеновки, степенью своего несчастья ничем не отличались от виденного в ливийском Адждаби, чеченском Сельментаузене или в сирийской Дарайе. Лишь скорби мое сердце рождало больше — брошенный хлам в заваленных хатах состоял из привычных, родных образов... Вот такой алюминиевый фонарик у меня был в детстве, батарейки потекли, замучился выковыривать ножницами соли и ржу из витой пружины... и красный пластмассовый конь с белой пышной гривой, как одежды святых с византийских икон, не раз возил меня и в атаку, и на канадскую границу, когда мы нарвались на засаду индейцев-команчей... Старенький приемник «ВЭФ», ныне припудренный кирпичной пылью, я тискал ночами, как девицу, пытаясь поймать любимую французскую миссионерскую станцию, вещающую для Микронезии.

Только стоя по колено в брошенных вещах, понимаешь остро один из христанских постулатов — нагим пришел в этот мир, нагим и уйдешь. Крестик — деревянный, венчик — бумажный, в подушке — стружка от гробовых досок, а все остальное тлен и суета.

В одной из битых хат, на полу кухни, лежал свернувшись калачиком рыжий пес с обрывком цепи на ошей-

нике, растянутом страшным, предсмертным усилием. Пес был жив, худые бока чуть дрожали. Он нас не слышал — контузило сильно, мина приземлилась во дворе, в десятке метров от его будки. Вход в кухню был завален поехавшей кирпичной стеной и я протискивал объектив камеры между частоколом битого стекла. Стекло сыпалось вниз хрустальным водопадом, но пес не шевелился. Снимал длинные статичные планы с двух, с трех ракурсов. Снимал и думал, что этого несчастного пса в Семеновке, уже ничто не переплюнет по эмоциям. Так уж устроен современный человек, стоящий на пороге Страшного суда. Положи перед ним на одеяльце десять трупиков младенцев и одного сбитого машиной котенка... Положи и спроси — кого тебя жальче? А? Через три дня мне на почту пришло письмо от каких добрых, но сильно ебанутых людей с иной парадигмой сознания. Они посмотрели сюжет из Семеновки и слезно просили вывезти песика, хоть на специальном санитарном вертолете, они оплатят. То, что в том же сюжете, и на соседней с песиком улице под бомбами пока еще жили двухлетний Антон, пятилетняя парализованная Вера и ее сестра-близняшка Люба, эти люди как-то пропустили мимо своего милосердного сознания. Я не стал отвечать на письмо, просто стер его из почты, но ощущение, след от склизкого червя, проползшего между лопаток к затылку, осталось на всю жизнь.

Через несколько минут на улице, перегороженной противотанковыми ежами, мы встретили Любу, катавшую в коляске Антона. Я думал, это мираж, бред... такого здесь не может быть. Но картинку повторил без искажений мониторчик камеры, и я развел и широко замахал левой рукой, притормаживая Коца, Стенина и Евстигнеева, чтобы хотя бы 30 секунд не лезли в этот феерический план. Справа и слева от меня защелкали затворы фотоаппаратов — все работали, пытаюсь оцифровать пронзительность, превратить трогательность в форматы ДЖПГ

или МКВ. И еще мы хотели спасти этих детей, вот только их родители не хотели спасаться. Подвала у них не было и они просто ждали смерти, лежа на полу в доме. Может быть, они были умнее нас, и просто не видели никакой разницы между этим миром и тем. И вот попробуйте их опровергнуть.

Стенин стрельнул у меня очередную сигарету и заявил:

— На передок надо идти, к чайхане. С Боцманом поздороваться и Кирпичом.

Мы были не против, я лишь спросил:

— Далеко ли до передка, как вы изволили выразиться? Километр? Два?

Стенин сказал, как отрезал:

— Пять сигарет.

Что он имел в виду никто не понял. То ли это был размер бакшиша за точные координаты, то ли к пятой выкуренной мы придем на место. Курили мы много, и как не толкуй слова Стенина, выходило, что идти недалеко.

Беседа с Боцманом и его напарником Гоги скомкалась в самом начале.

Где-то далеко от нас захлопал тракторный пускач и на низеньких оборотах заработал дизель.

— Танк завелся, быстро-быстро за мной, я первый, Гоги — замыкай.

Через десяток секунд мы ссыпались в сырой погреб.

— По стеночкам, прижались. Да не жопой, а яичками. Мясо отрастет, а яички обычно не отрастают, пока такие казусы науке неизвестны — с шутками и прибаутками Боцман сортировал свалившихся ему на голову некомбантов. Я стоял, уткнувшись носом в серую беленую стену, которая пахла моим восхитительным детством -погребом с бабушкиными компотами и вареньями. Где в банку с абрикосами слоями укладывались ядрышки бобков, на вкус ни чем не отличающиеся от экзотического миндаля. И еще я думал, что со стороны, все это напоминает концовку «Ведьмы из Блэр», где непослушных и непутевых

детишек так же расставляли по стеночкам подвала. Я скосил глаз, посмотреть — нет ли где отпечатков кровавых ладошек, но тут наверху грохнуло, и снап осколков подмел двор.

— Я так и думал, — с каким-то восторженным удовлетворением сообщил нам Боцман, — охотит вас. Маякнул кто-то. Сейчас похуярит нам последних журналистов... Сидим здесь, пока он не отстреляет половину карусельки, потом наверх, за мной. Гоги замыкает. Минут десять у нас будет. Он, падла, хитрый, весь боезапас не расстреливает, знает, что мы его нахватим рано или поздно.

Но было еще рано в этот день. Ополченческий ПТУР танк не доставал. А потом, к танку подключились минометы, а еще были гаубицы. Автоматы и пулеметы на этом фоне выглядели бледно, не котировались, не звучали.

Мы перемещались по Семеновке под комментариями Боцмана: «так, по укропчику здесь шагаем, не стесняемся», «накапливаемся, перебегаем», но ад следовал за нами по пятам. Уже под вечер укровские артиллеристы выдохлись, сбавили темп. Разведчик Леша загрузил нас в раздолбанный седан без стекол, и на скорости под 120—130 мы покинули Семеновку. На посту под Славянском он остановился передохнуть, разгрузить свой автомобиль и перекурить. Сигареты у меня уже кончились, две пачки, но еще малый запасец был в рюкзаке — пять сигарет в мятой пачке с надписью «Курение вбивает». А рюкзак, как в сказке, лежал в серебристой «жиге», а машина стояла во дворе кафе «Метелица», которое мы проехали на такой скорости, что уцелевшие электростолбы превратились в сплошной забор. Без щелей.

— Да расхуячили сегодня «Метелицу», — авторитетно успокоил меня Леха, — по ней же весь день гвоздили. Раненых оттуда возили, знаю. Ха-ха.

Смех разведчика весельем не заражал. Подумал первое: «Что с нашим водилой?» Потом перед глазами встала кар-

тина — полированный гостиничный столик, уютно горит свеча в виде новогоднего гнома, клей и ножницы — я собираю из кусков свой паспорт, но фарш невозможно вернуть назад. Куски не подходят, половины не хватает. Заявление Стенина о том, что у него в машине остались запасные объективы и прочее фотодобро, слегка облегчило мои страдания. Но не до конца.

— Обоих не повезу, — сказал нам Леха, — чем меньше народа, тем меньше вероятность, что по машине начнут палить. А перекресток пристрелян, сами знаете.

На секунду показалось, что мне на голову накинута мешок для перезарядки фотокассет. Такой пыльный, воняющий фиксажем. А завязки от мешка красивым тугим узлом стянули над кадыком.

— Я съезжу, — это сказал кто-то, стоящий за моим правым плечом. Но сзади меня никого не было. Я потянул из кармана видеокамеру и отдал Сашке Коцу.

Леха прищурился:

— Боишься?

— Боюсь, что съемка сегодняшняя пропадет. Едем?

Наш несчастный водитель выскочил из подвала автомойки с двумя рюкзаками в руках — моим и стенинским. Кафельный пол мойки был захлюстан кровью, как будто тут резали поросей. Серебристая «пятнашка» целенькая стояла у стены, а в трех метрах от нее из клумбы торчал хвост не сработавшей минометки. Серая такая морковка, с желтым наколотым кругляшом на торце. Земля мягонькая, рыхлая, воздушная... не накололся капсюлек в инерционном взрывателе. Или предохранительные шарики закисло и не вышли. Бывает.

На следующее утро я сидел на ступеньках гостиницы у тяжело чухающего генератора, который на последнем издыхании насыщал электронами мой могучий кипятильник. Кто-то тронул меня за плечо. Наш водитель.

— Привет. Куда поедет сегодня?

Я встал и обнял Руслана. Он не удивился.

Славянск-гонзо. Ночная прогулка

Город-герой. Комендантский час. Кот на светофоре терпеливо ждет зеленого света, но моргает тревожный желтый. Надо посмотреть на обратном пути — дождался или нарушил? Где-то стреляют, но без задора, для порядка. За въездным блокпостом у карандашной фабрики горит ополченческая «Газель». Попали под обстрел разведгруппы, врезались в столб, ушатали авто. Стоим, погасив фары, любуемся на буйство пламени, чихаем от запаха горелой резины. Ближе не подходим — разведгруппа, похоже, еще не ушла, и снайпер ждет любопытных. Из темноты выныривает подземный обитатель этих мест, шахт, штреков и копанок — бородатый гном. Гном боевой, увешан оружием с ног до головы. Дружелюбен. На вопрос товарища: «А можно сходить снять «Газель»? Отвечает вопросом: «Ты чо, экстремал?» Из уст Мотороллы это звучит, как описание подвига в представлении к ордену. Тихонечко сдаем назад, фонарь заднего хода предательски светит, как паровозный прожектор. Адреналина мало, ломает пока. Едем дальше. Пустые улицы во тьме чужие, объезжаешь неряшливые баррикады по известным тебе тропам, вдоль домов. Света нет, но баррикады хорошо видны — белые мешки с песком светятся грудями рафинада, несъедобными сахарными замками из витрин дорогих кондитерских лавок. Иногда приходится вылезать и оттаскивать в сторону покрышки или доски с гвоздями. Фары выключил, но зато включил аварийку — чтобы свои не влупили. Правда, теперь чужие влупят безошибочно. И непонятно что лучше. Вы не знаете, случайно? Чужие уже лазают по окраинам, просят у местных писанные матрасики — земля еще не прогрелась толком в лесопосадках. Цистит «воинам света» не к лицу. Днем пришлось бежать с уютной дачи в Славкурорте. Приехали отдохнуть и постираться, а вымерший курорт напугал. Качались на качелях, нюхали первые цветки с клумб, ждали, когда первое солнышко

просушит портки и исподнее. Потом стрельнули одиночными, но десять раз. В храме у озера ударили в набат. Через щель в заборе видели, как мимо прошли два мужика в черных нарядах магазинных охранников. Правда, с автоматами прижатыми подмышками — чтобы не рисовались на силуэтах. Кидали влажное барахло в багажник не глядя, шепотом заводили машину, ласково закрывали ворота и прочь, прочь из этих расслабленных курортов в деловой и собранный город, пустой, как детская библиотека в Новогоднюю ночь.

К ночи нашлись дела для журналистского патруля. Едешь ты не просто так, а перепроверяешь какой-то важный порожняк. На ночь глядя. Что-нибудь этакое... тебе рассказали знакомые фуфлогоны с баррикады, попивающие чаек из закопченного чайника. Например, рассказали порожняк о сожженном правосеками ДК «Железнодорожника» в котором завтра будет референдум. Или уже не будет? Сейчас посмотрим. Местные жители снимали все таблички с домов, чтобы врагам было сложно ориентироваться. Поэтому ты постоянно останавливаешься, спрашиваешь у каких-то темных теней дорогу. Тени несут какую-то явную хуйню, про просочившихся в город бойцов нацгвардии, недавнем яростном, но беззвучном бое на ж/д вокзале и т.д. Пугают тебя. Они не знают, что ты за 11 лет ни одной войны не пропустил, и мог бы сам тут навести такую тень на плетень... рассказать им о жизни после смерти и как правильно обретать экзистенцию. Но ты тоже забываешь про этот факт биографии под воздействием их заразного смятения. Слушаешь, киваешь. В темноте не видно, как в твоих зеленых глазах колотыми алмазами искрится смех.

Попутных машин нет, и встречных тоже. Это очень плохо, для тех, кто понимает. Чуть поджавшись в кресле, едешь по безмолвным темным улицам дальше, весь такой напряженный и внимательный. Едешь и все замечаешь, все неработающие светофоры и все повороты...

и тут ХУЯК! из кустов тебе под колеса прыгает бабка! А на следующем ложнопустом перекрестке — дедка! Ты пытаешься сдать назад — и каким-то чудом, в последнюю секунду, видишь в зеркальце, в призрачных отсветах стопов, местного огольца на трехколесном велосипеде! Он проезжает мимо в сантиметре от заднего бампера и смотрит в небо на медленно летящую красную трассирующую пульку. В стороне что-то начинает херачить все сильнее и взлетают зеленые ракеты. А потом тихо. Пять минут, десять. Сидишь в машине как дурак, пучишь глаза во тьму, пока она не становится какой-то белесой. В формалиновом киселе уже плавают пресмыкаясь ужасы будущего. Ты разворачиваешься, но не до конца совершаешь плавное движение по окружности — через перекресток бежит тетка и метит прямо тебе под колеса. ААААА!

И ты едешь в гостиницу и там долго пьешь чай, а потом куришь, постелив диванную подушку на балконе. Тишина, в соседнем дворе кашляет кошка. Чуть дальше, на пределе слышимости — квакают жабы. Небо оккупировано «соколами Коломойского», у каждого жало толщиной с карандаш. Бьют в плоть беззвучно, как хороший кладбищенский плотник в край гробовой крышки забивает гвоздь по шляпку с одного скупого удара в котором, и мощь, и глазомер, и профессиональное презрение к смерти. Имеют начатки интеллекта, днем, за минуту до артобстрела, прячутся под кровать.

Перед сном плотно, тщательно и долго задерживаешь шторки. Зачем? Этого ты не в силах объяснить даже самому себе. Возможно, чтобы, проснувшись от удара не ворочаться в «салате» из стеклянного крошева. Две трети кровати прикрывает стена в шесть кирпичей, и ты поджимаешь во сне задние лапы, чтобы они не высывались в зону потенциального поражения. Ранним утром под городом кипит бой, но ты его не слышишь. Тебе снится белая ослыта со связкой баранок на шее вместо упряжи, на спине у ослыты, без седла, в охлюпку — сам Архангел Михаил

с пламенеющим мечом. Пытаешься вспомнить название меча — фламберг? Вспоминаешь, вспоминаешь, пока жало меча не превращается в острый луч солнца, осторожно вошедший в щель между занавесками. Вдруг этот луч-меч бьет в лицо, и ты просыпаешься.

Славянск, дышу и слышу

Первая после недельной разлуки ночь в Славянске удивила качественным артобстрелом. Интенсивность и так нарастала с каждым днем, а к нашему прибытию в город достигла плато (по Шульгину*, кто понимает). В эту тихую украинскую ночь укры опять пытались попасть по штабу ополчения, с перелетом в метров триста накрыв последние этажи домов по улице Ленина. На всех этажах гостиницы хлопали двери и кто-то, огромными обезьяньими прыжками, прыгал через пять ступеней — как в далеком детстве. Помню, долго собирал «тревожный» рюкзачок, втянув голову в плечи, как напуганная черепашка. Сгребал в его раззявленную пасть аккумуляторы, зарядки, телефоны — самое дорогое и нужное. А грохот разрывов все приближался. Удар и дробная осыпь осколков — черти сыпали горох в пустое жестяное ведро. Потом я тоже прыгал через лишние ступени в бомбоубежище, краем глаза отмечая огромные световые окна на лестнице, прикрытые лишь кисеей, дымчатой, как мой разорванный сон.

В бункере мне не показалось, и я быстро заскучал. Сыро и душно. Пьют виски с таким поминальным задором, сами не зная зачем. Алкоголь не веселит, не коммуницирует и не глушит страх. Свечки моргают. Из осыпавшегося цемента торчат ржавые металлоконструкции и сочатся слезами конденсата. Мэр Славянска Пономарев появляется в нашем подвале. Занимается популизмом сидя на пляжном лежаке. Обстрел застал его на нашей

*Александр Шульгин, химик, исследователь психоактивных веществ.

улице, а подвал «Украины» славился своей надежностью. Мэра завтра арестуют, но он про это еще не знает. Липкий страх висит здесь, как влажный туман в мыльной общественной бани. Минут через тридцать я для себя решил: «да ну нах, задавит тут, как крыс сорвавшимся лифтом...». Куприн в аймаде надоел своим сплошным пиздостраданием, хотя я читал его с легким чувством гордости, которое должно было телепатически уязвить укроартиллеристов с горы Карачун. Пока эти гомосеки-правосеки, занимаясь нацбилдингом, подтаскивают по грязи к своим гаубицам вымазанные в пушсале снаряды, настоящие интеллигенты гордо читают русскую классику. И даже от виски отказались — так велико их презрение, так безбрежно их спокойствие. Я закурил сигарку, и, помахивая воображаемым стеклом с костяной ручкой, выбрался на свежий воздух, всего лишь раз ударившись головой о какую-то трубу.

В вестибюле гостиницы истерила хозяйка нашего бедлама по имени Лена, она еще не привыкла к новой реальности и зашипела испуганно на мой фонарик. Объяснять, что-то доказывать Лене, означало потерять самоуважение. Я прикрыл пол-линзы своего крохотного фонарика подушечкой указательного пальца, и синий прозекторский свет приобрел уютные, будуарно-розовые оттенки. Женщина со сложной судьбой моментально успокоилась:

— Может заберете вашего?

В углу вестибюля, втиснутый в закуток у входных дверей, стоял и молчал человек.

Средних лет, с брюшком, в руке телефон. Прохожий, он заскочил к нам, когда начался обстрел. Я, мягко и ласково, насколько смог, дотронулся до его рукава:

— Ты чего тут стоишь?

— Стою... — невпопад выдохнула тень.

— Пойдем, я тебя в бомбоубежище отведу? Тут три шага, пойдем!

Я осторожно потянул его за рукав, но мужчина еще сильнее втиснулся в свой закуток. Понятно, ступороз.

Вдалеке грохнуло, я вздрогнул, он — нет. Посидел рядом с ним на ступеньках минут десять, но, неугомонная Лена, залегшая на куче броников у несущей колонны, подняла базарный хай. Сначала ее позицию демаскировали строки Куприна, чернеющие на белом экране моего планшета, потом она озаботилась сохранностью моего тела. Я сидел четко напротив гостиничных дверей, а как вылетают стекла от близких взрывов я видел еще в Гори. И как стеклянные ятаганы на целую ладонь входят в обшивку дивана подобно стрелам Робин Гуда. Воспоминания ужаснули, я плюнул и пошел к себе в номер. Засыпал в блаженной истоме и просыпался, обмирая от ужаса. В голову мою бил кузнечный молот, и голова звенела, готовая лопнуть, как перекаленная рессора. Где-то во дворах, совсем рядом, по гаубичным позициям на Карачуне, была «Нона», посылая увесистые приветы украинской национальной интеллигенции от русской интеллигенции, причем дореволюционной реинкарнированной закваски. Что невозможно в реальности, но вполне состоялось на практике. В так и не накрытом гаубицами Д30 штабе ополчения, отчаянно грустил Игорь Иванович, в уме подсчитывая расход дефицитных снарядов.

Прошла уже вечность от моего возвращения из Славянска, но я все равно, каждую ночь просыпаюсь в этом городе. В той самой комнате. Тяжелый полумрак, лупит кузнечный молот. Я пытаюсь понять, где я, но понимаю лишь одно — пока жив. Дышу и слышу.

Сергей Прасолов

ВОРОБЕЙ

Показываю удостоверение, оправдываюсь.

— В кабинете остались мои личные вещи, цветы нужно полить — жара же!

— Да я вас пропущу. Вот только пропуск выпишу.

Встрепанный очкарик, взъерошенный воробей в камуфляже на узких плечах старательно пишет мою фамилию на желтом квадратике «газетки» — внизу мелким шрифтом: «Отпечатано в типографии «Луганская правда». Типографии нет сто лет.

Мальчишка, форменный мальчишка, вчерашний школьник — а туда же, в войну. Надтреснутый басок в голосе. Присуровленный взгляд, в котором одновременно и забавная важность положения — вон какое дело мне доверили, — и неисправимо детское: дядь, ну, как я выгляжу? а как тебе моя форма? а если еще возьму автомат — он же вот, под рукой?

В нескладной, не отточенной жизнью фигуре легко угадывается его прошлое, где не было будущего. Там, позади, мама — учительница-библиотекарь-фельдшер. Она завязла в шахтерском поселке, в замужестве за местным работягой, стандартно родив ему двоих — наследника и лапочку-дочку. Там дощатый, черный от времени, в полтора метра высотой забор вокруг родового гнезда, собранного по кирпичику предками в брежневские, а то и в хрущевские времена. Там гавкучка-собачка, кой-какая

съестная живность на дворе, огородик в две сотки да ви-ноград у крыльца — навесом, для тени. Там два низких окошка на улицу. Вот и весь горизонт бытия умирающего селения, в котором все — конец истории, вернее, ее тупик.

Что могло быть у парня? Школьный хорошист. Советские книжки о войне. Первая любовь. Картошка в огороде. Ну, шальнул где-то с пацанвой, ответил на уроке, пережил с замиранием сердца свидание на лавочке. А дальше — как отец. В работяги. Если будет где.

Война вырвала его из судьбы без лица, вплела в свои узлы. Во что же ты ввязался, дурачок? Кого-то «поступали» в университеты для дипломов, кому-то по знакомству мастерили карьеры. А ты болтался. Без дела. Без надежд. Без права быть таким, каким мог стать. Ты принес сюда, к мужикам, свое мальчишество. Они, потемневшие, щетинистые и ошетилившиеся, видят в тебе своих малых, брошенных в таких же поселках на произвол судьбы. Наверняка жалеют, поощряют, поторапливая и подгоняя.

Они тоже разорвали прошлое в клочья. Как ни крути, уже никто из них не пойдет пахать до отупления, хлестать от тоски мутный чемер — лишь бы не думать о жизни, такой же мутной, как самогон. Они выбрали путь в одну сторону. А ты, непоседа, сдуру вляпался в переделку, в «Зарницу», где убивают по-настоящему. Зачем?

— Меня зовут Серега, — прервал мои мысли мальчишка. — А вы, видно, учитель.

— По чему же именно видно?

— Вы смотрите, как учитель, как будто понимаете больше, чем говорите. И так, вообще.

— И что, учитель — тот, кто понимает больше, чем говорит?

— У нас в школе такой был. Старый, ну, пожилой, как вы. Учитель по литературе. Так интересно рассказывал. А знал... Аж страшно! — выпалил залпом мой новый знакомец.

— А вы, Сергей, похожи на воробья.

— Так я и есть «Воробей». Это мой позывной.

«Воробей» глянул на меня с гордостью человека, который впорхнул в пекло, и его там не просто взяли старшим куда пошлют, но и выделили, уравнив со всеми.

— Воробей, ты давай живей пропускай товарища! — мягко прикрикнул старшой. — Трепаться будешь лежать на матрасе. И нам расскажешь.

— Вы проходите, проходите, люди ждут! А как вас зовут?

Я только махнул рукой и пошел к своим цветочкам.

Мы — удивительные люди. Власть нас гнетет, а безвластие гнетет еще больше. В Луганске оно пережило себя раньше, чем было прервано штурмом «дома с шарами» — здания Луганского областного совета. В сквере у местного СБУ протестному лагерю уже не хватало пространства. Новая власть в Киеве и старая в городе понимали — ни разогнать, ни удержать его уже не выгорит, но ждала — авось, рассосется. Луганск окружали войсками, в «доме с шарами» щелкал затворами галицийский спецназ, вызванный то ли идиотом, то ли провокатором. От него чиновничьи заковыристо избавились, заменив «своими», но тишина уже звенела. День, два, неделя — переговоры, ультиматумы, новые переговоры. Бессрочные митинги на баррикадах, автоматчики на всех этажах «дворца Амина», снайперы на крышах домов.

Натянутая тишина лопнула, как струна. «Дворец Амина» взяли без выстрелов и почти без потасовок.

Я поднялся в бывший кабинет. На полу — бумажный ковер с узором из книг. На столе — безжизненные останки компьютера, мертвое железо, еще вчера хранившее мысли. И цветы, которые уже не просят пить.

Бросил в пакет несколько книжек.

Сергея не было. Другой парень, изъяв пропуск, вежливо сказал:

— А вы работать будете?

— Где?

— Ну, мы всех приглашаем: приходите — работайте.

— Спасибо — загляну.

Дня через три шел мимо «дома с шарами». Сергей стоял с автоматом у входа.

— Воробей, привет!

Он подслеповато повел взглядом. Узнал.

— Ты на повышение пошел — на посту у входа, при оружии.

— Да, назначили. Я еще мамку жду, должна приехать. Кушать привезет.

— Не ругала, когда узнала, где ты?

— Плакала. И плачет, когда видимся.

— Сереж, а как ты сюда попал?

— Да с батей вместе.

— Захотелось повоевать?

— Не. Родину надо защищать. Мы с батей месяца два все разговаривали, все решали. От местных хозяев житья не было, грабили, все им мало, но хотя бы не убивали, а те придут — совсем конец. Их Европа поддерживает и защищает. Гитлеру она тоже дала развернуться. А эти страшнее. Я вам точно говорю — никого не пожалеют.

— А отец где?

— Не говорит. Живой. Звонил вчера. Работы, говорит, много. В любой момент эти могут город взять в кольцо. Они ж вокруг засели. Вы, пожалуйста, не стойте здесь, нельзя.

Я вернулся в Луганск в начале сентября. Тишина, как и весной. Но — другая. Израненная, пугливая. Тогда ей грозили события, теперь — страх перед их возвращением. Она обсуждалась в хлебных и водяных очередях. Куда пойдет дело? Будут гнать карателей дальше или остановятся? Поможет Россия или бросит? Но — растаяли очереди, ожил рынок в центре, открылись магазины. Жизнь вернулась.

Днем спокойная, почти довоенная, по вечерам — при свечах, робкая, с оглядкой. И с дальними канонадами сомнительного перемирия.

Как-то, разговорившись с ополченцем, спросил:

— А не было у вас парня? Зовут Сергей, позывной — Воробей.

— Сергей-воробей? Кажись, был где-то.

— Живой.

— Да мясорубок столько было. Давно не видел. Но, кажись, был живой.

— А как выглядит? В очках? На голове такой растреп — не причешешь!

— Не, другой был. Худючий, жилистый такой. Солнце коптит, огонь коптит, а у него лицо бледное. А, кажись, его в шутку Скворцом звали. Он в минометном расчете. Потрепало хлопцев!

И он принялся рассказывать одну из тех рядовых историй, которую нужно знать всем и которая, наверное, никогда не будет записана. События свои воины считают по их связи с победами и поражениями. А такие истории рассказывают за бутылкой, вспоминая друзей, что не с нами.

— Эх, посидеть бы нам! — вздохнул «кажись», выразительно изобразив душевную беседу большим и маленьким пальцами.

Не знаю, почему мне загорелось узнать о судьбе «Воробья». Принялся расспрашивать всех фронтовиков, с кем удавалось завести разговор.

Удивительное дело — у всех были свои мальчишки-воробьи. С разными позывными, постарше, помладше, похожие и не похожие на Сережку. Они погибали, были живы, ранены, сражались, матерели. Под Счастьем, в Красном Яру, под аэропортом, Новосветловкой, Станицей. Воробьиная стая!

А вот моего среди них не было.

Осень прошла. Новые хлопоты, тревоги, заботы отодвинули Воробья в уголок памяти.

Но недавно он мне приснился. Я окликнул его там же, на ступеньках «дома с шарами», теперь Дома правительства. Окликнул почти на авось.

— Сергей-воробей, ты?

— Да, я. А вы кто?

— Мы весной с тобой общались, в мае. Ты мне пропуск выписывал. Учителем назвал.

Потемневший взгляд из-под очков.

— Да, вспомнил.

— Ты возмужал.

— Да нет. Не успел. Мы с отцом погибли летом. Сначала батя, потом я. Батя попал в оборот под Стукаловой Балкой. А я, я попал в плен. Меня не убили — забили. Забили как выродка. Чтобы не плодил таких же на их Украине. Мне только мамку жалко. И сестру. Вы найдите мою мамку.

— Да как же я ее найду?

— Не знаю, но найдите. Они совсем одни.

В близоруких глазах — ни напряжения, ни отчаяния, ни сожаления. Спокойный взгляд, какой бывает только у тех, кто познал больше, чем может познать человек.

Глеб Бобров

ТОНКАЯ ПРОЗРАЧНАЯ ЛИНИЯ

В неглубокой яме свалены обломки двух гробов. Под толстым слоем грязи можно даже распознать цвета — зеленовато-желтый и насыщенно-синий. В перевернутой крышке желтого гроба лежит скомканная куртка военного хэбэ. И форма, и бязевая обивка крышки покрыта округлой белой крупой. Вникать, что это такое, категорически не хочется. Сверху на шею свинцовой тенью давят тучи. Непрестанно идет морозящий дождь. Даже небесам тоскливо на этом пустыре. Мы по щиколотки в грязи стоим у ям. Впереди за пустырем видны руины измочаленной в хлам Новосветловки, а сзади — ограда Свято-Покровского храма. Мы — это миротворческая группа: луганские «афганцы», российские общественники и представители украинского «Офицерского корпуса». Плюс журналисты: корреспондентская группа Луганского информационного центра и тележурналисты СТБ от Украины. Миссия предельно проста — передать украинской стороне тела шести военнослужащих, убитых в летних боях за Новосветловку.

* * *

«Передать» — звучит просто. Однако по логистике обеспечения это почти военная операция. Началось все ранним утром. Основную согласовательную работу проделали наши «афганцы» — глава Луганского Союза ветеранов

Афганистана Сергей Шонин да его зам и верный соратник Виктор Муха. Сколько времени и сил потребовалось на взаимное согласование по обе стороны фронта — одному Богу известно, но сегодня мы с вооруженным комендантским эскортом уже выдвигаемся к блокпосту у города Счастье.

Некогда разделенная отбойником шикарная трасса изувечена воронками. Отбойник во многих местах закручен и порван взрывами. Машины постоянно перестраиваются с правой стороны на левую прямо по разжеванным в кашу газонам. Дорога покрыта равномерным слоем грязи. У блокпоста картина, как в Первую мировую: капониры, блиндажи, траншеи и ходы сообщения в полный рост. Везде покрошенные в щепу деревья, мусор и всепроникающая непролазная грязь. Над унылым военным пейзажем, под нескончаемым промозглым дождем стоят бойцы ополчения. Вышли. Обнялись с мужиками. По фронтовой традиции соприкоснулись плечами, словно на мгновение поддержив друг друга. Дальше двигаться нельзя: через километр триста блокпост «укропов». Иначе здесь противника не называют. Мост, говорят, заминирован. И — да: «Машины отгоните за посадку — не дробите корректировщиков с «той» стороны».

Пока загоняли транспорт, «афганцы» выставили из окна парламентарский флаг организации и поехали на ту сторону. Витя Муха со смехом рассказывал, что «айдаровцы» прошлый раз пообещали его посадить на пару дней «на подвал». Мол, «шибко борзый». Шутили или нет — никто не знает. Но он поехал. Через пятнадцать минут вернулись. Следом за бусиком «афганцев» пришла «газелька» с бумажными прямоугольниками на стекле: «Груз 200». Это — первый этап нашей операции: встреча «труповозки» и представителей украинской общественной организации «Центр освобождения пленных «Офицерский корпус». Вместе с ними несогласованно приехали и журналисты СТБ. Имеют право. Правда, мне сложно представить наших журналистов на территориях подконтрольных, например, батальону «Айдар».

Следующий пункт — Новосветловка. Именно там экс-гумировано шесть тел одностороннего обмена. Назад возвращаемся в бусике, сидя прям на головах. В кабине «труповозки» ехать желающих не нашлось. Украинские телевизионщики Боря и Алексей напряжены и молчаливы, но работу свою делают четко — прямо из залитых дождем окон снимают разрушения, остовы военной техники и уничтоженных украинской артиллерией объектов. Поглазеть им есть на что. Бывший стационарный пункт ГАИ ощерился из-под земли тремя осколками фундамента и рассыпался посередине трассы большой кучей дробленого кирпича. Две заправки — газовая и обычная — разметаны прямыми попаданиями и полностью выгорели. От танка остался только остов — перевернутая башня валяется поодаль, видимо, сдетонировал боекомплект. Это я уже видел в Афгане — узнаваемо. У башни и остатков брони пожухшие венки и выгоревшие фотографии.

Представитель «Офицерского корпуса» Алла Борисенко изредка отмечает особо впечатляющие объекты. Телевизионщики воспринимают ее указания, как безусловные команды. Сама немногословна, обстоятельна. В глазах невыразимая тоска.

На въезде в город народ оживился. Журналисты СТБ заметно поражены наличием жизни в Луганске. Остановки транспорта, многочисленные пешеходы, работающие магазины — все это вызывает неподдельный интерес и удивление. Также гостей заметно впечатлили разрушения. При попытке снять с ходу недостроенную 27-этажку за зданием СБУ, «поймавшую» за лето три прямых попадания, оператор заметил:

— Далеко, мне не достать...

— Ничего, ваши гаубицы нормально доставали, — влет парируют наши «афганцы».

Шутку почему-то не оценили.

Луганск проскочили с комендачами, и на Новосветловку пошли сами — блокпостов внутри ЛНР больше нет. Ехали молча. Уже на подъезде Алла вдруг открыла на своем телефоне фотографию маленькой девочки и показала нам. Очаровательная кроха, только-только начавшая держать головку. Печальные глаза матери на мгновение озарились внутренним теплом.

— Соломия. Шесть месяцев уже...

Тут уж не выдержал я.

— Тебе надо с дочерью сидеть, а не трупки по всей стране таскать.

— А этим кто будет заниматься? — ровно ответила она.

— Дочь сейчас с родителями?

В ответ Алла грустно покачала головой:

— У меня дома в Киеве живет семья беженцев с Луганска. У них двое детей. Ну, и моя — с ними.

Глаза подернуты траурной дымкой, вокруг темные круги и какая-то еле ощутимая печать неизбежности. Хотел спросить про мужа, да осекся. Как потом выяснилось — правильно сделал.

* * *

В Новосветловке, прямо над гробами, слушаем Валерия Приходько — представителя российской общественной организации с длинным неудобоваримым названием «Центр содействия государству в противодействии экстремистской деятельности».

— Откуда тела, мы не знаем. И выяснить теперь не у кого. Здесь стояли части Львовской 80-й отдельной аэромобильной бригады ВДВ ВСУ, бойцы «нацгвардии» и территориального батальона «Айдар». Покойники, говорят, были после ранений. У одного, якобы, отсутствовали внутренности. Кому именно принадлежат эти тела, узнать можно, если задать соответствующие вопросы тем военнослужащим, которые находились здесь во время боевых действий. Местные же ничего не знают. Их согнали в

Храм, обложили зарядами и сказали, что все заминировано. Потом привезли два тела и велели похоронить. Жители села похоронили их тут же за оградой. По-людски похоронили, с соблюдением обряда православного и в гробах. Еще четверых военнослужащих украинские силовики самостоятельно закопали в сотне метров, на пустыре.

Осмотрев точку эксгумации, Борисенко вдруг решила забрать форменную куртку. Принесли один мешок для транспортировки трупов, Шонин помог ей взять мешком куртку. Оттуда посыпалась эта округлая крупа — мертвые опарыши, облепившие гроб и хэбэ, попали на руки девушки. Алла абсолютно равнодушно отряхнула рукав. Не впервой, видать. Самообладания не отнять. Едем дальше...

* * *

Теперь я точно знаю, как выглядит ад. Не тот с котлами, рогами и «скрежетом зубным», а настоящий, человеческий. На самом деле, преисподняя — это бывшая уличная подсобка Краснодонского отделения судебно-медицинской экспертизы. Помещение 2,5 на 3,5 метра. Ну, это как ваша совмещенная с туалетом ванная или чуть-чуть побольше. В этом закутке два десятка человеческих тел, упакованных в простыни, покрывала, мешки или полиэтилен. Тела давнишние, лежат с лета, уже не раз замерзали и не раз оттаивали. Они текут. От запаха слезятся глаза и останавливается дыхание. Света там нет — только скудный фонарик заведующего отделом судмедэкспертизы, самоотверженного врача Алексея Витальевича Самойленко. Останки вперемешку и в несколько этажей. Гражданские, военные, неопознанные, не востребованные выехавшей родней, просто бомжи — кого только нет!

Два мужика, присланные из Краснодонского КПЗ, отработывают свой «залетный» наряд — грузят наши трупы. Каждые пять минут, не всегда сдерживая рвотные позывы, по очереди выскакивают отдышаться. В глазах кромеш-

ный ужас. Слишком все просто, слишком все страшно, слишком все по-настоящему. Вот это — взаправдашний ад, а не голливудские пафосные картинки.

Погрузка шла долго, практически до вечера. Тела надо было найти, опознать, вытащить из общей кучи, упаковать вначале в специальный мешок, а потом в герметичный полиэтиленовый рукав, затягиваемый скотчем. Пока шла работа, мы разговорились с женщиной из магазинчика ритуальных услуг, что на территории больницы. Татьяна оказалась живым свидетелем летней оккупации. Удивилась нашей миссии.

— Да вы у нас в Новосветловке к любому подойдите! Вам каждый покажет, где этих тварей прикапывали! Ведь они своих бросали, как падаль! Лето, жара, трупы раздутые, лопаются, с них течет, мухи... Мы их прямо у дорог закапывали.

— Сами-то «укропов» видели? — Татьяна аж задохнулась. — Да я до сих пор не понимаю, как выжила!

Далее — сбивчивый поток сознания о пережитом ужасе. Шокировать не буду, просто один показательный эпизод. В Краснодарской больнице свыше двух месяцев лечили мужчину, серьезно повредившегося рассудком в период временной летней оккупации. Причина проста: в подвале, где они прятались от непрерывных обстрелов, вместе с ними отсиживались «айдаровцы». Попеременно они насиловали жену и тещу связанного и забитого в угол мужика. У него на глазах насиловали.

Подчинившись некому внутреннему импульсу, говорю ей:

— Можно я приведу сюда двух киевских журналистов, и вы им расскажете все, как было в те дни?

Через минуту Боря и Алексей сидели в магазинчике и, не расчехляя камеры, слушали Татьяну. Слушали очень внимательно, дома им таких подробностей точно не услышать.

По окончании погрузки записали официальную часть. Алла Борисенко была совершенно искренне благодарна нашей стороне.

— Без помощи луганских «афганцев» — Сергея Шонина и Виктора Мухи — наша деятельность на территории Луганской Народной Республики была бы невозможна.

Говорили о дальнейших планах. Ведь не секрет, что только на территории ЛНР находятся тысячи несанкционированных захоронений. Причем не только в земле. Есть пока непроверенные сведения об утоплении в болотах, сбрасывании тел в шурфы, закатывании останков своих бойцов украинскими силовиками бульдозерами во рвах и карьерах.

Сергей Шонин был на этот счет предельно четок:

— Если говорить об общем числе, то, скорее всего, речь может идти о тысячах подобных захоронений на территории Луганщины.

Шли назад уже затемно. Ребята из СТБ «разогрелись». Старший съемочной группы Борис все пытался добиться от меня и от Мухи подробностей начала восстания, бомбо-штурмового удара по зданию бывшей областной администрации, расстрелу Луганска и началу боевых действий. И, что меня поразило, он действительно хотел разобраться в ситуации! Более того, говоря о федерализации, русском языке, пытаясь понять суть наших требований, он действительно пытался нащупать, уловить тот зыбкий путь, который может привести Украину если не к миру, то хотя бы к началу диалога. Как минимум — к прекращению братоубийственной войны. Коллега реально хотел понять, как и чем можно остановить кровопролитие.

И я не просто уверен, а четко знаю это, так как видел тот сюжет, который они выпустили. В этой новости СТБ не было ни грана лжи. В нем не было ни одного передергивания или искажения смыслов, на которые так щедры украинские средства массовой информации.

Недавно я брал интервью у известного Луганского ученого — философа и религиоведа Константина Деревянко. Он высказал достаточно простую мысль: «Через нас проходит геополитический раскол между Россией и Западом, а Украина, попавшая в этот разлом, больше не держится православными скрепами».

Возвращаясь домой, я вдруг подумал, что вот эта гуманитарная миссия и есть та самая, практически незримая скрепа, все еще удерживающая всех нас от срыва в окончательный кровавый хаос взаимной ненависти и истребления. Ведь да — в масштабах тысяч не поднятых тел — сделанное нами ничто. Но! Шесть конкретных матерей получают тела своих детей. Для человеческого отпевания, захоронения и вечного пристанища. Для каждой конкретной семьи сделанное нами — «афганцами», доламывающими очередную войну, молодой мамой и уже вдовой Аллой, водителем «Офицерского корпуса» Сашей, бывшим спецназовцем Валерой из «Центра содействия государству в противодействии экстремистской деятельности», журналистами информагентства и нашими коллегами из СТБ — это реальный подвиг. Самой своей миссией мы как тонкая прозрачная линия стоим между ненавистью, жаждой мести и взаимным истреблением.

Завтра мы поедем менять пленных. Тоже в одностороннем порядке. Просто возьмем и отдадим сопливых мальчишек приехавшим за ними матерям. Потому что так надо. Потому что так — правильно. Потому что это — наша миссия...

Алексей Полубота

СИЛА НЕРАВНОДУШНЫХ

Убитый Луганск

— Ничего, закончится война, отстроим все заново. Заживем лучше прежнего, — говорит мне ополченец с позывным Атаман. Он ведет старенькую с растрескавшимся от взрывной волны лобовым стеклом «газель» по улицам Луганска.

Я узнаю и не узнаю этот город. Лучше всего назвать его словом, которое произнес кто-то из ополченцев — убитый. Этот совсем иной Луганск, чем тот, что запомнился мне три месяца назад. В день, когда объявили итоги уже исторического референдума 11 мая и провозгласили создание Луганской Народной Республики, центральная площадь захлебывалась митинговым восторгом, на лицах многих людей читалась радость вперемешку с тревогой. Казалось, еще немного, и Донбасс разделит судьбу присоединенного к России Крыма. И вот — безлюдные улицы, обгоревшие, зияющие нутром дома, расстрелянный автовокзал, иссеченный осколками памятник советским воинам-освободителям. То и дело погромыхивает в разных частях города. На окраинах идут бои. Угроза взятия Луганска сейчас, в конце июля, как никогда серьезна.

И все же рядом с ополченцами появляется необъяснимая уверенность — не возьмут. Ну, просто невозможно никакими «градами» и гаубицами победить этих людей, бросивших вызов смерти совсем не ради денег или славы. И рано или поздно наступит та самая мирная

жизнь, о которой мечтают на любой войне. Но это потом, а сейчас...

Звуки войны.

Зачастую утро в осажденном Луганске начинается с воя и жалобного тьяканья собак. Эта собачья какофония в глухой тишине замершего города действует удручающе.

После нее — жди обстрела.

— Услышишь визг — сразу падай на землю. Это летит мина. Не смотри, что под тобой, грязь, лужа, битое стекло. Упадешь — есть шанс уцелеть. После взрыва осколки от мины разлетаются вверх — так учит меня ополченец из луганчан Сергей в мой первый день на войне.

Я оказался хорошим учеником. Уже несколько часов спустя, какая-то животная сила толкает меня на асфальт — над головой с противным визгом проносится мина. А через мгновение в соседнем дворе раздается глухой выворачивающий грохот. Вслед за ним — еще и еще. Трясется земля, звенят выбитые стекла. И после каждого взрыва испытываешь на несколько секунд нутряное облегчение — жив...

За неделю в Луганске уже начинаешь разбираться в звуках войны. Когда стреляют в тебя, когда стреляют в тех, кто стреляет в тебя. Иногда начинает грохотать, кажется, прямо под боком, где-то в соседнем дворе. Однако на самом деле — это «грады» ополченцев, притаившись в пригородной «зеленке» или в парках пытаются подавить те огневые точки, откуда уничтожают город. Больше всего опасности — во вкрадчивом шелестящем звуке. Это летит снаряд, выпущенный из гаубицы. Если он разорвется рядом — шансов выжить практически нет.

У черты Апокалипсиса

Да, люди, похоже, начинают привыкать к жуткой мысли, что их дома и они сами — мишени для тех, кто там, в затянутой пороховой дымкой серо-зеленой дали, сейчас посылает на город снаряды, начиненные смертью.

Хотя нет, привыкнуть к этому невозможно. Можно только на время забыться, одурманив себя алкоголем. На улицах бросаются в глаза пьяные. Их развязное пение и вызывающие вопли далеко разносятся в оцепенелом городе.

Мне вспоминается рассказ жителя Луганска Дмитрия Таранского: «На днях, когда в очередной раз вырубился свет, мы поняли, что зря пытались запастись мясом и другими замороженными продуктами. Приготовили кучу закуски, напиваемся во дворе. Слышим — «грады» по городу работают. А нам уже пофиг».

Хуже всего в те дни, когда в городе пропадает свет и вода. Украинские каратели намеренно бьют по электростанциям и вышкам связи, чтобы еще больше деморализовать жителей. Наиболее отчаянные специалисты из числа работников коммунальных служб под прикрытием огня ополченцев пытаются хоть как-то восстановить, залатать разрушенное. На это уходит от нескольких часов до нескольких дней. В эти дни, отрезанный от новостей, от связи с родными и знакомыми начинаешь понимать тех горожан, которые ждут конца света.

— Я вот думаю, календарь Майя неправильно поняли. Конец света он ведь не сразу наступает, — делится со мной прохожий на разбитой минометным огнем улице. По его мнению, самая страшная мясорубка для Луганска еще впереди.

Мы стоим с ним возле оскалившегося битыми витринами какого-то казино. Дышащий жаром онемевший проспект Луганска. Безлюдье. Изредка тишину вспарывает торопливый рокот машин. Ни одного человека вокруг, и это постоянное ожидание — вот-вот прилетит.

— Если есть возможность, бегите из этого города, — это уже Сергей, охранник обесточенной пустой гостиницы «Луганск». — Говорят, все, что было до сих пор — это цветочки. Эти западэнские гады не успокоятся, все виды оружия на нас перепробовали. Осталось только — хими-

ческое и ядерное. Я уже не удивлюсь, если они и это применяют.

— Поначалу я еще не сильно паниковал, когда начинались обстрелы. Но после того как у меня на глазах свояка разорвало, просто трясет, каждый раз, когда взрывы слышу, — присоединяется к разговору Андрей. — У меня есть друзья и в Киеве, и на Западной Украине. Они много по телефону рассуждают про сепаратизм и про то, что тут в Луганске сплошные террористы. Я им говорю: «Вы приезжайте, посмотрите, кто здесь настоящие террористы». Разве можно людей убивать только за то, что они думают по-другому? Если выживу: каждого из них спрошу, что он сделал, чтобы этого всего не случилось.

В гостинице в последний день июля я оказываюсь в надежде, что здесь есть интернет и можно будет передать очередной репортаж в редакцию «Свободной прессы». В Луганске в эти дни почти не осталось корреспондентов федеральных российских изданий. Лихорадочное сосущее чувство — передать правду о том, что здесь происходит.

Но интернета нет. Жду пару часов в надежде, что энергоснабжение хотя бы в самом центре Луганска восстановят. Тщетно. Смотрю на часы и понимаю, что спешить из гостиницы мне некуда.

После четырех часов дня в городе перестают ходить маршрутки. Остальной общественный транспорт не ходит уже давно. Связи нет, поэтому до такси не дозвонишься. Идти два километра, каждую минуту ожидая начало обстрела, до казармы ополченцев, — предприятие более чем сомнительное.

Снимаю номер в гостинице, в которой нет света и воды. Но зато есть главное «удобство» в нынешнем Луганске — бомбоубежище.

Впрочем, воду мне тоже дают — меньше половины двухлитровой бутылки. Несколько недель назад эту воду набрали, чтобы поливать цветы.

Ночью не могу заснуть. Нет, совсем не только из-за духоты и тревоги. Выхожу из номера, поднимаюсь по лестнице все выше. Смотрю сквозь тут и там простреленные снайперами стекла на черные громады соседних домов — в них есть что-то пещерное сейчас, на безмолвные, как в немом кино, пожары вдали, на прочерченные ракетами «градов» оранжевые дорожки...

Под утро центр Луганска сотрясает мощный взрыв. За ним — еще один, еще... На секунду, кажется, что вот он и наступил конец света, которого ждал вчерашний прохожий, что сейчас на моих глазах город начнет оседать серой пылью в ничто...

Страх нет в это мгновенье. Есть только холодная, яростная злоба к упырям, отдающим приказы расстреливать из тяжелых орудий Луганск.

Психотерапия с оружием в руках

Жизнь в городе немного оживляется в первой половине дня между наиболее интенсивными утренними и вечерними обстрелами. Люди торопятся купить самое необходимое, чтобы затем снова разойтись по своим квартирам и подвалам. С группой ополченцев Станичной луганской комендатуры заходим на городской рынок. К редким лоткам с продуктами выстроились очереди. Горожане обращаются в нашу сторону. Большинство смотрит на людей с автоматами и георгиевскими ленточками с надеждой и одобрением.

— Дай вам Бог, ребята, всего самого лучшего, чтобы живыми остались, главное! — говорит, крестясь и плача, пожилая женщина. Другая — предлагает нам бесплатно взять груши. Кто-то дает пачку сигарет. Сигареты в городе — самый большой дефицит. Цены на них взлетели в два с лишним раза по сравнению с довоенными. Продукты тоже дорожают, но не так сильно.

Несколько человек обступает нас.

— Что там слышно, возьмут «они» Луганск? Скоро обстрелы кончатся? Что дальше-то будет? — слышится с разных сторон.

Люди хотят услышать от нас обнадеживающие слова, и мы говорим их. Мне тоже приходится принять участие в вынужденном сеансе психотерапии.

— Вчера нашими «Градами» их позиции хорошо обработали, теперь меньше по городу бить будут, — повторяю я фразу, услышанную от кого-то в администрации ЛНР.

Да, ополченцы сегодня одновременно и защитники города, и его власть.

— Мы буквально заставили некоторых бизнесменов не уезжать. Говорили торговцам продуктами: уедете — лучше не возвращайтесь, — рассказывает комендант станицы Луганской Николай Витальевич Хусточкин, которого бойцы называют «батей». — Если бы мы не поступали так, сейчас бы в городе был бы уже настоящий голод.

Впрочем, призрак голода все равно все явственнее проглядывает из пустеющих с каждым часом прилавков оставшихся магазинов.

На линии фронта и за ней.

Едем развозить по Луганской гуманитарную помощь, собранную журналистами и читателями «Свободной прессы». Приехать просто журналистом в такое время мне показалось недостаточным, даже немного стыдным.

Парадокс в том, что попасть в Луганскую можно только минуя линию обороны ополченцев — «передок». Станица сейчас — нейтральная территория. «укропы» не рискуют заходить в нее, потому что население здесь настроено к ним резко враждебно. Кроме того, через Северный Донец сюда удобно совершать партизанские рейды ополченцам, которые закрепились на соседнем высоком берегу.

— А мы специально не заходим в Луганскую, иначе ее бы давно уже разнесли подчистую, — объясняет Хусточкин.

«Передовая», «линия фронта» — еще несколько месяцев назад казалось, что эти слова из множества читанных

мной книг о Великой Отечественной войне так навсегда и останутся для меня книжными. И вот они обозначают реальность, с которой мне придется столкнуться.

Словно бы сам воздух сгущается, тревожной вязью наматывается на колеса, чем ближе мы «к передку». Впрочем, ополченцы рядом со мной по-прежнему беспечны на вид, грубовато, но беззлобно подначивают друг друга.

Над лобовым стеклом болтается резиновый петух-игрушка с петлей на вытянутой шее. И откуда он тут взялся? На петухе розовым маркером выведено: «Ляшко».

Молодой обаятельный парень в сомбреро с позывным Доцент резко сжимает петуха. Тот отзывается испуганным взвизгом. Мы дружно смеемся. «Ляшковщина» — это словечко я не раз слышу от ополченцев. В нем за внешней ироничностью проглядывает не просто презрение к одному из самых одиозных «майданщиков». В нем собралось все неприятие тех извращенных западных ценностей, которые киевская хунта пытается навязать Украине.

«Газель», на которой мы едем, ополченцы называют «тачанкой».

— Почему «тачанка»? — спрашиваю, улучив минуту.

— Это — легендарная машина, — отвечает ополченец Алексей Ратибор. — Мы с нее три БТРа подрезали.

Подрезали — значит, уничтожили или вывели из строя. Сила ополченцев — в мобильности. Из тех городов и поселков Луганской Народной Республики, которые заняла украинская армия, местные жители по телефону сообщают о передвижении колонн бронетехники правительственных войск. Минометные расчеты срываются из Луганска, чтобы с наиболее выгодных позиций обстрелять противника. Нанеся удар, «тачанки» уносятся в безопасные места. А снаряды «укров», чаще всего, летят в пустые кусты.

И вот мы на блокпосту у моста через Северный Донец. Останавливаемся на несколько минут. Мешки с песком, бетонные плиты, груды покрышек, раскуроченное, вы-

плеснувшее свою убойную силу железо. Над всем этим выются на горячем ветру знамена. Одно — с ликом Иисуса Христа, а неподалеку тоже святое для нас, русских, красное знамя Победы.

И все же как-то трудно поверить, что вот он и есть передний край, что за маслянисто сверкающим Северным Донцом может показаться танковая колонна или пехота противника. Пока что оттуда изредка приезжают обычные легковые автомобили. Ополченцы в балаклавах и без осматривают их, пропускают в Луганск. Гибридная война.

— Когда украинские штурмовики бомбили станицу, один заход они сделали и на этот блокпост, — рассказывает Алексей Ратибор. — Получилось так, что ракеты, упавшие в «зеленку», разорвались. А те, что ударились об асфальт — нет. Хотя чаще бывает наоборот. Так вот, — взорвись эти ракеты на дороге, ничего бы от блокпоста не осталось.

Мое внимание привлекает сидящий у обочины на коротках человек. На его шею повешана картонка с надписью: «Я — мародер».

Ополченцы вечерами патрулируют станицу, пытаясь не допустить грабежей оставленных жителями домов. Однако не всех подонков это останавливает.

— Не делал я ничего, меня из дома забрали, — начинает канючить задержанный, видя наведенный на него фотоаппарат.

Интересуюсь у командира блокпоста Константина, что его ждет.

— Немного «поучим» его, а потом отправим рыть окопы или «в избушку» пошлем. («Избушкой» ополченцы называют бывшее здание СБУ, где теперь располагаются силовые органы ЛНР. — *А.П.*) К тем, кто просто грабит дома, мы еще помягче относимся. А вот бывает, что из разрушенных бомбами и снарядами домов пытаются что-то утащить у людей, у которых и без того горе

огромное. Вот к таким никакого снисхождения быть не может.

В станице мне передают составленный главой поселкового совета список тех, кому мы будем передавать гуманитарную помощь. В нем много ветеранов Великой Отечественной войны. Напротив имени Падалки Иосифа Романовича простая и страшная надпись от руки: «Погиб 02.07.2014 г. во время авианалета на улицу Москва-Донбасс». Думал ли ветеран, что убьют его на своей земле, которую он защищал 70 лет назад, да еще и по приказу тех, кто считает себя украинской властью...

Мы завозим «гуманитарку» престарелой чете Черепахиных. Иван Алексеевич — тоже ветеран войны, которая закончилась для него в сентябре 1945 года на Дальнем Востоке.

Заносим коробки с консервами, крупами, подсолнечным маслом. Старики говорят нам слова благодарности, но видно, что мысли их о другом.

— Нам бы хоть помереть спокойно, чтоб мир был, — причитает скороговоркой супруга ветерана. — С нашим здоровьем никуда уже не уедешь... Жара такая, а ребятки там, в окопах мучаются...

— Не могу понять, как же так, ведь свои своих убивают, — вступает в разговор Иван Алексеевич. — Мы ведь раньше в одних окопах сидели и с теми, кто из Киева, из Чернигова, а теперь наших детей и внуков врагами сделали. Плохо, очень плохо.

Он гладит жмущуюся к нему лохматую собачку, глядя невидящим взглядом в сад.

Мы раздаем помощь еще нескольким ветеранам и малоимущим семьям. Каждый раз первоначальная настороженность или даже страх при виде вооруженных людей сменяется радостью вперемешку с горечью.

Чуть ли не каждый день в станице появляются все новые разрушения. Люди подавлены, им все труднее справиться с постоянным ожиданием худшего. Характерная

картина — по улице идет женщина и плачет в телефон. Услышав грохот, она вздрагивает и озирается, пытаясь определить, с какой стороны стреляют.

На одной из улиц — разбитый автобус, с лужами крови на сиденьях и на полу. По окровавленным осколкам на земле ползают жирные неторопливые мухи.

Голый по пояс человек шваброй осторожно выбивает остатки стекол из рам.

«Четверо погибших и шестеро раненых. Увезли уже всех в больницу. — Рассказывает водитель, молодой парень с отстраненным взглядом. — Снаряд у самой маршрутки взорвался. А меня лишь чуть-чуть осколком по ноге чиркнуло».

— Ну, со вторым днем рождения тебя, — говорит кто-то из ополченцев.

Напоследок заезжаем в Центральную районную больницу. Ополченцы взяли своего рода шефство над ней, подбрасывают продукты и лекарства по возможности. Спрашиваю, что с ранеными из автобуса. Они, получив первую медицинскую помощь, уже разошлись по домам.

— Мало кто на ночь из больных остается, — рассказывает заведующий хирургическим отделением Максим Павлов. — Боятся люди, дома им почему-то спокойнее. Может быть, подвалы крепче.

Врач разговаривает с нами внешне спокойно, даже доброжелательно, но при этом как будто все время пытается про себя ответить на какой-то тяжелящий душу вопрос.

Около половины врачей больницы, по словам Максима Павлова, уехали в безопасные места или уволились из-за того, что уже второй месяц им не платят зарплаты. Остались в основном те, на кого и в мирное время можно было положиться.

Мы выгружаем «гуманитарку», складывая продукты на носилки и больничные тележки. Я думаю, что, возможно, уже через полчаса на этих носилках окажется очередной раненый станичник или ополченец.

Здесь плохих людей не бывает.

С высокого берега открывается почти мирный вид на поля и холмы за рекой. Вот он и есть передний край обороны ополченцев. Впрочем, если бы не вырытые экскаватором траншеи, кое-где прикрытые сверху бетонными плитами, можно было бы и не догадаться, что здесь линия фронта. Сегодня необычно тихий вечер, только раз громыхнуло в соседней лесополосе — разорвался снаряд «Града», повалив мощное дерево.

Солнце склоняется к земле. Коричневатый дым тянется с дальних холмов, наползая на подсвеченный тревожным закатным светом памятник князю Игорю у дороги.

— Наши «Грады» обработали сегодня позиции «укров», — рассказывает Алексей Ратибор. — Старушка там недалеко живет, рассказывала нам, как оттуда целыми машинами, из которых торчат руки и ноги, вывозят трупы украинских военных.

Ополченцы много говорят о том, что своих солдат киевская власть использует как пушечное мясо. Нередко офицеры даже не удосуживаются отдать приказ вырыть окопы. При этом официальный Киев безбожно занижает потери. По этому поводу мне даже рассказывают горький анекдот: «Попадают убитые «укры» на тот свет. Подходят к воротам рая, просят Апостола Павла: «Пусти, мол». «Нет, не могу, — отвечает Апостол. — Не знаю, кто вы такие, читал сегодня «Твиттер» Авакова, — в украинской армии потерь нет».

— Жаль, что невинные гибнут, те, кого насильно пригнали, — печально усмехнувшись, говорю я.

— А мне тех, которые дают себя вести, как баранов на убой, не жаль, — резко отвечает ополченец Ярослав. — У кого голова есть, давно могли бы оружие против Киева повернуть или к нам перейти. У нас в отряде есть паренек — двадцатилетний лейтенант украинской армии. Он сам из Луганска, в Днепропетровске его мобилизовали, а он при первой возможности ушел к нам.

Я вспоминаю, какими словами встретил меня один из ополченцев: «Здесь плохих людей не бывает».

Да, ополченцы люди очень разные: простоватый парень Кубань, которому поручили противотанковое ружье 1942 года выпуска, и вполне себе интеллектуал Норманн, православный ополченец Херсон, и язычник Алексей Ратибор.

Пожалуй, главное, что их объединяет: равнодушие. К своей земле, чужой боли, к тому, в какой стране жить, во что верить и на каком языке говорить. У каждого своя история, после которой он сделал судьбоносный для себя выбор, став ополченцем.

Херсон, например, работал охранником в храме родного города (благодаря которому и получил свое прозвище). Храм принадлежал Украинской православной церкви Московского патриархата. Его настоятелю члены «Правого сектора» не раз угрожали, требуя перейти под начало раскольничьего Киевского «патриархата». В конце концов, «правосеки» храм сожгли.

— У нас всего несколько десятков нацистов держат в страхе весь город. Милиция сдает им всех, кто не согласен с нынешней властью в Киеве. Хотя больше половины жителей сочувствуют восставшему Донбассу, открыто выражать поддержку никто не решается, — рассказывает Херсон.

Именно поджог храма стал детонатором, взорвавшим его терпение. Несмотря на отговоры родных, он вступил в ополчение и теперь мечтает, что удастся не только отстоять Луганск, но и освободить от нацистов родной город и всю Украину.

Андрей Черноморский — один из активистов русского движения в Луганске. Он давно выступал против насильственной украинизации русских на Украине. После февральского переворота в Киеве посчитал, что не имеет права оставаться в стороне. Одним из первых записался в ополчение и теперь входит в минометный расчет, который считается «счастливым».

— Когда начиналась война, никто из нас в руках минометов не держал. Тем более — времен Великой Отечественной войны. А именно такой нам и достался поначалу, — рассказывает Андрей. — Для меткой стрельбы требуется знать специальные таблицы, где учитываются самые разные факторы вплоть до скорости ветра. Ничего этого тогда у нас не было. Нам давали направление и примерное расстояние, где находится враг. Вроде бы стреляли наугад. Но мы изначально шли в бой за Святую Русь. Многие из ополченцев военной комендатуры станицы Луганской — люди православные. Перед ратными делами читаем молитвы. Перед тем, как выстрелить, крестим каждую мину: «Господи, на все воля твоя». Просим, чтобы не пострадали невинные солдатики, которых пригнали сюда нацисты. Чтобы мина нашла именно тех, кто виновен в этой бойне.

— Человек неверующий может лишь ухмыльнуться...

— Да, но вот факты. Мы выстрелили в лес, где, по данным разведки, находился противник. Стреляли, лишь приблизительно представляя, где цель. А позднее узнали, что попали в трейлер — передвижной командный пункт с космической связью. Украинские СМИ потом трубили, что это работали крутые профессионалы из ГРУ.

Другой случай. Стреляли по блокпосту возле деревни Веселая Тарасовка. Немного не рассчитали, попали в само село. Казалось бы, плохо, местные жители могли пострадать. А там как раз проезжал БТР украинской армии. И прямо в него угодила мина.

Теперь мы воюем уже более профессионально, выучили расчетные таблицы. Говорят, что скоро будут наш расчет обучать стрельбе из «Града».

— Когда украинские каратели жгут хлеба, когда я слышу рассказы о том, как они стреляют по окнам, откуда мирные жители вывесили белые простыни, как это было 1 августа в Дебальцево, у меня возникают четкие исторические ассоциации, — рассказывает ополченец Ярослав,

прошедший войну в Афганистане. — Что я скажу сыну, если допущу, что в мой Луганск придут нацисты и будут указывать нам, как жить?

Война не проходит бесследно для души человека. Поэтому нередко от ополченцев можно слышать жесткие, подчас жестокие высказывания.

— Бывает, вернешься с позиций в Луганск. А там во дворе сидят синяки, пиво сосут. «Ну что, — говорят, — солдат, скоро мы бандеровцев от Луганска погоним, — так в эту минуту хочется шмальнуть из автомата им под ноги, — говорит Доцент, — тоже мне, мужики, ничего кроме бутылки, в руках держать не умеют, что ли?!

— Как-то незаметно все начиналось. Сначала с палками брали СБУ в Луганске, потом автоматы нам раздали. А теперь уже без войны трудно себе жизнь представить. Когда долго нет приказа идти на задание, мы тут томиться начинаем, бывает, друг на друга срываемся, — рассказывает молодой ополченец Ворон. — Теперь после войны у меня два пути: либо в священники пойду, либо — в наемники.

До свидания, война.

На пограничный пункт Изварино меня вывозят совсем молодые двадцатилетние ребята ополченцы. Местами вдоль дороги чернеют остовы автомобилей, дымится сожженная снарядами трава.

— Иногда кажется, что все это не из нашей жизни, — говорит житель Молодогвардейска Сергей. — Кто бы мне год назад сказал, что придется взяться за оружие...

Сергей — простой парень из тех, кого киевские представители «креативного класса» называют ватниками, а московские — бидлом.

Однако много именно таких, как они, воспитанных, скорее, двором, чем школой, парней, взяли за оружие, чтобы отстоять свою землю от непрошенных гостей. В отличие от тех сорокалетних мужиков, чьи дорогие машины выстроились в очередь у российской границы.

Я думаю о том, что всего через несколько часов буду в России, где не надо падать на асфальт, услышав свист мины, где можно спокойно ходить по улицам, заходить в кафе.

А тем временем вот эти простые ребята, такие же русские, как и я, будут оставаться здесь, каждую минуту рискуя своими молодыми жизнями. И поэтому радости от того, что скоро окажусь в безопасности, у меня нет.

Георгий Савицкий

КРАСНЫЙ КРЕСТ НА БРОНЕЖИЛЕТЕ

Мне стало по-настоящему страшно 22 февраля 2014 года, когда националистический «жовто-блакитный» шабаш в Киеве победил свой же «Беркут» и ОМОН. Нашивки у ребят тоже были сине-желтые. Так как же объяснить вдове и детям убитого украинского милиционера, что его убил герой Украины?..

И тогда казалось, что зло окончательно победило. Телевизор работал на Первом украинском канале, я не выключал его, ожидая сообщений Гражданской обороны. Жена в слезах собирала сумки, я возился с аптечкой, успел прикупить необходимые медикаменты и перевязочные средства. Ощущение жути, того, что все плохое только начинается, с тех пор не покидало меня.

Сначала хотел ехать в Крым добровольцем — жена не пустила. Но шестого апреля 2014 года была взята штурмом в очередной раз Донецкая областная государственная администрация. Мне об этом сообщил мой друг, учитель и впоследствии — командир Федор Березин.

На входе кордоном стояли бойцы Внутренних войск Украины, но проходу внутрь они уже не препятствовали. Внутри — неразбериха, толпы народа в самой экзотической экипировке. Возводят импровизированные баррикады, остро пахнет бензином — это «бодяжат» «Коктейль Молотова».

Тогда уж я более не мешкал. Вернулся в общагу, там

дождался своего часа советский бронежилет, каска, которую подарил друг, уже давно собранный медицинский подсумок. Надел все это, рассовал по карманам «броника» жгуты-бинты.

Вместе с женой мы вернулись на площадь перед донецкой ОГА. Несмотря на то что было одиннадцать вечера, народ все подходил и подходил. На внешнем периметре и внутри возводились баррикады из мешков с песком и автомобильных покрышек. Здесь уже был Федор Березин, тогда еще мало кому известный, кроме литературных кругов. Кроме него были и еще знакомые ребята. А с незнакомыми — перезнакомились! Многие из них — ветераны Афгана или уже спецподразделений Украины.

Оставив жену на попечение старших товарищей, протиснулся внутрь облгосадминистрации. Группа вооруженных дубинками в захваченном милицейском обмундировании ребят контролирует вход.

— Ребята, где тут медики?

— На втором этаже!

— Понял.

Поднимаюсь, нахожу комнату, отмеченную красным крестом, там уже вовсю суетятся девчонки и ребята — добровольцы. Объясняю какой-то девушке ситуацию, она записывает мои данные и телефон. Я по первому образованию биолог, учитель биологии и химии. А по второму — журналист. Так, что основы медицины знаю. Тем более, у меня друг — бывший фельдшер «Скорой помощи», учились вместе на биофаке. Он многому меня научил и в теории, и на практике. Да и самому мне приходилось оказывать помощь, юность у вашего покорного слуги была весьма бурной и полной неожиданностей...

Договорились, что поскольку я в бронежилете, то буду дежурить снаружи. А у остальных медиков-добровольцев только и защиты, что пластиковая шахтерская каска с красным крестом, да белый халат...

Возвращаюсь на улицу, отправляю жену на такси домой. Сам вместе в Федором Березиным и остальными — остаюсь.

Разбираем брусчатку на площади перед облгосадминистрацией. «Булыжник — оружие пролетариата!» — вспоминается еще из детства. Вот, дожили... На ступеньках установили Большой плазменный экран и колонки, начали вещание «России-24» и «Life News». Рядом на грузовой «газельке» — на всякий случай, стоит мощный генератор.

Баррикада еще слабенькая, хотя постоянно подвозят мешки с песком, автомобильные покрышки, бетонные блоки. Люди, объединенные общей идеей, стали живым щитом. Здесь и стар, и млад. Чувствуется необычайный душевный подъем, высвободилась. Наконец-то. Та энергия, которая долго дремала в людях. Надоело! Мы не хотим под власть оголтелых, скачущих по майдану в Киеве, бандеровских ублюдков!

Страха не было, а была твердая уверенность — не посмеют штурмовать! Духу не хватит сломить людей в Донбассе!

Запомнились бабушки и дедушки, которые просто сели на ступеньках донецкой облгосадминистрации. Им вынесли стулья, кресла, теплые одеяла и они спокойно расположились, словно на трибуне.

К одной из старушек подошла то ли внучка, то ли невестка:

— Бабушка, пойдете домой...

— Ты иди, доченька. А я тут посижу. Видишь, мне тепло, я пледом укрылась.

Как, я мог уйти, если они остались?

К полночи появилась информация о двух или трех бронетранспортерах, прорвавшихся в Донецк. Мы выстроились для отражения атаки. Такая информация в течение оставшейся ночи повторялась несколько раз.

Но уже около двух часов ночи диктор объявил: вылетевшая из Киева группа «Альфа» СБУ, отказалась штурмовать донецкую Облгосадминистрацию!

Эта новость была нами воспринята с огромным воодушевлением. Впоследствии на стенах появились надписи: «Альфа», спасибо! Честь имеют». Профессионалы сделали свой выбор.

Утро первых суток моей службы в качестве добровольца подошло незаметно.

* * *

Командиром Первого Добровольческого медотряда был тогда Юрий Юрьевич Евич, талантливый и энергичный организатор и опытный врач.

— Кто ты, как тебя зовут?

— Я — Георгий Савицкий. Шесть лет назад написал роман-предупреждение «Поле боя — Украина. Сломанный трезубец». Не я один, конечно, а в одно время с Федором Березиным с его «Украинским фронтом» и луганчанином Глебом Бобровым с «Эпохой мертворожденных». Это не самореклама, просто хочу следовать своим же идеям, а не отсиживаться на диване, как дешевка, ожидая, что за меня навоюют. Кроме того, у меня дед Севастополь оборонял от фашистов, а теперь я Донецк обороняю от «укрофашистов».

— Годится, будешь у нас стрелком-санитаром.

Для быстрой идентификации все добровольцы-медики носили на одежде большие красные кресты на белом фоне. Появился такой красный крест и на моем бронежилете.

Проблем у защитников баррикад донецкой облгосадминистрации было просто до хрена. Столько же было проблем и у добровольцев медотряда. Его основу составили фельдшеры, студенты Донецкого национального медицинского Университета, просто равнодушные люди. Основной проблемой был недостаток лекарств и подготовленных специалистов. Поэтому лично я, раскрыв рот, слушал действительно высокопрофессиональных врачей и медсестер. Что толку от теоретических знаний, если ты

не сможешь применить их на практике?! Зубрили брошюры по оказанию первой помощи, и название и действие самых разных лекарственных препаратов. Была четкая и ясная мысль, что в экстремальной ситуации можно будет рассчитывать только на собственные знания, и все нужно будет сделать с первого раза.

А ситуация становилась все круче. Сначала целью митингов в поддержку федерализации Украины (а не присоединения к России, как потом навесили нам ярлыки украинские СМИ) было просто желание привлечь внимание к проблемам на Донбассе. Отделяться всерьез от Украины пока еще никто не хотел. А вот в Киеве у многих засвербело в седалище от перспективы федерализации, при которой грабить Донбасс и скакать на майдане уже не получится. В итоге обезьяны, которые свалили памятник Ленину в Киеве и поставили вместо него золотой унитаз, объявили шахтеров, металлургов, машиностроителей, энергетиков — «сепаратистами», «ватниками» и вообще — «донецким быдлом».

Вообще, в этом всем «желто-блакитном» бардаке удручает полное пренебрежение к человеку, к личности. Главное — навесить ярлык «колорадов» и «сепаратов». И можно давить штурмовой авиацией города Донбасса, обстреливать из минометов, «градов» и гаубиц. А когда и это не сломит волю защитников и мирных жителей — подтянуть «Ураганы», «Смерчи» и «Точки-У»! Но это будет потом, а пока...

«Веселуха» у нас начиналась примерно после полуночи, с часу до половины четвертого утра. Только уснешь в нашей палатке с красным крестом, и начинается. Кстати, спал я также. В бронезилете и с медицинским подсумком «в обнимку», чтоб не тратить времени, когда поднимают по тревоге.

Привели однажды провокатора украинских националистов. Лицо разбито, а шуплого парнишку, из наших, прямо трясет. Накапал ему валокордина, налил чая из тер-

моса. Минут через двадцать от него удалось добиться более-менее связного рассказа. Наши ребята были в патруле. Из оружия — только дубинки, «огнестрел», даже пистолет. Был в середине апреля 2014 в Донецке еще экзотикой. Во всяком случае, для широких масс. Так вот, остановились наши ребята у ночного ларька сигарет купить. Подходят двое и начали: «А вы за кого»?.. Этот парнишка потихоньку милицейскую дубинку из-за пояса тащит, а пришлый ему внезапно — пистолетом прямо в лицо ткнул! Тот рефлекторно пистолет отбил и саданул провокатора по роже дубинкой! Тот — бежать, второй — тоже! В общем, «меченного «демократизатором» удалось поймать. А второй провокатор ушел. И «ствол» они успели выбросить.

Пока я приводил в чувство нашего добровольца-патрульного, медсестры в палатке обрабатывали рану провокатору. Вдруг, шум, возня!.. Вбегаю я в палатку, и вижу, что этот гад бросается с кулаками на наших девчонок. Ну, я ему со всем медицинским милосердием «засветил кулаком в голову, а потом попытался взять на удушающий. И ни хрена! Я в «бронике» сам под центнер веса повис на нем, как болонка на слоне! А он рвется, все в палатке крушит. Я ору девчонкам: «Колите какой-нибудь седатив, чтоб его вырубить»!

Ситуация — просто звиздец! Нарочно не придумаешь. Тут подоспели два бойца из харьковского «Оплота», и только все втроем мы угомонили эту сволочь!

Да и то, оплотовец бьет его ногой в голову, а тот отлетает и, как ни в чем не бывало. Поднимается на ноги. Когда провокатора уже скрутили, посветили в глаза фонариком, реакции — ноль! Зрачки сужены до размеров булавочной головки: этот гад явно под действием какого-то мощного препарата. Полное отсутствие боли, по-научному — анагезия.

Немного «отметелили» «правосека» и привязали его скотчем к стулу. Тот пытался выкатить. Не осознавая, насколько он «попал». Я от души, и весьма сдержанно посо-

ветовал ему заткнуться. Кстати, за него вступились и наши медсестры, на которых он накинулся, в итоге мы передали его нашей контрразведке.

И такие эксцессы стали случаться в дальнейшем гораздо чаще. Подходили какие-то стремные личности, явно напичканные какой-то химической дрянью, и начинали, что называется, «выносить мозг». И все это за полночь, усиливая и так общую нервозность.

Один раз и мне пришлось колоть налоксон, чтобы утихомирить какого-то малолетку. Юный последователь Степана Бандеры явно переборщил со стимулятором. Или с какой другой химической дрянью, что ему дали. Подошел к нашим бойцам, начал рассказывать, какой Бандера хороший. Мы на явную провокацию не поддавались. В итоге, малолетний демократ перешел на истерику. Видимо, страшно ему было: глаза закатились, а изо рта самым натуральным образом стала идти пена! Я такого еще не видел, и честно говоря, немного оробел. Провокатор рухнул на землю и начал колотиться в припадке.

— Ребята, голову ему поверните набок, чтоб не захлебнулся! — крикнул я и побежал в палатку за шприцом и лекарством.

Как назло всех более-менее профессиональных медиков куда-то вызвали. Пришлось мне делать укол. Ночью, при тусклом свете фонарей, извивающемуся в конвульсиях ублюдку, которого уже откровенно рвало!

— Руку, блядь, ему держите! — рявкнул я на бойцов.

Те выпростили мне его конечность, распорили рукав. Все остальное я делал уже, что называется, «на автомате». Хлопнула ампула, лекарство перетекло в шприц. Перетянул жгутом ему руку, нашел вену, с первого раза попал в нее иглой. Медленно нажал на поршень. Провокатора «отпускало» буквально на глазах. Конвульсии прекратились — теперь его, жалкого и потерянного просто была крупная дрожь. Вызвали «Скорую» из областной наркологии и отправили этого малолетнего идиота с Богом!..

Но в нашем «баррикадном быту» были и довольно курьезные моменты. Однажды тоже, как всегда за полночь, нас вызвали казаки из соседнего подразделения. К ним пришел в хлам пьяный мужичок и просто рухнул, там, где стоял. Прямо возле их расположения.

— Смотрим, прет напрямик какое-то «тело», по газонам, через бордюры. «Мужики, я за вас!» — и тут же рухнул, — так повествовал об этом караульный.

Мне сразу вспомнилось из Венедикта Ерофеева: «...и немедленно выпил!» Скептически глянул на храпящее на газоне «тело». При каждом выдохе субъекта вокруг распространялось облако спиртов и сивушных масел. Пробегавшая мимо собачонка, унюхав этот «букет», заскулила, и поджав хвост, унеслась в ночь. Вот, блин! Снова бежать за налоксоном, колоть этого кадавра...

К нам подбежали две девчонки из дежурного экипажа «Скорой помощи», невысокого роста, изящные, как балерины. Но как обращаться с такими «страдальцами», они знали очень хорошо. Нашатырный спирт они ему подносили не на ватке, а почти, что заливали в нос! Лупили по щекам так, что голова, оторвется, трясли за плечи. И никакой реакции. Вот это «набрался» товарищ! За это время успели вызвать «Скорую помощь» из областной наркологии, но вот погрузить пропахшего сивушными спиртами «страдальца» было тем еще подвигом!..

Вот такой «аттракцион»...

Вообще война очень сильно меняет отношения между людьми. На баррикадах каждый был мне, если не другом и братом, то уж точно — товарищем. У нас даже возникали чувства между медсестрами и фельдшерами.

Так было и между медсестрой Юлей и фельдшером Димой. Они вместе выезжали на вызовы, вместе спасали людей. С бронезилетами тогда была «напряженка», они полагались только нашим врачам. Дмитрий где-то «отжал»

милицейский «броник» и отдал его Юле. Вот такие знаки внимания на баррикадах... У меня был запас страйкбольных гранат-«хлопушек», тоже отнес ребятам — сойдут за светошумовые.

В одну из ночей нас подняли по тревоге на разгрузку гуманитарной помощи. Несколько легковых машин были битком набиты ящиками с инсулином. Говорок у ребят, которые это все привезли, был явно не донбасский. Мы жали им руки, обнимали, как родных. Потом один из них признался, что ехали от Ростова полями-перелесками, ночью, рискуя попасть под огонь снайперов или диверсионных групп «правосеков». Они везли нам инсулин, который был буквально на вес золота! Украинская блядская власть первое, что сделала. Запретила поставки инсулина в Донецкую и Луганскую области, еще в конце марта — в начале апреля. Тысячи больных сахарным диабетом людей, не сепаратистов, не террористов, а пока еще граждан Украины были обречены на медленную и мучительную смерть. И только русские, рискуя собственной жизнью, везли нам такое необходимое лекарство... Спасибо им, и низкий поклон.

К тому времени вокруг Донецкой облгосадминистрации выросло уже три периметра обороны! Автомобильные покрышки, мешки с песком, колючая проволока перегородили подходы к зданию. На баррикадах развевались российские триколоры и красные знамена, различные патриотические плакаты. Позиции охраняли крепкие парни в масках-балаклавах и с дубинками. Под рукой — бутылки с «коктейлем Молотова». Какие-то шутники повесили на колючую проволоку таблички: «Здесь мин, наверное, нет»!

В здании Донецкой облгосадминистрации было развернуто несколько операционных, оснащенных всем необходимым оборудованием и медикаментами. И дежурили в этих операционных опытные хирурги, среди которых — и специалисты Донецкого Национального медицинского университета.

«В поле», за баррикадами, работали медицинские группы эвакуации, состоящие из фельдшеров и добровольцев.

— Если начинается огневой бой, группы эвакуации укрываются за каменными парапетами. Не геройствуйте, и под пули не лезьте. Когда наши начинают отвечать огнем на огонь — вы начинаете работать. Лишний раз не высовывайтесь, берегите себя и пострадавших. Оказывайте помощь всем — и нашим, и тем, кто будет нас атаковать. Помните, вы — медики! Ваша задача сохранение жизни людей. Во время оказания первой помощи обеспечивайте взаимодействие с экипажами «Скорой помощи», — структурировал нас Юрий Евич.

Эвакуировать раненых предполагалось на частных автомобилях дворами. Это делалось потому, что в Харькове, например, во время массовых беспорядков «правосеки» пробивали шины автомобилям «Скорой помощи», которые вывозили раненых! Вот такие они — «мирные протестующие»!

Так же хорошо, как и медицина, была организована и «служба тыла», если можно так выразиться. Защитники «донецкой крепости» могли получить и теплые вещи. Люди приносили медикаменты, перевязочные средства, еду, организовывали горячие обеды и чай. Люди отдавали последнее, что у них было, своим защитникам.

Оружие на баррикадах было самое экзотическое. Об огнестрельном, а тем более об автоматах еще никто и не помышлял. Зато разнообразные тесаки, дубинки, кистени, нунчаки, саперные лопатки, ножи, «отжатые» у милиции щиты, бронежилеты и защитные шлемы уже были в ходу. Чуть позже появились и обрезы. Применить этот арсенал бойцам, а нам, медикам-добровольцам, пытаться нейтрализовать последствия его применения, пришлось уже совсем скоро.

Не помню точно, но, по-моему, шестнадцатого апреля 2014 года состоялся «Мирный марш в поддержку Украины». Под «желто-блакитными» знаменами он начался от городского стадиона и памятнику Бубке в сторону нашей облгосадминистрации. Впереди шли, как водится, «девочки-припевочки» с сине-желтыми лентами, а за ними — «мальчишки-убивайчики» в масках, многие в бронежилетах, с дубинками, арматурными прутьями и травматическим оружием. Горели факелы, дымовые шашки, хлопали взрывпакеты.

Я, в принципе, возле донецкой ОГА оказался тогда случайно, была не моя смена в медотряде. Наскоро наврав что-то жене по «мобильнику», побежал к друзьям, у которых лежала вся моя амуниция. Не знаю. Уложился ли я в сорок пять секунд, но надеть тяжелый «броник», каску, схватить подсумок с красным крестом много времени не заняло. И вот я уже снова в рядах защитников Донецкой областной государственной организации.

Ряды защитников на подступах в общем нервном напряжении. Все готовят свое экзотическое холодное оружие, бутылки с «коктейлем Молотова». Ну, а мы — с красными крестами на экипировке, готовим перевязочные средства и необходимые лекарства. Запомнился мужчина на костылях, с одной ногой, но с дубинкой в руке: хоть разок, но долбануть бандеровскую нечисть!

Наряд нашей, украинской же милиции — в растерянности. Трое правоохранителей с дубинками и газовыми баллончиками. Только у прапорщика, старшего наряда, штатный «макаров» в кобуре. И все трое — без бронежилетов! Можно только подивиться их мужеству. Милиционеры представляли здесь еще украинскую, киевскую власть. А эта продажная власть так о них «позаботилась»!.. Вот и делайте выводы...

Защитники пошли навстречу толпе «желто-блакитных» националистов, завязалось яростное побоище, пролилась кровь. После первого массивного столкновения про-

тивостояние разбилось на отдельные драки в десяток-полтора человек с обеих сторон. Вокруг хлопали выстрелы из «травматики», рвались петарды и взрывпакеты. Почти сразу же появились раненые. Мы с девчонкой из медотряда вывели из этого ада одного пострадавшего. У здорового, под два метра ростом, мужика голова — в крови. Его ошутимо шатает. Значит, сотрясение. Ведем его в безопасное место. В свете тактического фонарика обрабатываем рану — от края волосистой части головы надо лбом и до затылка... ближе к левому уху. На него набросились несколько «желто-блакитных», ударили по голове арматурой. Но он умудрился всех их раскидать, еще и погнался за «горе вояками»!..

А вот на наших руках этот дядя уже обвисал, периодически теряя сознание. Проверили зрачковую реакцию — вроде нормально, речь у него — связная. Но симптомы тяжелого сотрясения мозга выражены явно. Обрабатываем рану, бинтуем и тащим в операционную. Там врачи уже зашили мягкие ткани, поставили дренаж. Вместе с листком назначения на «Скорой помощи» отправили его в нейрохирургию.

Всего было около десятка пострадавших с нашей стороны: легкие контузии от применения взрывпакетов, ушибы, рваные раны конечностей, травмы головы. Всем им медиками-добровольцами была оказана квалифицированная помощь с последующей отправкой по «Скорой помощи» в больницы города Донецка.

Дома меня встретила с укором во взгляде жена. Я лишь пожал плечами, приходилось разрываться между семьей, работой и долгом. Не дай бог, кому испытать это! К тому же, практически все добровольцы, как и я сам, приходили на баррикады после работы.

Вернулся домой, принял душ, переоделся, поел, немало отдохнул. И к восьми вечера — на баррикады.

— Подожди. Возьми крестик моей бабушки, пусть он тебя бережет, — жена надела мне на шею серебряную цепочку.

Я крепко обнял самого дорогого в этом сумасшедшем мире человека. Главное — не смотреть ей в глаза, иначе сил уйти уже не будет. Впереди была еще одна ночь, в целой череде бесконечных ночей, расцвеченных огненными сполохами и смертоносными «светляками» трассеров.

Кровавая Пасха — так называли этот праздник в странном и страшном 2014 году. Неподалеку от Славянска боевики «Правого сектора» расстреляли наш блокпост. Оружия у ополченцев Донбасса не было, только дубинки и бутылки с зажигательной смесью. Подоспевшая маневренная группа с автоматами ответила огнем, в результате один из джипов «Правого сектора» был расстрелян, второй успел уйти.

У нас на баррикадах тоже градус противостояния накаляется. Как раз в день Великодня — Пасхи, появился у нас еще один раненый. Защитника баррикад возле донецкой ОГА приговорили к своеобразному жертвоприношению! А дело было так: пришел к нам какой-то «мутный» товарищ, движимый жаждой помочь. Ошивался на баррикадах, познакомился с тем самым бойцом, которого и наметил в жертву. Принес ему освященную пасочку, они вместе поели, этот «мутный» даже молитву какую-то прочел.

А потом воткнул нож в спину тому, с кем только что разделил святую трапезу!

Я обрабатывал эту рану: колото-резаная, шириной сантиметра полтора. Расположена чуть ниже левой лопатки. Парню просто повезло. Рана чистая и заживала хорошо. Я только вытащил дренаж и наложил новую стерильную повязку. Этого парня я еще много раз видел на баррикадах. Даже раненые защитники Донбасса не покидали своих постов.

У людей на баррикадах была эйфория. Во-первых, скоро День Победы, святой для всех праздник. А во-вторых, стало известно, что в Краматорске остановлена колонна бронетехники и личный состав 25-й Воздушно-десантной бригады ВС Украины из Днепропетровска. Еще одни профессионалы не решились поднять оружие на мирных жителей. До этого были и еще случаи, когда местные мужички и бабоньки крепкими выражениями останавливали не только грузовики с солдатами, но и танки украинской армии! Люди верили, что еще немного, и к их голосу прислушаются в высоких кабинетах в Киеве. Не прекращались митинги в поддержку федерализации Украины и в поддержку русского Крыма и политики России по отношению к киевской хунте. Демонстранты и защитники донецкой ОГА были настроены на жесткий, но все-таки диалог с «исполняющими обязанности» киевскими властями.

Все переменялось 2 мая. Одесса стала нашим Рубиконом, но перешли эту реку крови бандеровцы!

Сразу на баррикадах и блокпостах в Донецке появилось огнестрельное автоматическое оружие. Раньше лишь кое-где мелькнет в толпе «отжатый» у милиционеров укороченный «калаш»... А теперь самые разнообразные автоматы, дробовики и даже пулеметы появились у подавляющего большинства защитников Донбасса.

И тоже, как говорится, «картина маслом». Стоит милиционер с дубинкой и газовым баллончиком и в своей смешной синей форме, опять-таки, без бронежилета. А рядом с ним — детина в маске-«балаклаве», в бронежилете и полной экипировке, «разгрузке», в руках — «калаш» с подствольным гранатометом.

— Товарищ милиционер, а вы поинтересуйтесь у этого молодого человека . есть ли у него разрешение на оружие? — не выдерживаю я под дружный хохот и рев таких же «вежливых людей» донецкого разлива.

Следующей акцией стал захват Донецкой областной прокуратуры. Там донецких активистов встретил плотный огонь из травматического оружия. Причем стреляли не местные, донецкие милиционеры, а присланные из Запорожья и Винницы. Огонь из «травматики» велся в упор, в нарушение всех правовых норм и правил. Мне лично пришлось эвакуировать раненого с разбитой головой. Мой коллега фельдшер Дмитрий вывез на своей машине пострадавшего с проникающим ранением резиновой пулей в грудь. В операционной, развернутой в донецкой ОГА, хирурги проводили необходимую обработку ран и передавали пострадавших на «Скорую помощь».

Во время штурма прокуратуры стрельба велась довольно активно, рвались взрывпакеты. Так что мой бронежилет и стальная каска были весьма нелишними.

После я вернулся и эвакуировал еще одного из наших с ранением травматической пулей в левое бедро. Дядька был невысокого роста, но плотного телосложения. Как я его вытащил на газон — сам не знаю. Штанина разорвана, но крови было немного. Залил рану перекисью из пластикового флакона, туго забинтовал перевязочным пакетом. К тому времени подъехала «Скорая помощь», и я передал пострадавшего медикам.

Как всегда, «под раздачу» попали совершенно не причастные к силовому захвату. Ситуация приключилась трагикомичная: толпа разъяренных женщин окружила какого-то мужика, выкрикивая в его адрес проклятия. Мужчина был весьма упитанный, средних лет, в очках и с профессиональной фотокамерой в руках.

— Это провокатор! Давайте захватим его и поменяем на наших ребят! — весьма визгливо кричали бабушки и женщины.

Ей-богу, зомби-апокалипсис... Мне почему-то показалось, что совершенно обескураженный мужик просто не понимает по-русски. Продравшись сквозь толпу разъ-

яранных бабушек, я стал, что называется грудью. Толпа совсем немного притихла.

— Do you speak English?

— Yes! Yes!

— Where you from?

— France!

Моего скромного словарного запаса вполне хватило, чтобы прояснить ситуацию. Втроем с ополченцами мы все же вызволили французского корреспондента из толпы. Бабушки — страшная сила! Наскоро обработав рану на его голове, я указал на стоящую в отдалении «Скорую помощь».

— Go to Ambulance, иначе, пиздец тебе!

— Спасибо, спасибо! — произнес француз, наверное одну из немногих фраз по-русски.

Тем временем, в сторону прокуратуры выдвинулись два бронетранспортера с милицейским спецназом, но им преградили дорогу мирные жители. В итоге одна «коробочка» ушла, а вторую мы захватили. На этом все и закончилось.

Девятое мая 2014 года было таким же кровавым, как и Пасха. На этот раз в Мариуполе украинские солдаты или ублюдки из «Правого сектора» открыли огонь по демонстрации, которая шла возлагать цветы к памятнику погибшим в Великую Отечественную советским воинам.

Вечером того же дня я вызвался добровольцем, чтобы поехать сражаться в свой родной город. Но командир отклонил мою просьбу. Вместо Мариуполя я вместе с еще одним фельдшером поехал на блокпост в Петровском районе неподалеку от телевышки, за которую совсем недавно был бой. На обычном микроавтобусе, нагруженные медикаментами и перевязочными средствами, в сопровождении бойцов мы выехали по назначению. На блокпосту был только один медик-доброволец, а с этого направле-

ния ожидался штурм Донецка украинскими силовиками. Всю ночь мы не сомкнули глаз. У нас был один пулемет, несколько автоматов, «мухи» и бутылки с «коктейлем Молотова». Было не то, чтобы страшно, просто огромное напряжение выматывало нервы. В ту ночь на нас так и не напали, хотя на соседнем блокпосту была перестрелка, слышались автоматные очереди, пару раз грохнули взрывы. Вообще, войну учишься определять на слух. И благодаря «доблестной» украинской армии в Донецке уже даже малые дети и домохозяйки могут определить, из чего велась стрельба, какого калибра оружие, и как далеко оно находится.

Чем ближе к дате референдума о независимости ДНР, тем яростнее нарастало противостояние и в самом Донецке. Оружие открыто уже носили все. На баррикадах дежурили охотники с ружьями, были созданы мобильные ударные группы для противостояния участвовавшим провокациям. По ночам мы ходили в пешие патрули, и ребята чувствовали себя увереннее, если с ними шла «медицина».

За неделю до референдума о провозглашении Донецкой Народной Республики в центре Донецка разгорелся настоящий ночной бой! Примерно в половине второго ночи нас разбудили не просто выстрелы, к которым уже все привыкли, а автоматные очереди. Никогда бы не подумал. Что семнадцатикилограммовый бронежилет надевается так быстро! Выбегаю вместе с остальными защитниками донецкой ОГА в ночь. С двух сторон слышится автоматная стрельба, частые хлопки одиночных выстрелов. Открывать огонь в ответ мы не можем: вокруг жилые дома. На это и расчет подлых провокаторов-бандеровцев. Суки! — воюют только подлостью.

Только выскочил за внешний периметр, как сразу же раздались крики: «Доктора сюда! Тут раненый! Вместе с

Лешей-фельдшером и двумя бойцами прикрытия бежим туда. Начинается интенсивная стрельба — пригибаемся. Прячемся за бетонный парапет. Переждали и снова вперед!

Перебегаем дорогу по улице Университетской. Во дворах расстреляли из автоматов наш микроавтобус. Подбегаем, водитель ранен в ногу. На левом бедре — входное отверстие, как иллюстрация из учебника по военно-полевой хирургии. Ранение навывлет, мы его даже не бинтовали. Подхватываем раненого и тащим за собой. Он упирается, у мужика — шок, он несет какую-то околесицу и пытается вырваться. Алексей связывается с врачами и говорит, что у нас — раненый, и нужно готовить операционную. Возвращаемся под пулями.

После этого я побежал к расквартированным рядом со зданием облгосадминистрации казакам, вроде бы как кричали, что у них тоже раненый. Стрельба все еще не утихала, поэтому передвигаться приходилось на полусогнутых и перебежками.

— Эй, казаки! У вас раненых нет?

— Нет, все нормально! — ребята прячутся за бетонными парапетами, выставив стволы автоматов.

Возвращаюсь также перебежками в здание ОГА, меня прикрывает казак с автоматом. Ночной бой в центре Донецка окончился так же внезапно, как и начался. Сбросив бронезилет, наслаждаюсь самым вкусным на свете чаем из пластикового стаканчика. В голове — пусто, мыслей — никаких. Просто воспринимаешь действительность. Как она есть. Наверное, именно это состояние буддисты и называют «дзен».

В следующий раз медицинскую помощь пришлось оказывать через пару ночей. Только собрался кофе попить, и ту же кричат — врача, быстро!

Стаканчик с кофе улетает в урну. А я бегу, неуклюжий в своем бронезилете. На ходу доставая фонарик и перевя-

зочный пакет. Пострадавший лежит на земле. Вокруг его головы лужа крови. Зрелище, прямо скажем, страшноватое. Как рассказали его сослуживцы, на девушку напал провокатор с ножом, а этот товарищ заступил ему дорогу. Тот его оттолкнул, и пострадавший ударился головой о бетонный бордюр.

Поднимаю его за плечи, аккуратно поддерживая за шею, усаживаю, мужчина в сознании. Правда сознание спутанное. Кто-то «советует» сделать непрямой массаж сердца.

— Какой, на хер непрямой массаж, раненый в сознании! Быстрее за носилками! — прижимаю ватно-марлевый комок перевязочного пакета к голове раненого.

Больше ничего делать пока не нужно, череп, вроде бы целый, а кровотечение так, ерунда. Только выглядит страшно. Правда, я растерялся в первые секунды. Начал рвать перевязочный пакет, не сообразив, что там есть специальная нитка. Но все же справился с нервами. Тем временем принесли носилки, и мы эвакуировали пострадавшего для обработки раны.

Самая страшная ночь была в канун референдума с 10 на 11 мая 2014 года. Мы уже знали, что украинские власти будут нас давить всеми средствами. Разгоралось пламя вооруженного противостояния в Краматорске и Славянске, да и у нас в Донецке постоянно были перестрелки по ночам. Автоматные очереди и взрывы стали нормой.

Не знаю, как другим, а мне во время перестрелок и ночных боев было страшно не успеть оказать помощь раненому или сделать что-то неправильно. Приходилось делать перевязки под обстрелом и тогда только одна мысль: хоть бы успеть перебинтовать человека, а там уже все равно... В ночных перестрелках страх трансформировался в осторожность.

Но вот ночь накануне референдума была действительно жуткой, никто и глаз не сомкнул. Мы с командиром отряда прикрытия медиков Серегой Тайгой были увлечены интереснейшей беседой. Ее тема была весьма актуальной: если к Дому правительства прорвутся боевые машины пехоты, то за сколько они нас расстреляют из 30-миллиметровых пушек?..

К тому времени у нас уже было весьма солидное вооруженное прикрытия с пулеметчиками, снайперами и гранатометчиками. Но все же...

Вот с того момента мне стало по-настоящему страшно, страшно и до сих пор. Вдруг в самый неподходящий момент возникают мысли о жене, что с ней будет, если меня убьют? И теперь, каждый раз уходя в ночь, я боролся с этими мыслями и страхом.

Референдум прошел всем тревогам назло. Мы обрели поддержку народа в своем стремлении к независимости от злой бандеровской мачехи — Украины. Куда делась «нэнька», то есть «мать»-Украина, нам было неизвестно. Вернется ли она — кто знает?.. Во всяком случае, будем надеяться. Моя жена, искренняя патриотка Украины плакала навзрыд, когда Крым все же объявил о своем вхождении в состав России. Но плакала потому, что тупорылые ублюдки в Киеве допустили своей оккупационной наплевательской политикой такое развитие событий.

Путин забрал украинский Крым! А то, что Крым — это не столько территория, сколько два миллиона человек населения, причем, в основном, офицеры в нескольких поколениях. Это как-то выходит за грань восприятия. «Майданутым» долбоебам как-то невдомек, что и четыре миллиона в Донецкой и Луганской областях тоже не желают кланяться Бандере и скакать на Майдане!

Баррикады вокруг донецкого Дома правительства свою задачу выполнили, они сплотили народ, стали символом борьбы и позволили мобилизовать всех на референдум. Укрепления убрали в начале июня, организованно, быстро и четко. А вот в Киеве «майдауны» в августе снова жгли покрышки и доблестно сражались с коммунальными службами, которые хотели просто навести порядок и вывезти горы мусора из центра «европейской столицы»!

Вместе с баррикадами большая часть добровольцев тоже разошлась. Кто вернулся домой, а кто пошел на военную службу добровольцем. Наш медицинский отряд тоже реформировался. Там оставались преимущественно профессиональные медработники. А от меня какой толк? Я ведь даже не медбрат, а так — «стрелок-санитар»...

Пришлось принять непростое решение и не мешать профессионалам.

Но, даже уйдя из медотряда, я остался востребованным специалистом. По просьбе Чапая, который к тому времени вернулся из Славянска и фактически стал военным комендантом Донецка, я проводил медицинские инструктажи по оказанию помощи на поле боя с его личным составом. Покупал за свои, весьма скромные гонорары от литературной работы медикаменты, аптечки, перевязочные пакеты.

В конце августа я был мобилизован на военный завод в Донецке. Точнее, промышленное предприятие стало двойного назначения с преимущественно военной направленности.

Здесь в цехах проходят ремонт и модернизацию «мирные советские трактора», марок «Т-64», «Т-62» и «Т-72». Как говорится, без комментариев... Танки приходят сюда прямо с поля боя, с налипшими комьями грязи на траках гусениц и следами боевых попаданий. Благодаря профессионализму рабочих, хорошей технологической оснастке

и высокой ремонтпригодности боевой техники подавляющее большинство боевых машин быстро вводится в строй.

Но мы не только ремонтируем, но и модернизируем бронетранспортеры и боевые машины пехоты, усиливаем броню и устанавливаем дополнительные противосколочные резинотканевые экраны из транспортерной ленты.

Техника эта — трофейная, которую захватили ополченцы в боях с бандеровскими оккупантами. Об этом красноречиво свидетельствуют вертикальные белые полосы быстрого опознавания, а также образцы «народного творчества» на бортах трофейных боевых машин, преимущественно в «желто-блакитной» цветовой гамме.

С легкой руки Чапая ополчение Донбасса обзавелось и собственным серийным минометом, который тоже производится на нашем заводе. В качестве прототипа был использован образец с памятника советскому генералу Ватутину! «Волевым решением» Чапая, он был снят с постаментов, освобожден от краски и передан инженерам. Все детали миномета были тщательно промерены, был проведен, так называемый, «обратный инжиниринг» прототипа и выпущены рабочие чертежи. А уже по ним стали изготавливать и серийные образцы минометов. При этом они отличаются высокой эксплуатационной надежностью, скрытностью применения, боевой эффективностью и мобильностью.

Ныне «миномет-ветеран» снова возвращен на постамент, а его «внуки» уже успешно служат артиллеристам Народного ополчения Донбасса! В этом отразилась своеобразная преемственность поколений: оружие наших отцов и дедов, которые боролись с фашизмом в Великую Отечественную войну, сейчас служит их потомкам.

И эта далеко не единственная разработка наших до-нецких умельцев! У нас действительно мастера — «золотые руки». При этом никаких «российских наемников» у нас нет, ведь хорошему слесарю не важно, что ремонтировать: большегрузный автомобиль или бронетранспортер. Конечно, есть особенности, но техника-то ведь советская, а значит — сверхнадежная и ремонтпригодная.

В заключение своего рассказа хочу сказать, оказавшись в самом центре судьбоносных исторических событий, я сделал правильный выбор. Я не убивал, а наоборот — оказывал медицинскую помощь людям. В том числе — и противникам. Пусть не обижаются на меня те, о которых я не упомянул, я всех вас помню и обязательно напишу. Естественно, обо всем в таком коротком рассказе тоже не напишешь. Наши девчонки из медотряда бывали под обстрелами. Теряли раненых, которым уже нельзя было помочь. Однажды бригаду нашей медотрядовской «Скорой помощи» бандеровцы взяли в плен, несмотря на то, что они ехали под красными крестами. А сам реанимационный автомобиль попросту сожгли. Добровольцев, среди которых были две женщины, «укропы» избивали» и издевались над ними. Потом наших медиков обменяли на пленных. То, что им пришлось пережить — это просто жуть!

Ну, а сейчас для меня самое тяжелое — не мешать профессионалам.

Послесловие
ОБ «ОКОПНОМ РЕАЛИЗМЕ»
И СОВРЕМЕННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Владимир Олейник, кандидат педагогических наук, литературный редактор сайта «окопка.ру»

Когда говорят о кризисе современной литературы, немало лукавят. Если уж говорить о кризисе, то тех структур и форм, тех образных и ценностных систем, что страшно далеки от подлинных эстетических запросов человека. Прежде всего — на правду чувств и ясность понимания действительности. Когда становится понятным «кто есть кто», куда идти и что делать. Это не упрощение, а приближение к истине. Максимально быстро такое прояснение в экстремальной ситуации. Или на войне. Не случайно человек, его образ в военной литературе наполнен глубочайшим экзистенциальным смыслом. Не случайно привычные категории и понятия в тех условиях раскрываются во всей своей полноте и насыщенности. Эти же условия и ситуации раскрывают и характер человека, исполняют его собственной мерой. Авторы сайта современной военной литературы «Окопка» эти истины вынесли из Афганистана и Чечни, из стыдливо называемых «локальных конфликтов». Они и родились там как писатели. Каждый со своей историей.

Гражданская война на Украине, вспыхнувшая после государственного переворота, вовлекла в свои жернова сотни тысяч людей, делая их участниками и жертвами. И от чаши сей нельзя уклониться, пронести мимо. Задевает, зацепит, забрызгает. Потому что Судьба — общая для всех! И в сознании людей рождается и понимание этой

общности, и ясность происходящего, и осознанность своего выбора.

В представленном сборнике под одной обложкой известные, маститые авторы — писатели и журналисты, — и те, кто начал писать в боях под Изварино, у Славянска, под бомбежками и артобстрелами Донецка и Луганска. Но объединяет их правда изображения человека, его чувств и поступков и четкая ясность видения окружающего мира. Все то, что можно назвать «окопным реализмом». Или современной военной литературой. Литературой честной и искренней. Исполненной любви к людям и к жизни. И дающей надежду на эту самую жизнь, потому что Правду победить невозможно.

Содержание

Предисловие от авторов	5
<i>Ал Алустон. Честные люди</i>	7
Невольничий рынок	16
Герои по сходной цене	22
Темнота — друг шахтера	32
<i>Николай Иванов. Засечная черта</i>	36
Группа изъятия	56
<i>Федор Березин. Резервация. Самый надежный бизнес</i>	74
<i>Виталий Даренский. Счастливые дни</i>	83
<i>Иван Донецкий. Мама, если не я, то кто?</i>	102
<i>Владимир Казмин. Фашист</i>	116
<i>Владимир Казмин. И сердце разрывается болью...</i>	139
<i>Андрей Кузнецов. Рассмешите меня своими планами!</i>	154
<i>Варвара Мелехова. Дым и пламень Донбасса. Надежда</i>	173
<i>Андрей Кокоулин. Украинские хроники</i>	185
<i>Лариса Мосенко. Две войны</i>	232
<i>Михаил Надежин. Могильщик</i>	245
<i>Юлия Сергеева. Донецкое письмо</i>	265
<i>Дмитрий Стешин. Пять этюдов о войне</i>	274
<i>Сергей Прасолов. Воробей</i>	297
<i>Глеб Бобров. Тонкая прозрачная линия</i>	303
<i>Алексей Полубота. Сила неравнодушных</i>	311
<i>Георгий Савицкий. Красный крест на бронжилете</i>	326
<i>Послесловие. Об «окопном реализме» и современной военной литературе</i>	349